

Осиротевшее царство

Если Пётр I был "революционером на троне", то царствование его внука представляет собой попытку возвращения к временам Московской Руси. Пётр II предпочёл линию отца, казнённого дедом. Никогда ещё вопрос о брачном союзе юного государя не имел столь большого значения.

Это был буквально вопрос жизни и смерти для влиятельных придворных группировок. Это был и вопрос о том, куда пойдёт дальше Россия...

Вошедшие в книгу произведения рассказывают о периоде царствования Петра II, об удачливой или несчастливой судьбе представителей разных сословий.

Часть первая

I

Стоял апрель 1727 года. Весна в том году началась рано, в воздухе веяло теплом, яркое солнце не сходило с голубого небесного свода.

На улицах мрачного, сырого Петербурга было весело, радостно. К подъезду Зимнего дворца в раззолоченной карете, запряжённой четвёркой дорогих лошадей, подъехал светлейший князь Александр Данилович Меншиков, фельдмаршал русских войск, "полудержавный властелин", "баловень судьбы счастливой", и гордой, величавой походкой прошёл по апартаментам дворца. Находившиеся тут министры, сенаторы и генералы низкими поклонами приветствовали всесильного вельможу, но он едва достаивал их лёгким наклонением головы.

Рядом с покоем, где находилась больная императрица Екатерина I Алексеевна, Меншикова встретил вице-канцлер Остерман. Этот хитрый вельможа сумел подладиться к Меншикову и выказывал ему свою признательную преданность. Теперь, низко поклонившись Александру Даниловичу, он вкрадчивым голосом проговорил:

- Как вожделенное здравие вашей светлости?
- Как видишь, барон, я здоров и бодр, – ответил ему Меншиков.
- Несказанно радуюсь тому, ваша светлость; а супруга ваша, достоуважаемая Дарья Михайловна, как изволит себя чувствовать?
- Что ей сделается, барон! А ты лучше скажи, как государыня?
- Её величество изволила провести ночь в тревожном сне, – тихо и

оглядываясь по сторонам ответил Остерман. – Опять появился бред.

– А с лейб-медиком относительно болезни государыни ты ничего не говорил? Не спрашивал, что за болезнь?

– Спрашивал, ваша светлость. – произнёс Остерман, а затем осмотрелся кругом, отвёл Меншикова в сторону и чуть ли не шёпотом продолжал: – По словам лейб-медика, императрица страдает злокачественной горячкой.

– Горячкой, да ещё злокачественной? Ведь от этой болезни умирают, – меняясь в лице, произнёс Меншиков.

– Тише, ваша светлость, ради Бога, тише!

– Да ведь тут никого нет.

– Ах, ваша светлость, здесь везде есть уши и глаза.

– Я не робок, граф, меня не испугают чужие уши и глаза.

– Вы – верховный вельможа, бояться вам нечего, а я – человек маленький.

– Это ты-то – человек маленький? Полно, Андрей Иванович, не глупи... Не пой мне лазаря. Ведь я тебя давно знаю... Я, брат, тебя насквозь вижу. Да ты сам-то ныне видел ли государыню? – меняя разговор, спросил Меншиков.

– Как же, ваша светлость, имел то счастье, – ответил Остерман. – Её величество изволила сказать мне, что чувствует себя лучше.

– Сегодня, часов в восемь вечера, будь у меня, – сказал Меншиков, направляясь в покой больной императрицы.

А там на роскошном ложе доживала свои дни коронованная императрица великой Русской земли, некогда простая мариенбургская полонянка фельдмаршала графа Шереметева, Марта Рабе, приёмш пастора Глюка. Государыня лежала с закрытыми глазами; лицо у неё горело; сильный жар, несмотря на все усилия докторов, не оставлял больной.

Рядом с кроватью государыни печально сидела её любимая камер-фрейлина; глаза молодой девушки были заплаканы. При входе всесильного Меншикова она хотела встать, но тот мановением руки разрешил ей сидеть и тихо спросил:

– Видно, государыня почивает?

– Кажется, ваша светлость.

– Нет... нет... я не сплю, не сплю... Какой сон?.. У меня и ночью нет сна. Кто это вошёл? – слабым голосом спросила больная императрица.

– Я... я, ваше величество!

– А... очень рада... сядь ко мне поближе, Александр Данилович. А ты поди: потребуешься – позову, – приказала государыня своей камер-фрейлине и, когда та вышла, указала Меншикову на её стул.

– Садись вот здесь, Александр Данилович. Что, навестить меня пришёл?

– Я вам, государыня, здоровья принёс.

– Нет, не здоровья мне ждать, а смерти; я скоро умру.

– Ваша жизнь нужна отечеству, государыня; живите для счастья людей русских, ваших верноподданных.

– Полно, князь... полно!.. Одни слова... Кому нужна моя жизнь? Наверно, все ждёте, когда я уберусь.

– Что вы говорите, ваше величество! Мы все... вся Русь, молим Бога о вашем здравии.

– Хорошо, князь... Спасибо, голубчик! В твою преданность я верю. Но не в том дело... Знаешь ли, князь, какой я видела сон?.. И сон тот правдивый, вещий... Хочешь – расскажу?

– Рад слушать, государыня.

– Расскажу, расскажу... только дай мне немного отдохнуть... Устала я... говорила и устала.

В покое императрицы водворилась тишина. Больная государыня лежала с закрытыми глазами; тяжёлые вздохи вырывались из её высоко подымавшейся груди.

Меншиков, не смея нарушить безмолвие, сидел молча, задумчиво опустив свою властолюбивую голову. Мысли одна за другой туманили его голову.

"Когда не станет государыни, императором будет провозглашён Пётр Второй, а я первым стану у его трона, император – отрок, он неспособен управлять таким большим царством, и я стану правителем... Но нужно

будет как можно более укрепить своё положение, и для этого есть один путь – породнить государя с моим родом. Кому же и быть, как не мне, самому близкому к трону вельможе, тестем государя? Во что бы то ни стало свою дочь я выдам за Петра и сегодня же испрошу у государыни согласия на это. Я уверен, что согласие последует и дочь моя будет царицею, назло моим завистникам. О, счастливая моя судьба, как ты высоко подняла меня!.. Из простых пирожников я стал всесильным министром... и скоро, скоро стану правителем всего государства... – Меншиков от восторга готов был улыбнуться, но, взглянув на больную императрицу, подумал: – А что, если государыня поправится, выздоровеет? О нет, горячка – болезнь тяжёлая, не перенести ей".

Честолюбивые мечты властолюбца были прерваны государыней.

– Князь, ты здесь? – тихо спросила она. – Да? Кажется, я хотела рассказать тебе свой сон, так?

– Так точно, государыня.

– Слушай, князь! Снилось мне, будто я сижу за столом, окружённая придворными, и ты был тут, Александр Данилович. За столом мы весело разговаривали. Как вдруг появляется тень моего покойного мужа, императора Петра... Как сейчас вижу, на Петре одежда древних римлян. Он ничего не говорит, а только манит меня рукою. Я будто встаю из-за стола и с большой радостью иду за ним. Вышли мы из дворца и оба поднялись на воздух. Летим всё выше, выше, как на крыльях, к облакам... И страшно мне, и хорошо. Бросила я свой взор на землю, и дочерей своих милых, Анюту и Лизу, увидела. Обе они будто окружены большой толпой народа разных наций. Эти люди спорили, кричали. Мне стало жаль своих дочерей, я хотела спуститься к ним, а сама поднималась всё выше, выше. Ну, что скажешь, князь, про мой сон?

– Мало ли что снится, государыня!

– Нет, князь, этот сон вещий! За мною скоро придёт мой муж, великий император; я умру, скоро умру, – с волнением проговорила больная императрица.

– Успокойтесь, ваше величество: вам вредно себя тревожить.

– Теперь мне всё равно. Ты ко мне, Александр Данилович, по делу, так говори.

– Ваше величество, вы уже изволили позаботиться о наследнике престола?

– Да, да! Я объявляю наследником внука моего покойного мужа, Петра Алексеевича. Его отцу, законному наследнику престола русского, злосчастному царевичу Алексею, не судил Бог царствовать, так пусть хоть Пётр царствует.

– Но, государыня, царевич молод и не сможет управлять таким большим царством, – тихо, вкрадчиво и вместе с тем почтительно сказал Меншиков.

– А ты-то, князь, на что же? Ты и другие вельможи станете помогать ему. Ты будешь главным правителем.

Тщеславному Меншикову только и нужно было этого; он едва мог скрыть свою радость и притворно-печальным голосом промолвил:

– Тяжёлое, непосильное бремя изволите возложить на меня, ваше величество!

– Тебе Бог поможет, князь Александр Данилович!

– На Него, Единого, только и возлагаю всё своё упование, всемилостивейшая государыня! – Усердно перекрестившись, Меншиков встал, подошёл к двери, приотворил её немного и, уверившись, что в соседнем зале никого нет, опять плотно притворил дверь, после чего опустился на колени пред больной императрицей и с волнением проговорил: – Довершите, государыня, своё благодеяние и даруйте соизволение на брак царевича Петра с моею дочерью Марией.

– Вот чего ты хочешь, князь! Но ведь этим ты наживёшь себе немало врагов и завистников, – задумчиво ответила государыня. – Смотри, князь! Злоба да зависть многое могут сделать. Ты всё стремишься к величию... тебе всего мало... Смотри, князь, не рухни... по дружбе и расположению говорю тебе это!..

– Бог даст, минует меня такая тяжёлая участь! Ведь если вы, ваше величество, своим царским словом освятите этот брак, то пред ним

должны будут замолкнуть все голоса зависти и недоброжелательства. Ведь царское слово – закон. Да и его высочество наследник-цесаревич найдёт во мне и преданнейшего слугу, и поистине родного отца. Ведь он будет моим зятем, названным сыном.

– Дай Бог, дай Бог!.. Если так, то я согласна на этот брак цесаревича. Храни его, Александр Данилович, и будь ему верным помощником в делах правления!

Меншиков, опустившись на колени, горячо поцеловал руку монархини, а она, утомлённая этой беседой, откинулась на подушку и смежила глаза в полудремоте.

Счастливым и довольным вернулся князь Меншиков в свой дом-дворец, находившийся на Васильевском острове.

– Ну, княгинюшка, радуйся и веселись, – весело сказал он своей жене, доброй и правдивой Дарье Михайловне.

Муж и жена представляли прямую противоположность: Меншиков был спесив, заносчив, крутого нрава человек, всю свою жизнь стремившийся к власти и почестям, а его жена отличалась безмерною добротой и сердечностью и полным отсутствием гордости и тщеславия. Она была защитницей и заступницей тех, на кого обрушивался гнев её властного мужа, и многих вызволяла из беды.

– Скажи, князь, чему радоваться? – с улыбкою спросила она теперь мужа.

– А тому, что скоро ты будешь царской тещей.

– Что? Что ты сказал? – меняясь в лице, воскликнула княгиня.

– Говорю, что ты будешь тещей государя. Государыня дала своё согласие на брак царевича Петра с нашей Марией.

– Царевича Петра, ты говоришь? Да разве государыня объявила его своим наследником?

– Да, да... Государыня сильно больна, безнадёжна, и я с Остерманом и другими так устроил, что императрица объявила наследником престола великого князя Петра Алексеевича.

– Что же, это хорошо: царевич Пётр – законный наследник; ему и

подобает царём быть. Только вот что я скажу тебе, князь: в браке царевича Петра с нашей дочерью я не вижу никакого счастья.

– Как так?

– Да так: у тебя, Александр Данилович, и так врагов немало, а тогда будет ещё более... Да и не пара наша Маша царевичу, не пара: и характером они не схожи, и возрастом различны: ведь царевич-то – ещё отрок, а наша Маша – чуть не невеста на выданье!

– Не пара? Да ты с ума сошла? – крикнул на жену Меншиков.

– От твоих затей, князь, того и жди, что с ума сойдёшь. Ох, Александр Данилыч, погубишь ты себя и нас, неповинных, погубишь! Остановись, князь, остановись!.. И то ты далеко зашёл... смотри, не оступись. Если себя не жалеешь, то хоть детей-то пожалей! За них я скорблю. Деток наших неповинных не губи, земно о том прошу тебя, князьинька! – И, горько плача, Дарья Михайловна опустилась на колени пред своим непреклонным мужем.

– Не прекословь мне, Дарья! Ты знаешь мой нрав. Дело решено, и чего я захочу, то и будет; пятиться назад я не горазд... напролом вперёд иду, – грозно проговорил Меншиков и вышел из горницы.

II

Но кто же был этот Меншиков, откуда он взялся? Как он попал в любимцы Петра Великого, умевшего выбирать людей?

Этот "полудержавный властелин" и баловень счастья, "дитя моего сердца", как называл его великий Пётр, был родом из крестьян; по одним сказаниям, он – русский, православный, пришлец из Литвы, где будто бы жил его отец, по другим источникам – уроженец Волги.

По общему мнению, составившемуся ещё при жизни Меншикова, он происходил из простолюдинов и в этом отношении составлял в ряду государственных русских лиц замечательное исключение, олицетворявшее стремление Петра создать новых деятелей, не связанных с общественными преданиями старой Руси.

Родился Меншиков в царствование царя Алексея Михайловича, в 1674

году. Его отец был бедным простолюдином. Когда Александр подрос, отец отдал его к одному московскому пирожнику, и Алексашка, как в то время называли Меншикова, стал с лотком разгуливать по Москве златоглавой и выкрикивать: "Пирог хороши, горячи, с пылу с жару – денежка за пару!" Алексашка был шустрый мальчишка, большой балагур, говорил с прибаутками, выкидывал остроумные шутки и этим приобрёл себе много покупателей. Не так вкусны были его пироги, как веселы и остры его прибаутки и балагурство. Как-то раз ему пришлось идти мимо дома иностранца Лефорта, в то время уже близко стоявшего к будущему великому преобразователю России, знакомившего Петра Алексеевича с бытом и военным устройством Запада. Алексашка не пожалел своего горла и стал громко выкрикивать свои прибаутки. Лефорт сидел у окна; забавник-мальчишка заинтересовал его; он позвал его к себе в комнату и спросил:

– Ты с пирогами?

– С пирогами, ваша милость. С пылу с жару – денежка за пару! – бойко ответил мальчишка.

– А что ты возьмёшь за весь лоток с пирогами? – улыбаясь, спросил Лефорт.

– Пироги продажные, а лоток непродажный.

– Нет, ты продай мне лоток с пирогами.

– Вы, господин, пироги купите, а лоток зачем вам?

– Нужен, если покупаю.

– Непродажный; продай вам лоток, вы, пожалуй, сами пойдёте пирогами торговать, а от этого будет и хозяину моему убыток, да и мне не барыш, – не моргнув глазом проговорил Алексашка.

Лефорт расхохотался.

– Ты, мальчишка, мне понравился. Как тебя звать?

– Поп крестил – Алексашкой назвал.

– Хочешь у меня служить, Алексашка?

– Отчего не служить? Можно! А пирогами кормить меня будешь?

– Буду, буду; тебе хорошо будет у меня жить.

– Вот я от хозяина отойду и к тебе, господин ласковый, приду.

– Приходи, приходи.

Лефорт щедро заплатил Меншикову за пироги.

С большой неохотой отпустил пирожник Алексашку, так как с его уходом у него прерывался хороший доход.

Алексашка стал слугой Лефорта; на нём появился камзол французского покроя, или ливрея; он своей сметливостью и верной службой приобрёл любовь и доверие Лефорта, который был очень доволен балагурством своего слуги-мальчика.

Раз царь Пётр увидал у Лефорта Алексашку; смелые и бойкие ответы последнего понравились государю, и он взял его к себе. Алексашка некоторое время был у царя простым лакеем. Однако Пётр I умел отличать людей; он полюбил Меншикова и записал его рядовым в число своих потешных, не посмотрев на то, что Меншиков был простолудином, а в потешном полку молодые солдаты почти все были из дворянского сословия.

"Это был первый шаг к возвышению Меншикова, – пишет Костомаров, – но важно было для него то, что, считаясь "потешным", Меншиков несколько лет продолжал исполнять близ царской особы должность камердинера. Пётр, ложась спать, клал его у своих ног на полу. Тогда чрезвычайная понятливость, любознательность и большая исполнительность Меншикова расположили к нему царя".

Меншиков умел угождать царю и старался предупреждать его приказания; вспыльчивый нрав Петра нередко отражался на Меншикове, но он безропотно и покорно переносил и брань, и побои.

Пётр всё более и более привязывался к своему любимцу, и тот начал пользоваться известным значением; к нему стали прибегать с ходатайством, просили его заступничества пред государем. Разумеется, просители приходили к царскому любимцу не с пустыми руками.

Во время войны с турками Меншиков за Азовский поход получил офицерский чин, хотя в этой войне он ничем не отличился; он был хитрый, тонкий человек, – всё, что нравилось царю, нравилось и

Меншикову, и потому он вполне разделил мысль Петра преобразовать, пересоздать Русь, всё поставить по иностранному образцу; он был врагом старины и благоговел пред державным преобразователем. Все те, кто придерживался старины, ненавидели Меншикова; но что значила для него их ненависть? Любил бы да жаловал царь.

Следующий случай ещё более помог возвыситься Меншикову. У молодого царя было много тайных врагов; они составили заговор и готовили "гибель государю". Меншиков открыл заговор, и преступники были схвачены. Теперь Пётр стал смотреть на своего любимца как на избавителя.

Во время первого путешествия царя Петра за границу Меншиков был с ним неразлучен и в угоду царю сам работал топором на Саардамской верфи. Он выказал большие способности к кораблестроению и другим ремёслам, хорошо выучился немецкому и голландскому языкам и во всём старался угодить государю. Везде и во всём он нравился своему властелину, разделял с ним и трудные работы по кораблестроению, и весёлые попойки. По приезде из-за границы началась расправа со стрельцами, а там Пётр занялся пересозданием России: началось бритьё бород, русский кафтан был заменён немецким камзолом.

Первая супруга царя, Евдокия, приверженная старине, ненавидевшая Меншикова, была отправлена в монастырь, и после этого одним сильным врагом у него стало меньше. Меншиков, когда-то уличный мальчишка, продавец-пирожник, теперь уже был генерал-майором и командовал драгунским полком.

В 1700 году он женился на умной боярышне Дарье Михайловне Арсеньевой.

Началась война со шведами, и после счастливого взятия крепости Шлиссельбург Александр Данилович Меншиков был поставлен губернатором взятого у шведов края. За покорение крепости Ниеншанц Меншиков был пожалован орденом Святого Андрея Первозванного.

"Во всё царствование Петра Меншиков был главнейшим исполнителем задушевных замыслов Петра по строению и заселению Петербурга. Новая

столица обязана своим созданием столько же творческой мысли государя, сколько деятельности, сметливости и уменью Меншикова", – говорит историк.

После нескольких удачных побед над шведами, в которых Меншиков, как командир, принимал большое участие, он был возведён в генерал-фельдмаршалы.

Однако он не чужд был и злоупотреблений, пользуясь доверием государя, наживал большие деньги, и не раз за это Пётр бил его палкою и налагал на него огромные штрафы деньгами, например, штраф в сто тысяч червонцев. Меншиков волей-неволей уплатил этот штраф, так как государь строго преследовал казнокрадов. Однако это не отучило Меншикова от любостяжания, и он продолжал где только можно было изыскивать способы для увеличения своего богатства, а вместе с тем всё более и более укреплял свою власть и могущество. Путь к этому особенно широко открылся для него с момента кончины Петра Великого.

Странна судьба благодетеля Меншикова, императора Петра Великого. Всю свою жизнь посвятил он переустройству России: увлечшись западными новшествами, он бесстрашно ломал устои России, предпринял реформы всего её быта, но не закончил, не укрепил всего начатого – у царя-работника не хватило времени на это, так как смерть пресекла его жизнь 28 января 1725 года. Умирая, он не успел распорядиться назначением наследника, а между тем это было крайне нужно.

Как известно, Пётр Великий был женат дважды: в первый раз он семнадцатилетним юношей, по настоянию матери, женился в 1689 году, на Евдокии Фёдоровне Лопухиной, и от этого брака у него родился сын Алексей. Но царь, не видя в этой женщине поддержки своим реформаторским начинаниям и не любя её, уже через год стал искать привязанности на стороне, а в 1698 году царица Евдокия была пострижена и заточена в Суздальский монастырь. Пётр I всецело отдался государственным делам, а его младенец-сын находился сперва на попечении своей бабки Натальи Кирилловны, а по смерти её – у тётки Натальи Алексеевны. Мальчик был окружён лицами, преданными старому

укладу жизни своей родины, и получал плохое образование. Правда, к нему были приставлены друг за другом два иностранца, но толку от этого было мало. Наконец он был отправлен для усовершенствования образования за границу, и тут ему нашли невесту – принцессу Шарлотту Вольфенбюттельскую; с нею он, по настоянию отца, сочетался браком 14 октября 1711 года, причём она осталась лютеранкой.

Однако это обстоятельство несколько не изменило взглядов царевича: он, суеверно религиозный, был противником преобразовательных начинаний своего отца, и это поселило раздор между ними. В народе стало известно об этих несогласиях, и противники Петра I старались создать из царевича Алексея оплот для себя, вследствие чего раздор в царской семье стал почвой для борьбы политических партий. Вместе с тем царевич плохо обращался с супругой, стал обнаруживать непослушание, отвращение к занятиям и вести разгульную жизнь. Наконец, по смерти жены, он, боясь репрессий отца, бежал за границу. Пётр послал за ним Петра Толстого и Алексея Румянцева в Неаполь, и им 14 октября 1717 года удалось уговорить царевича вернуться на родину. Пётр Великий свиделся с сыном 3 февраля 1718 года и назначил над ним суд, лишив его прав на престол. Вместе со своими сторонниками царевич Алексей подвергся пыткам и 26 июня 1718 года скончался.

После него остались сын Пётр, родившийся 12 октября 1715 года, и дочь Наталья, родившаяся 12 июля 1714 года. Таким образом, Пётр Великий имел законного продолжателя своего рода и прямого наследника трона. Однако он боялся оставить престол малолетнему и в 1722 году издал указ "Правда воли монаршей", которым царю предоставлялось право избрать себе наследника хотя бы из совершенно посторонних людей. Этот указ появился вскоре после смерти сына Петра Великого, царевича Павла – "Павлушки-солдатчонка", как называл ребёнка любивший его до болезненности отец. Со смертью царевича Павла у Петра не оставалось прямого потомства мужского пола, и он, очевидно, не желал видеть внука на престоле. В особенности ясно выразилось это нежелание в дни агонии умиравшего в муках царя-императора. В последний момент облегчения

он призвал к себе свою дочь Анну, положил ей руку на голову и трясущимися руками кое-как написал на грифельной доске: "всё отдать"... дальше шли каракули, разобрать которые было невозможно. Но ясно, что он хотел иметь наследницею умненькую царевну Анну, достаточно зрелую и подготовленную, чтобы занять царский престол.

Опять судьба готовила иное. Царь Пётр Великий ещё не испустил своего последнего вздоха, а в соседнем с его опочивальней зале Меншиков провозгласил императрицею всероссийской супругу умиравшего, Екатерину Алексеевну. Собравшиеся в зале вельможи не осмелились пойти против временщика, вошедшего к ним в сопровождении вооружённого караула Измайловских солдат и, кроме того, выставившего на площади пред дворцом все гвардейские полки, в преданности которых он был уверен. Первыми на клич Меншикова: "Да здравствует императрица Екатерина Алексеевна!" – ответили солдаты, столь грозно взявшие при этом на караул, что вельможи и знать, испуганные сверканием штыков, быстро подхватили этот клич. Рассказывают, что клич донёсся до слуха умиравшего Петра Великого, он отчаянно заметался на своём смертном ложе, замахал руками, из его груди вырвались вопли, которые были слышны даже на площади.

Итак, императрица Екатерина I Алексеевна вступила на престол ещё при жизни своего царственного супруга. Правда, Пётр Великий вскоре после этого умер, но факт всё-таки остаётся фактом. Но почему же Меншиков так старался о возведении на престол вдовы Петра Великого? Прежде всего, Меншиков был человеком от ничтожества, попавшим "в случай" только благодаря Петру. Выше уже было сказано, как он попал в слуги к царю-преобразователю, которому он понравился своей бесшабашностью; вскоре он стал наперсником царя в любовных похождениях в Немецкой слободе. В этом положении наперсника, ничем не стесняемого и готового на всё, Меншиков оставался всю жизнь. Во время массового истребления стрельцов он конкурировал с юным царём в искусстве рубить стрелецкие головы. Когда на Петра находили припадки и он бился в конвульсиях, Меншиков ложился с ним в постель; мучившийся царь держался во время

припадка за его плечи. Меншиков утопил под Шлиссельбургом австрийского графа Кенигсека, любовника царской фаворитки Анны Монс, он же избил палкой австрийского посла графа Бильдерлинга, заместителя Кенигсека. Но крепче всего Меншиков держался при Петре в силу того обстоятельства, что от него перешла к царю мариенбургская пленница Марта Рабе, ставшая потом супругой Петра Великого под именем Екатерины. Эта женщина была самой могущественной заступой Меншикова пред Петром, и очень часто благодаря ей Меншиков отделывался побоями там, где по закону следовала смертная казнь. Беззастенчиво-наглый, жадный, корыстный, как все выскочки, неразборчивый и нечистоплотный в средствах, Меншиков воспользовался моментом, чтобы укрепить за собою безграничную власть, и возвёл на престол Екатерину, зная, что истинным повелителем будет он, Меншиков, "князь Ижорский".

Он не обманулся в своих расчётах. Екатерина Алексеевна, женщина совершенно неграмотная, к царствованию не была способна. При ней в Петербурге день был обращён в ночь, даже утреннее богослужение совершалось в вечерние часы. Меншикову была полная свобода самовластничать, как ему было угодно.

Однако он понимал, что императрица Екатерина недолговечна, и, чтобы удержаться у власти, обратил своё внимание на юного внука Петра Великого, царевича Петра Алексеевича. Этот сын несчастного отца воспитывался под наблюдением немецкого авантюриста графа Андрея Остермана, бежавшего со своей родины из-за страха смертной казни за убийство на дуэли. В России он сделал себе карьеру. После смерти Петра I он особенно выделился и уцелел даже при невозможнейшей боярской грызне, начавшейся немедленно после того, как очутился у власти Меншиков. Против Меншикова выступали Долгоруковы, Апраксины, Голицыны, Шереметевы, Репнины, то есть те представители древних знатных фамилий, которые держали сторону несчастного царевича Алексея Петровича, и которых Пётр Великий не осмелился тронуть во время жестокой расправы со сторонниками своего сына. За Петра

Алексеевича были также сёстры его деда, царица Марья Алексеевна и даже Наталья Алексеевна. Но Меншиков опирался на солдат и был силен. Остерман, несмотря на юность Петра Алексеевича, проектировал его брак с одной из царевен-тёток – Елизаветой. Такой брак допускался в лютеранской церкви, но был невозможен в православной российской, и проект Остермана был отставлен.

Один из вельмож, князь Дмитрий Голицын, стакнулся с Меншиковым и принял его брачный проект: выдать дочь Меншикова Марию за царевича Петра Алексеевича, а сына Меншикова женить на дочери Петра Великого... Меншиков с восторгом ухватился за такую комбинацию, обеспечивавшую ему надолго неограниченную власть. Одновременно великий князь Пётр Алексеевич был объявлен наследником престола. Незадолго до смерти Екатерины I при содействии Меншикова, Остермана и некоторых членов Верховного совета было изготовлено духовное завещание императрицы, в силу которого отрок Пётр II становился по её смерти императором при регентстве из обеих цесаревен, Елизаветы и Анны, мужа последней – герцога Голштинского – и Верховного тайного совета. Меншиков постарался и тут устранить негодных ему лиц: он заставил Анну Петровну с герцогом Голштинским выехать за границу, и, таким образом, при несовершеннолети цесаревны Елизаветы и полном подчинении ему членов Верховного совета остался полноправным распорядителем России.

В упоении своим могуществом он перестал считаться со своими противниками, и против него выступили всеильные Долгоруковы и Апраксины и начали интриговать Остермана. Именно последний, как наиболее близкий к юному будущему императору, и сумел повлиять на него так, что тот стал склоняться на сторону Долгоруковых, тяготясь опекою зарвавшегося Меншикова.

III

В поздний майский вечер в огромном саду, примыкавшем к палатам князя Меншикова, слышен был сдержанный разговор двух влюблённых.

Это были князь Фёдор Долгоруков и старшая дочь Меншикова, красавица княжна Мария.

Как в палатах всесильного временщика, так и на его дворе царила ничем не нарушаемая тишина. Меншиков имел обыкновение рано ложиться и так же рано, чуть не с петухами, вставать; притом, когда он ложился в постель, в его огромном доме всё как бы вымирало, застывало. Многочисленные слуги князя ходили на цыпочках, говорили шёпотом, опасаясь, как бы не потревожить княжеского сна.

Княжна Мария, воспользовавшись удобным временем, вышла в сад. Время было условлено; там дожидался княжну красавец офицер Фёдор Долгоруков.

– Наконец-то вы пришли, княжна! А я давно жду вас, – радостно воскликнул он, – больше часа...

– Бедный, я заставила вас ждать.

– О, княжна, это ничего не значит в сравнении с тем, что я слышал относительно вас. Ведь говорят... не нынче-завтра вас объявят невестой цесаревича!

– Вам этого не хотелось бы, да?

– Что за вопрос, княжна! Вам хорошо известно моё сердечное отношение к вам! Чтобы назвать вас милой женой, я... я ни пред чем не останавливаюсь... я готов на смерть идти, готов муку вытерпеть.

– Этого совсем не надо, милый князь, – с улыбкою проговорила княжна Мария.

– Вам смешно, княжна, а мне горько, очень горько. Ведь вас отнимают у меня! – печально проговорил Долгоруков.

– Отнимают, но не отняли.

– И отнимут.

– За кого же вы, князь, принимаете меня? Я – не ребёнок... у меня есть своя воля. Положим, быть царицей очень заманчиво, но я не в отца, не тщеславна. И советую вам успокоиться. Царицей я никогда не буду, никогда. Все затеи моего отца кончатся ничем, поверьте мне.

– О, если бы так было!..

– Так и будет! Ждите, князь, судьба улыбнётся нам.

– Дорогая, милая княжна, вы дарите меня таким счастьем! – И молодой князь стал с жаром целовать руки у красавицы Марии.

– И это счастье, может быть, близко... Да, да!.. Я знаю, что все затеи отца должны скоро разрушиться: царевич на мне не женится, я уверена в этом, и тогда, князь Фёдор, вы станете просить у моего отца согласия на брак со мною.

– Увы, этого согласия я не получу. Князь Александр Данилович не благоволит ко мне и едва ли решится назвать меня своим зятем, – с глубоким вздохом проговорил Фёдор Долгоруков.

– Мой отец не расположен к вам, это правда, но я сумею поставить на своём: отец любит меня и редко в чём отказывает мне.

Долгоруков и княжна Мария сильно увлеклись своим разговором и не заметили, что за ними давно следила пара чьих-то глаз.

– О, если бы ваши слова сбылись, милая княжна! – пылко воскликнул Долгоруков.

– Они и сбудутся, только надо терпение. Ведь я не нравлюсь цесаревичу, он избегает меня, но я об этом нисколько не сожалею.

– Милая, дорогая княжна! – И Долгоруков стал с жаром целовать руки Марии.

В это время в кустах кто-то зашевелился, и влюблённые быстро оглянулись.

Пред ними стоял сам князь Меншиков, с лицом, искажённым злобою; его высокая, сутуловатая фигура была несколько согнута, одной рукой он опирался на трость, а в другой держал пистолет.

– Князь! – невольно вырвалось у Фёдора Долгорукова.

– Да, князь... Что, господин поручик, не ждал, не гадал? Не в меру же смел ты и дерзок! – задыхаясь от гнева, проговорил Меншиков.

– Я... я в вашей власти, князь, вы вольны делать со мною, что хотите.

– Да, да, я волен убить тебя, но я этого не сделаю, не потому, что жалею тебя, твою молодость, а потому, что не хочу огласки.

– Батюшка, – прерывая отца, проговорила княжна Мария.

– Молчать! – загремел на дочь Меншиков. – Ступай к себе: разговор с тобою у нас будет после.

– Хорошо, но прежде чем уйти отсюда, я должна сказать вам, что люблю князя Фёдора, – оправившись от испуга и неожиданности, смело проговорила молодая девушка.

– Что же, любить его ты вольна, но только женою никогда не будешь... А теперь ступай к себе в горницу и ложись спать... завтра я с тобой поговорю.

– Надеюсь, батюшка, вы ничего дурного не сделаете князю?

– Если ты не уйдёшь, то я позову людей и прикажу вытащить тебя из сада.

Эта угроза подействовала на княжну Марию.

– До свидания, князь! Я не говорю вам "прощайте", так как, надеюсь, мы скоро увидимся. Знайте, любовь к вам сойдёт только со мной в могилу, – и, сказав это, княжна не спеша пошла из сада.

– Ну, ваша светлость, скажите, что вы намерены делать со мною? – спокойно спросил Фёдор Долгоруков у Меншикова.

– Ты это, князёк, сейчас узнаешь; только скажи прежде, как ты попал ко мне в сад? Через забор, что ли?

– За кого вы меня принимаете? Я не вор, чтобы через забор лазить.

– Нет, ты вор, вор...

– Князь! – бешено крикнул молодой Долгоруков, меняясь в лице и быстро выхватив из ножен саблю.

– В ножны саблю, мальчишка! Ты забыл, что я – фельдмаршал российских войск! Забыл, что мне ничего не стоит стереть тебя с лица земли... Сейчас в ножны саблю! – крикнул Меншиков.

– Убейте меня, князь, если вам нужна моя жизнь, но не оскорбляйте постыдным прозвищем, – тихо промолвил Долгоруков, вкладывая свою саблю в ножны.

– А я повторяю, ты – вор девичьей чести.

– Ошибаетесь, князь! Я люблю княжну Марию, люблю сильнее жизни, но на её честь не посягал.

– Довольно! Слушай моё решение: если ты хочешь целым быть, то чтобы завтра же тебя не было в Питере. Не то не миновать тебе Сибири!

– Куда я должен ехать?

– Куда хочешь, только подальше от Питера... Я пошлю тебя на Кавказ.

"Уехать на Кавказ? Расстаться с милой княжной? Нет, я не могу, не могу", – подумал Долгоруков и не совсем твёрдым голосом проговорил:

– На Кавказ я не поеду, ваша светлость!

– На Кавказ не поедешь, так в Сибирь прогуляешься... Выбирай, что ближе и что для тебя лучше! Только жалея твоего отца, князя Василия Лукича, я на Кавказ тебя отправляю... Помни это!..

– Дайте мне хоть три дня срока! Я должен собраться.

– Ни одного дня!.. Завтра ты выедешь на Кавказ... Я к командующему на Кавказе генералу Митюшину приготовлю письмо, ты свезёшь его и там останешься... Слышишь? А теперь ступай!

Молодой князь направился было из сада.

– Постой, я сам провожу тебя, – проговорил Меншиков и пошёл из сада рядом с Долгоруковым.

Они вышли на двор и подошли к калитке; последняя была несколько приотворена. Меншиков, проводив незваного гостя, подошёл к сторожке и постучал в оконце.

Сторож Никита, дрожа всем телом, шатаясь, вышел из сторожки и упал на колени пред своим господином.

– Сколько, лукавый раб, взял ты с Долгорукова денег за то, что впускал его на двор в неурочное время? – грозно спросил Меншиков у сторожа.

– Князь пожаловал мне целковый, – всхлипывая, ответил тот.

– Подлый холоп, за целковый ты продал своего господина! Эй, дворецкого ко мне!

– Я здесь, ваша светлость, – раболепно изгибаясь, ответил толстый, круглый, с лунообразным лицом дворецкий Никанор Саввич.

– Сторожа со всей семьёй на поселенье! Чтобы завтра же его не было на моём дворе!

– Будет исполнено, ваша светлость!

– Продажному холопу нет пощады! – И, сердито проговорив эти слова, Меншиков направился к своему дворцу.

Дворецкий на почтительном расстоянии следовал за ним.

– Горничную девку Аришку одеть в посконный сарафан, остричь косу и отправить в мою сибирскую вотчину, в скотницы... понял? – в самых дверях дворца обратился Меншиков к своему дворецкому.

– Будет исполнено, ваша светлость!

Это распоряжение князя относительно Арины было вызвано тем обстоятельством, что на неё дворецкий указал как на пособницу свиданий княжны с Долгоруковым. Никанор Саввич ещё накануне выследил, что Арина передала какую-то записку сторожу; это показалось ему подозрительным; он проследил на следующий день за нею и сторожем и, убедившись, что княжна действительно находится на свидании с Долгоруковым, поспешил разбудить князя Меншикова. Тот спустился в сад, удостоверился в справедливости доноса дворецкого и круто распорядился как с обоими влюблёнными, так и с горничной Аришей и со сторожем. Он с таким же удовольствием предпринял бы крайне крутые меры против возлюбленного своей дочери, но здесь пришлось ему несколько сократитьсь – ведь это был не смерд какой-нибудь, а представитель богатого и властного в то время рода князей Долгоруковых.

Князь Фёдор Долгоруков был сыном известного в то время вельможи Василия Лукича. Получив хорошее образование, он по воле императора Петра Великого был для усовершенствования в науках в числе молодых дворян отправлен "в Неметчину". Пробыв долгое время за границей, он вернулся в Россию развитым, образованным молодым человеком. В то время уже царствовала супруга великого Петра, Екатерина Алексеевна. Князь Василий Лукич советовал сыну Фёдору служить при дворе, но не лежало у того сердце к придворной службе; он выбрал военное поприще и скоро дослужился до офицерского чина.

Как-то на придворном балу князь Фёдор увидел дочерей Меншикова и полюбил старшую, Марию. Он стал часто бывать со своим отцом и один у

Меншикова. Княгиня Дарья Михайловна ласково встречала блестящего молодого гвардейца, её дочери тоже. Особенно же Фёдор Долгоруков произвёл впечатление на старшую княжну, Марию, и вскоре они оба полюбили друг друга, но про свою любовь никому не говорили.

Только одна княгиня Меншикова догадывалась и радовалась счастью своей дочери, так как князь Фёдор Долгоруков был женихом завидным: ведь богатый, древний и знатный род Долгоруковых был известен всем.

Князь Фёдор думал было уже посвататься за княжну Марию, как вдруг отношения между Меншиковым и его отцом изменились и стали натянутыми, так как князь Василий Лукич чем-то не угодил всесильному Меншикову. Волей-неволей молодому князю Долгорукову пришлось отложить до времени сватовство.

А тут пошёл слух, что Меншиков задумал выдать свою дочь Марию замуж за цесаревича Петра Алексеевича и что на это последовало согласие самой государыни.

Тяжело отозвалось это известие на влюблённом князе; Фёдоре. Он хотел проверить этот слух, но для этого ему необходимо было увидеть княжну Марию.

Однако прямо идти в дом к Меншиковым теперь Долгоруков не мог – его, пожалуй, и не приняли бы. Но видеть свою возлюбленную, говорить с нею ему надо было во что бы то ни стало. И вот он, подкупив дворового сторожа Меншикова Никиту и горничную Аришу, добился свидания со своей возлюбленной в саду поздним вечером.

Увы! Влюблённые были застигнуты самим князем Меншиковым, и молодому князю Фёдору волей-неволей пришлось проститься с Петербургом и ехать на Кавказ, так как он хорошо знал, что ожидает ослушников воли Меншикова.

Мрачным, с тяжёлым чувством, вернулся молодой человек со свидания в дом своего отца; несмотря на поздний час, он встретил там нескольких гостей, своих родичей. В кабинете Василия Лукича собрались почти все Долгоруковы, а в числе их и князь Василий Владимирович Долгоруков, умнейший человек, честный, правдивый; несмотря на эти редкие

качества, он долгое время находился в опале, которую, по наговору злых людей, без всякой его вины наложил на него император Пётр I. Когда великий царь-преобразователь скончался, Василий Лукич попал в милость к императрице Екатерине Алексеевне, стал пользоваться расположением всесильного временщика Меншикова и тотчас же стал ходатайствовать за своего родича – опального князя Василия Владимировича. Это ему удалось: с Василия Владимировича была снята опала, часть отписанных в казну имений была возвращена ему, и ему было дозволено жить в Петербурге.

Все Долгоруковы любили и уважали своего умного и правдивого родича и во многих случаях спрашивали его совета.

И теперь Фёдор Долгоруков очень обрадовался, увидев в числе гостей князя Василия Владимировича, и решил посоветоваться с ним. Выбрав удобный момент, он обратился к старику:

– Голубчик, дядя, пойдёмте ко мне в комнату: мне надо многое вам рассказать.

– Пойдём, Фёдор, мы тут лишние.

– Что вы говорите, братец Василий Владимирович? Вы не лишний; мы всегда рады слушать вас, – с лёгким упрёком промолвил князь Василий Лукич, отрываясь от беседы со своими родственниками, посвящённой жгучему для них вопросу о влиянии при императорском дворе – ведь императрица Екатерина I была при смерти, на престол должен был вступить отрок Пётр II, воспитателем которого состоял один из Долгоруковых, князь Алексей Григорьевич, а ближайшим его другом был сын последнего, князь Иван Алексеевич.

Однако старик в ответ на это произнёс: "И, полно!.. Что от меня, человека пришлого, чужого здесь у вас, в Питере, толку для вас?" – а затем обратился к племяннику:

– Ну, Федя, веди меня к себе...

Князь Фёдор, усадив Василия Владимировича в своей комнате в мягкое, покойное кресло, рассказал всё подробно про свою любовь к дочери полновластного Меншикова, а также не умолчал и о том, как Меншиков

застал его в саду с Марией и что потом произошло.

Со вниманием выслушал Василий Владимирович рассказ своего влюблённого племянника и затем сказал:

– Плохо дело, Федя, плохо!.. Тебе надо скорее убраться из Питера, а то тебя самого как раз уберут в крепость, а не то и в Сибирь... Меншиков зол, мстителен и не любит, чтобы кто-либо стоял ему поперёк дороги... Сшибёт, раздавит! Теперь его время, его власть, хоть и ненадолго.

– Дядя, вы говорите "ненадолго"? Разве Меншикову что угрожает?..

– Его гибель неизбежна... И знаешь, что погубит Меншикова? Его собственное честолюбие, его ненасытная гордыня. На всё свой предел положен, а Меншиков далеко перешагнул через этот предел. Он высоко поднялся, и поэтому его падение будет великое. Однако не за Меншикова мне больно, Федя, а за твоего отца и за других наших родичей: ведь они, не сознавая, идут по ложному пути... Слава, почести, блеск – вот что прельщает их, и ради этого они оставили истинный путь! Они стремятся достигнуть вершины власти, но боюсь, как бы не сорваться им с этой вершины.

– Так вы, дядя, советуете мне уезжать? – спросил Фёдор Долгоруков.

– Да, и чем скорее, тем лучше!

– Но ведь я люблю, горячо люблю княжну Марию, и она меня тоже любит.

– Оставь скорее эту любовь, Фёдор, иначе она погубит тебя. Ведь ты знаешь, дочь Меншикова не нынче-завтра будет объявлена невестой царевича Петра. Чего же ты ещё ждёшь? Уезжай, пока есть время; не думай сопротивляться Меншикову, помни: он пока ещё – властелин, могущественный, всесильный, и бороться с ним – безумие.

– Милый, добрый дядя, как мне ни больно и ни тяжело, я последую вашему совету. Я уеду, сегодня же уеду.

– Да, да, торопись.

Молодой князь Фёдор Долгоруков в тот же день уехал на Кавказ. Он принуждён был сделать это, иначе ему не миновать бы большой беды.

А спустя несколько дней после этого старшая дочь Меншикова, этого

"баловня судьбы", была объявлена наречённой невестой наследника русского престола Петра Алексеевича, двенадцатилетнего отрока.

Весть о том, что дочь Меншикова не нынче-завтра будет царицею русской земли, повергла в ужас врагов и недоброжелателей Меншикова, которых у него было большое изобилие. Против него составилась заговор, в который вошли Толстой, Бутурлин, граф Девиер, Скорняков-Писарев, Александр Львович Нарышкин, князь Иван Алексеевич Долгоруков (любимец царевича Петра), генерал Андрей Ушаков и другие; к ним примкнул и герцог Голштинский.

Целью заговора было во что бы то ни стало помешать браку великого князя с дочерью Меншикова. Заговорщики думали под предлогом воспитания спровадить великого князя за границу, а тем временем склонить императрицу Екатерину назначить наследницей престола цесаревну Елизавету. Однако заговор был открыт, и заговорщиков постигло строгое наказание. Девиера, после пытки выдавшего соучастников, и Толстого лишили дворянства и имений и затем сослали: первого – в Сибирь, второго – в Соловки; Скорнякова-Писарева, лишив чинов, дворянства и имущества и наказав кнутом, отправили также в ссылку; Нарышкина и Бутурлина, лишив чинов, сослали на безвыездное житьё в деревню; Долгорукова и Ушакова, как менее виновных, понизили чинами и определили в полевые полки.

Герцогу Голштинскому волей-неволей пришлось сойтись с Меншиковым, который в то время был почти полноправным правителем государства, потому что императрица Екатерина находилась при смерти, а Верховный совет, состоявший из вельмож государства, делал всё, чего хотел Меншиков.

IV

Известие о каре, наложенной на князя Ивана Долгорукова, глубоко поразило цесаревича Петра Алексеевича

Царевичу в то время исполнилось только двенадцать лет, но он казался старше своего возраста. Полный, стройный, высокого роста, с лицом

женственно-белым, с прекрасными голубыми глазами, он был очень красив и привлекателен. Обычно это был живой, весёлый мальчик, но в последнее время казался особенно печальным.

– Ты говоришь, Ваня, нам надо расстаться? – с глубоким вздохом произнёс он, обращаясь к князю Долгорукову, посетившему его на его половине во дворце.

– Необходимо, царевич! Меня, по воле фельдмаршала, переводят из Петербурга.

– И всё это князь Меншиков? Он? Да? Эх, злой он, недобрый... Я пойду к нему и стану просить, чтобы тебя оставили со мною.

– И не проси, царевич!.. Ничего не выпросишь, больше только озлобишь его.

– Ваня, придёт же то время, когда я буду приказывать Меншикову, а не просить его? Будет же когда-нибудь конец его властвованию и силе?

– Будет, царевич, будет; только надо выждать время...

– Когда я буду царём, тогда не дам властвовать Меншикову.

– Тише, царевич, тише! У Меншикова везде есть уши и глаза.

– Я наследник престола и Меншикова не боюсь, – с царственным достоинством проговорил Пётр.

– Тебе и не след бояться его, но со мною он всё может сделать...

– Ты и представить себе не можешь, как я не люблю Меншикова и его дочери Марии.

– А княжна Мария объявлена твоей невестой, царевич.

– Какая она моя невеста? Она старше меня. Это Меншиков и государыня-бабушка задумали женить меня на ней. Но жениться на княжне Марии я не могу; ведь я не люблю её. Вот выздоровеет бабушка, я так и ей скажу. Знаю, что государыня неволить меня не будет, она добрая, милая... А ведь у меня есть другая бабушка? – после некоторого раздумья спросил Пётр у Долгорукова.

– Есть, царевич.

– Где же она?

– Далеко, в монастыре... – уклончиво ответил царевичу молодой князь.

– Кажется, звать её Еленой?

– Да, царевич, а прежде звали Евдокией Фёдоровной.

– Как же она в монастыре очутилась? Зачем? Царица – и в монастыре? Всё это как-то странно... А дед мой, покойный император, женился на другой – на теперешней моей бабушке. Всё это для меня непонятно. Я спрашивал у Андрея Ивановича, и вот что он ответил мне: "Когда вырастете побольше, царевич, всё сами узнаете". А я хочу сейчас знать. Что это за таинственность? Ваня, ты не знаешь ли чего-либо относительно моей бабушки Елены?

– Нет, я ничего, ничего не знаю, ничего!.. – уклонился Долгоруков от прямого ответа на такой опасный по тому времени вопрос. – Но прости, царевич!.. Храни тебя Бог, а мне пора. И не поехал бы, да велят.

– Ваня, не езд, голубчик! Я упрошу Меншикова, он тебя оставит, – начал было цесаревич, но в этот момент в комнату быстро вошёл его воспитатель Остерман и дрожащим голосом, со слезами на глазах, проговорил:

– Цесаревич, следуйте за мною. Её императорское величество Екатерина Алексеевна кончается.

При этом известии царственный отрок изменился в лице, и на глазах у него появились слёзы. Он молча в сопровождении Остермана и князя Ивана Долгорукова направился во внутренние апартаменты императрицы, однако уже не застал её в живых: она 6 мая 1727 года тихо скончалась.

В дверях комнаты, где скончалась государыня, цесаревича встретил Меншиков; он был бледен, и его голос дрожал, когда он произнёс:

– Императрица Екатерина Алексеевна в Бозе почил. Согласно воле почившей императрицы, а также членов Верховного тайного совета, вы, ваше императорское величество, займёте престол царей русских. Приветствую императора Петра Второго! – преклоняя колени пред сыном злосчастливого царевича Алексея Петровича, громко произнёс князь Меншиков.

Громкое и единодушное "ура" раздалось в царских чертогах.

Меншиков взял императора-отрока за руку и вывел его в большой зал, где собрались высшее духовенство, сенаторы, генералитет и придворные чины, и представил им юного государя.

– Подойди, государь, к окну и покажи себя солдатам и народу, – тихо обратился он затем к Петру, показывая ему на огромное окно.

На площади около дворца стояли войска и множество народа. Император-отрок подошёл к окну и с милой улыбкой стал кланяться солдатам и народу.

Раздалось оглушительное и долго не смолкавшее "ура".

Юный государь был взволнован – эти торжественные минуты, свидетельствовавшие о возведении его на вершину высшей доступной человеку на земле власти, смутили отрока.

– Брат!.. Петруша... милый!.. – раздался позади государя приятный голос его сестры, великой княжны Натальи Алексеевны, которая была на год старше своего венценосного брата.

– Наташа... милая...

Пётр крепко обнял свою сестру; он был взволнован, на его глазах виднелись слёзы.

– Ты, Петруша, теперь – государь над всею Русью. На тебе лежит великая ответственность... Тебе тяжело будет управлять государством.

– Мне Бог поможет, сестрица; у меня будут опытные руководители и помощники.

– Первым вашим руководителем и помощником, государь, буду я, – вслушиваясь в разговор, происходивший между братом и сестрою, самоуверенно проговорил Меншиков.

– Вы, князь? – быстро спросил Пётр, стараясь скрыть своё неудовольствие.

– Да, ваше величество, на то было желание покойной императрицы.

– Хорошо, князь... я... я... постараюсь выполнить это желание. Пойдём, сестра, поклониться телу нашей покойной бабушки-императрицы.

Император-отрок, проговорив эти слова, вошёл с сестрой в комнату, где скончалась государыня, и преклонил колени пред её телом. Великая

княжна последовала его примеру.

Всё, чего жаждал Меншиков, теперь было достигнуто. Он стал чуть ли не полновластным властелином над всею Русью, регентом государства. Верховный тайный совет не ограничивал его власти. Члены совета беспрекословно делали то, что хотел Меншиков, и горе было тому, кто в чём-либо не соглашался с ним. Его слово, его послание было для всех законом.

Сразу же по кончине императрицы Меншиков показал свою власть, и некоторые родовитые вельможи принуждены были покинуть не только двор, но и Петербург. Прежде всего Меншиков постарался отдалить от императора Петра II Долгоруковых, и для этого из дворца перевёз юного императора в свой новый роскошный дом.

Пётр не любил Меншикова. Да и мог ли он любить человека, который сделал так много зла его покойному отцу, царевичу Алексею? С большой неохотой ехал Пётр в дом временщика.

– Ах, Наташа, как в ссылку иду я в дом Меншикова; ненавистен он мне, да и дом его, и его дочь, моя невеста, также ненавистны, – тихо сказал он, расставаясь с сестрой.

– А ехать тебе, Петя, надо.

– Да, надо... Но я скоро, Наташа, снова вернусь во дворец, только уже не таким, как теперь уезжаю из дворца, – значительно посмотрев на сестру, проговорил император-отрок и крепко обнял её.

– Поедьте, государь, всё готово, – торопил Меншиков Петра, – В моём доме, государь, вам скучно не будет. Я и моя семья постараемся доставить вам всякое удовольствие. Мы все так вас любим, а в особенности моя старшая дочь.

– Вы думаете? – быстро спросил Пётр у Меншикова.

– Я уверен, государь.

Меншиков видел и сознавал, что его дочь Мария не нравится государю; но это не мешало ему надеяться, что он станет тестем императора.

"Тогда я буду на высоте величия. О, тогда все мои враги будут трепетать предо мною, и власть моя будет тогда неотъемлема! Я – тесть

императора. И во что бы то ни стало я достигну этого", – так раздумывал Меншиков дорогой, сидя в роскошной карете рядом с императором Петром, которого он вёз в свой дом.

Увы! Его враги, во главе которых стояли Долгоруковы, не дремали и деятельно подготовляли способы к свержению его. Путь для этого у них был – князь Иван Долгоруков, к которому Пётр II был чрезвычайно привязан. Хотя император и был временно разлучён со своим любимцем, но Долгоруковы не теряли надежды на то, что он настоит на возвращении к себе князя Ивана Алексеевича, а тогда вновь явится для них возможность воздействовать на монарха-отрока в желательном для них направлении, и, наконец, добиться низвержения всесильного Александра Даниловича.

V

– Что это, княжич, ты невесел, что свою буйную головушку повесил? – весело проговорил Лёвушка Храпунов, подходя к своему задушевному приятелю, Ивану Алексеевичу Долгорукову, сидевшему за столом в таверне, что находилась на "проспекте", близ реки Невы.

Эта таверна называлась "Рог изобилия", и её содержал немец Карл Циммерман. Она в то время играла немаловажную роль: в неё с целью кутежей собиралась вся знатная молодёжь, а также и офицеры. Карл Циммерман умел потрафлять своим высокородным гостям, и золото из карманов гостей, посещавших "Рог изобилия", переходило в большие карманы угодливого немца.

Молодой князь Иван Долгоруков часто бывал у Циммермана в таверне и оставлял там много денег со своим товарищем, офицером Преображенского полка Храпуновым.

– А, Лёвушка, здорово! – поднимая голову и радуясь приходу товарища, промолвил он.

– Да с чего ты, Иванушка, голову-то свою опустил? – переспросил у товарища офицер Лёвушка Храпунов. – С Меншиковым не поладил, что ли?

- Что Меншиков? Не страшен он мне, Лёва!
- Ты правду говоришь. Иванушка, бояться Меншикова тебе не след. Против него у тебя есть защитник, посильней и могущественнее Меншикова.
- Ты про государя говоришь? Так до него меня теперь не допускают. Меншиков к себе увёз государя и стережёт его как цербер. Ну да авось ненадолго. Пётр-то Алексеевич сильно меня любит и, наверно, скоро призовёт к себе! Да и впрямь, кто лучше меня его повеселить да позабавить может? Эх, скорей бы это случилось! Уж посмеёмся мы тогда над Алексашкой!
- Тише, Иванушка, что ты кричишь? У Меншикова везде есть уши и глаза.
- Дай только подрасти императору, он обрубит у Меншикова длинные уши и выколет его не в меру зоркие глаза.
- Ох, Иванушка, с тобой как раз наживёшь беду немалую. Тебе хорошо – у тебя, говорю, есть заступа. А за меня кто заступится?
- А я-то? Забыл про меня? Меншикову хотелось усладить меня из Питера куда-нибудь подальше, да не пришлось.
- Император заступился за тебя?
- Да! Меншиков задумал женить государя на своей дочери, но это ему не придётся, – посматривая из предосторожности по сторонам, тихо проговорил князь Иван.
- Как не придётся? Да ведь княжна Мария Александровна уже объявлена невестой государя.
- Что же из того? Только объявлена. А ведь и в самый девичник часто свадьбы расходятся.
- Знаешь, Иванушка, лучше оставим про то говорить. Не место и не время. Ты лучше скажи мне причину своей печали.
- Что говорить! Ты моему горю, Лёвушка, не поможешь.
- А кто знает? Может быть, и помогу Ты только скажи... ведь знаешь, что я для тебя вдрызг расшибусь.
- Спасибо, спасибо, Лёвушка... Слушай... влюблён я...

- Так с того и тоскуешь? Это на тебя не походит.
- А ты спроси, товарищ, в кого я влюблён-то?
- В кого, в кого?
- В графиню Шереметеву.
- Неужели Наталью Борисовну полюбил? Да как это тебя угораздило?..

Графиня Наталья Борисовна не по тебе...

– Знаю, Лёвушка, знаю! Не стою я её. Она святая, а я... Ну что я против неё?.. Бесшабашный гуляка.

– Да расскажи, Иванушка, как это случилось?

– Увидал я графиню Наталью, и она душу мою озарила. Видал ты, Лёвушка, когда-нибудь Наталью Борисовну?

– Раз только видел.

– Ну, ну, что? Какой она тебе показалась?

– Только и могу сказать тебе, Иванушка: красота графини Натальи Борисовны какая-то особая, не человеческая.

– Именно, именно... Сам я, Лёвушка, сознаю, что любить такую девушку мне не след. Она выше любви, я... я не смею любить графиню Наталью и всё же люблю её.

– Посватайся.

– Что ты, что ты! Какой я жених? Да графиня за меня и не пойдёт. Ей все мои художества известны, и смотрит она на меня как на бесшабашного пропойцу и кутилу.

– Что же ты намерен делать? – спросил Храпунов.

– Пить, гулять – может, в разгульной жизни я позабуду свою любовь и в пьянстве найду себе утеху, – с тяжёлым вздохом ответил товарищу князь Иван.

– Эх, сердечный мой! Жаль мне тебя, а помочь тебе мне нечем.

– И не надо, Лёвушка, предоставь меня моей судьбе. А есть у меня предчувствие, что судьба до добра меня не доведёт.

– Полно, Иванушка, не пеняй на судьбу. Она тебя балует, и счастье улыбнётся тебе.

– Эх, Лёвушка, счастье моё непрочное. Есть у меня приятели, а больше

того недругов, и сила на их стороне. Ну да и то молвить, не боюсь я их, не боюсь. Я всей душой люблю государя и до гроба – его слуга верный и преданный. Как ни силён, как ни могуществен светлейший князь Меншиков, забрать в руки царственного отрока я не дам! – твёрдым голосом проговорил Иван Долгоруков.

– Тише, Иванушка, тише! – испуганно промолвил его собеседник. – За нами следят!

– Кто, кто?

Долгоруков быстро обернулся и увидал какого-то закутанного в плащ человека в нахлобученной треуголке, закрывавшей половину его лица.

– Видишь? – тихо спросил у Долгорукова Храпунов.

– Вижу... кто это?

– Секретарь Меншикова, Зюзин; я узнал его. Беда, если он подслушал наш разговор!

– А это я сейчас узнаю! – И Долгоруков направился к столу, за которым сидел личный секретарь Меншикова, Зюзин, душой и телом преданный ему, – Послушайте, вы, господин фискал, за благо даю вам совет – пересядьте за другой стол, не то быть тебе битому, – громко и угрожающим тоном промолвил ему молодой князь.

– Кто дал тебе право, господин офицер, наносить мне оскорбление? – тихо спросил Зюзин, меняясь в лице.

– В моих словах оскорбления не видно, а что я назвал тебя фискалом, так эту кличку ты вполне заслужил...

– Ты, ты, князь, ответишь за меня.

– Может быть. А чтобы уж заодно отвечать, я кстати поколочу тебя... Вон, крапивное семя! – грозно крикнул на Зюзина князь Иван, замахиваясь на него.

Личный секретарь Меншикова почёл за благо ретироваться при громком хохоте всех находившихся в таверне.

Это происшествие с Зюзиным не прошло даром ни для князя Ивана Долгорукова, ни для его приятеля Храпунова. Гнев Меншикова обрушился на них обоих, в особенности на бедного Лёвушку. Несмотря

на то, что он в оскорблении Зюзина не был виновен, его по приказу фельдмаршала Меншикова посадили под строгий караул при полку. Что касается Долгорукова, то он был любимцем императора, а потому Меншиков волей-неволей принуждён был щадить своего врага. За скандал в таверне Долгоруков поплатился только тремя днями ареста, но за этот арест ещё более возненавидел Меншикова и вместе со своими именитыми родичами стал всеми силами стараться расстроить брак Петра II с дочерью Меншикова.

Император-отрок так привязался к Ивану Долгорукову, что не хотел разлучаться с ним и требовал, чтобы тот всегда находился при нём. Это исполнялось, князь Иван приобрёл огромное влияние на государя, и могущественный Меншиков был ему теперь несколько не страшен.

Пётр всё более и более стал охладевать к своему первейшему министру и регенту, вследствие чего могущество Меншикова пошатнулось. В державном отроке Петре II стал просвечивать нрав его великого деда: он требовал беспрекословного исполнения своих приказаний, не любил никаких возражений.

Петру не нравилось пребывание в доме Меншикова, и он с нетерпением ждал того дня, когда ему можно будет выехать в летнюю резиденцию, то есть в Петергоф, где для него отделявали дворец.

К своей невесте Пётр тоже не благоволил и не старался скрывать это. Он по целым неделям не видался со своей невестой и всячески избегал встреч с нею.

Княжна Мария и прежде мало верила, что государь женится на ней, а теперь ещё более сомневалась в этом, видя, что отношения между её честолюбивым отцом и державным женихом обострились.

– Матушка, никогда, никогда мне не быть женою государя! – сказала она однажды матери. – Он смотреть на меня не хочет, избегает даже встречаться со мною.

– Вижу, милая, сама сознаю, – с глубоким вздохом ответила Дарья Михайловна. – Знать, все затеи нашего Данилыча окончатся ничем!

– А я несколько не сожалею об этом. Ну какая я царица?.. Ведь во мне

царственного ничего нет. Я плачусь только на свою судьбу злосчастную, которая разлучила меня с милым сердцу... Был у меня жених, граф Сапега – его отняли у меня. Полюбила я князя Фёдора Долгорукова, думала найти с ним счастье в супружестве – и с ним меня разлучили. И всё отец... все мои несчастья через него! – со слезами проговорила княжна Мария. – И зачем он счастье моё разбивает, зачем? Пойми, матушка, ведь моё положение ужасно! Меня отец навязывает государю, который не только меня не любит, но даже смотреть не хочет. И делает это отец не из-за любви ко мне, нет, а лишь для своего тщеславия, для своего большего могущества. Император – зять... есть чем похвалиться!

– Ох, Машенька, милая! И сама я знаю, сама всё вижу, но что же я поделаю с Данилычем? Моих слов он и слушать не хочет. Ослеп он, не видит, что около него грозная туча собирается... Врагами он окружён со всех сторон, сам гибнет и других в погибель тянет. Вас, деток сердечных, мне жалко. За что вы, неповинные, терпеть будете? – утирая слёзы, промолвила княгиня Дарья Михайловна.

– Матушка, я хочу повидаться с государем, хочу выяснить своё положение.

– Это хорошо. Тебе даже необходимо откровенно переговорить с ним. Теперь государь дома; вот бы тебе, Машенька, сейчас к нему пойти?

– Боязно как-то.

– Чего же тебе бояться? Войди к государю "прямым лицом" и всё ему скажи, что есть у тебя на сердце. На правду государь ответит тебе правдой.

– Я... я пойду.

– Иди, иди, дитячко моё... Господь с тобой!

Княжна Мария обняла мать и отправилась на половину императора Петра, своего обручённого жениха.

Императрица Екатерина Алексеевна скончалась 6 мая 1727 года, а 27 мая того же года происходило обручение двенадцатилетнего императора Петра с семнадцатилетней дочерью князя Меншикова, Марией.

Царское обручение происходило с особой торжественностью и

пышностью. В доме-дворце Меншикова в тот день перебивал весь генералитет и все вельможи государства. Поздравляли императора, его наречённую невесту, а также сияющего и торжествующего Меншикова.

Кажется, в тот день были все счастливы, кроме одной царской невесты. Бледная, печальная, с заплаканными глазами, холодно принимала она приветствия и поздравления. Как до обручения, так и после него император Пётр был по-прежнему холоден к своей невесте и даже избегал говорить с ней.

Княжна Мария видела это и решила в личной беседе выяснить своё положение. Идя на половину жениха, она составила такое обращение к нему:

"Государь, если я не нравлюсь вам, то откажитесь; ещё есть время. Не любя не женитесь; себе, государь, не отравляйте жизни и меня не губите".

Мария подошла к двери и слегка приотворила её; она была бледна как смерть и сильно взволнована.

Государь был не один: с ним находились его сестра, великая княжна Наталья Алексеевна, и Андрей Иванович Остерман. На плечах у государя был накинут плащ.

– Что с вами? Вы так бледны, – спросил у вошедшей невесты Пётр.

– Это пройдёт, государь!.. Но мне... мне надо поговорить с вами, – робко сказала княжна Мария.

– Только не теперь, пожалуйста, не теперь! Я еду с сестрой кататься. Сегодня я приготовил все уроки Андрею Ивановичу, и он отпускает меня на прогулку. Не так ли, Андрей Иванович? – обратился он к своему воспитателю.

– Совершенно справедливо, ваше величество! Если бы вы изволили все дни так готовить свои уроки, как сегодня, то я был бы несказанно рад тому.

– Вот всегда так, Наташа, – обратился император к сестре, – я учусь, а Андрей Иванович называет меня лентяем.

– Андрей Иванович любит тебя и желает добра, надо его слушать,

Петруша, – тоном старшей сестры заметила царица Наталья.

– Я и слушаю. Только Андрей Иванович всё морит меня книгами, Ну, Наташа, едем, едем!

– Государь, уделите мне несколько минут, – голосом, полным мольбы, промолвила бедная княжна Мария.

– Только не теперь, княжна. Я еду, – и, сказав это, Пётр под руку с сестрой поспешно вышел из комнаты.

VI

Прошло несколько времени, и у императора создался новый повод для раздражения против Меншикова.

– Какая дерзость... какая неслыханная дерзость! Как он смел ослушаться моей воли?.. Я – император! – не говорил, а гневно выкрикивал император-отрок.

Он был сильно раздражён поступком Меншикова, заключавшимся в следующем.

Петербургские каменщики, нажившие хорошие деньги благодаря большим постройкам в Петербурге и движимые благодарностью, поднесли отроку-императору на роскошном блюде девять тысяч червонцев. Государь послал эти деньги с обер-камердинером Кайсаровым к своей сестре, великой княжне Наталье Алексеевне. Кайсаров направился во дворец, но повстречался с князем Меншиковым.

– Ты куда несёшь червонцы? – спросил последний у обер-камердинера.

– К её высочеству Наталье Алексеевне.

– Кто послал?

– Император.

– Император ещё очень молод и не знает, на что следует употреблять деньги; отнеси их ко мне, а я увижу государя и поговорю с ним.

Кайсаров стоял в нерешительности и не знал, что делать; он боялся нарушить приказание императора, а также опасался своим непослушанием прогневить всемогущего вельможу.

– Что же ты стоишь? Неси червонцы ко мне! – крикнул последний. – Я

приказываю.

– Слушаюсь, ваша светлость! – покорно произнёс Кайсаров, и новенькие червонцы очутились не у сестры государя, а у Меншикова.

Император-отрок в тот же день поехал во дворец навестить свою сестру Наталью Алексеевну, а также свою красавицу тётку, царевну Елизавету Петровну.

– Ну что, Наташа, довольна ли ты моим подарком? – самодовольно улыбаясь, спросил он у сестры.

– Каким подарком? – удивилась великая княжна.

– Ведь я прислал тебе с Кайсаровым девять тысяч новеньких червонцев.

– Ни червонцев, ни Кайсарова я и в глаза не видала.

– Как не видала? Не может быть! Я сейчас это узнаю... узнаю, – с волнением проговорил Пётр и приказал позвать Кайсарова.

Тот без боязни рассказал разгневанному государю о происшествии с червонцами.

Император-отрок разразился угрозами против Меншикова.

– Ах, бедный мой Петя! Меншиков слишком много забрал власти и смотрит на тебя как на мальчика, – с улыбкой проговорила Наталья Алексеевна.

– Ну, я научу его смотреть на меня как на императора. Я сейчас же прикажу ему возвратить червонцы. Я сейчас поеду и потребую у Меншикова отчёта.

Вернувшись к себе, император-отрок сейчас же потребовал к себе Меншикова. Александр Данилович не заставил себя дожидаться и своей величавой походкой вошёл в кабинет государя. Пётр своим отроческим грозным взглядом встретил временщика. Однако Меншиков несколько не смутился и твёрдо выдержал этот взгляд.

– Как ты смел, князь, помешать исполнению моего приказа? – гневно проговорил император, возвышая свой голос.

– Я никогда, государь, не мешаю исполнять твои приказы, если они служат к твоему величию и к величию нашей земли, – спокойно промолвил Меншиков.

– Где червонцы, которые я отправил сегодня в подарок к сестре? Где они? Как смел ты не послать их по назначению? – всё более и более сердясь, воскликнул государь.

– Ведомо тебе, государь, что наша казна истощена; вот я и задумал было употребить эти девять тысяч червонцев на более полезное дело и об этом хотел сегодня же представить вашему величеству проект.

– Всё это так, но не забывай, князь, что я – твой император, а ты – мой подданный.. ты не смеешь нарушать мои приказания!.. Не смеешь!.. – Император-отрок со злобой смотрел на Меншикова. – Я заставлю, я научу тебя мне повиноваться, – добавил Пётр и сердито отвернулся от своего первого министра.

Меншиков был поражён и удивлён: таким грозным он никогда не видал Петра; в словах и в глазах царственного отрока был виден теперь его великий дед. Император-отрок, дотоле боязливый и покорный, вдруг переменился и заговорил голосом имеющего верховную власть. Меншиков смотрел на Петра как на мальчика, и этот мальчик теперь стал приказывать, повелевать ему!..

"Что это значит?.. Я не узнаю государя, он кричит на меня, приказывает... Видно, Долгоруковы вооружили против меня Петра... это – их работа... их", – думал Александр Данилович, понуря свою голову, и тихо, покорно произнёс:

– Государь, ваше величество... смени гнев на милость!.. Червонцы я сейчас же пошлю великой княжне, сейчас пошлю... Прикажешь, ещё своих добавлю!

– Твоих, князь, ни мне, ни моей сестре не надо; береги их для себя и предлагать мне не смей. Но повторяю, меня волнует, что ты, кажется, забыл, что я – император, – гневно и с достоинством проговорил Пётр.

Меншиков испуганно притих.

– Прости, государь, – чуть слышно проговорил он.

Император-отрок имел доброе, податливое сердце; ему стало жаль Меншикова, и он, протягивая ему руку, совершенно спокойно произнёс:

– Князь, на этот раз я тебя прощаю и не гневаюсь на тебя.

Меншиков подобострастно раскланялся.

Эта приниженность окрылила Петра II; он стал ещё более отдаляться от своего первого министра. Как ни хитёр был Меншиков, но, сделав большой промах историей с червонцами, он окончательно восстановил против себя юного государя и его сестру, царевну Наталью.

Император-отрок с великими княжнами и со всем двором переехал в Петергоф и чрезвычайно радовался тому, что вырвался из-под опеки, из дома Меншикова, и Александр Данилович стал опасаться, что дни его власти сочтены.

К этому ещё присоединился его разрыв с Остерманом, которого Меншиков восстановил против себя своим заносчивым характером.

Как-то Меншиков стал упрекать Остермана в том, что он плохо следит за воспитанием и образованием юного государя и за его преподавателями. Не обошлось без угроз. Это обидело Остермана, и между двумя важными министрами произошёл разрыв.

Однако Меншиков, упрекая Остермана в плохом воспитании государя, был прав. Император-отрок, находясь в Петергофе, предавался различным увеселениям и развлечениям и не обращал никакого внимания на книги и на преподавателей. Теперь при нём неотлучно находился князь Иван Долгоруков; он изобретал для юного государя различные забавы и развлечения, и они оба целые дни проводили то на охоте, то на прогулке. Про свою обручённую невесту государь совсем забыл и обратил всё своё отроческое внимание на красавицу тётку, царевну Елизавету, которая тоже была не прочь пококотничать с красивым племянником.

Однажды, гуляя с нею по петергофскому парку, император сказал ей:

– Ах, Лиза, ты не знаешь, как я люблю тебя, как люблю!.. Я только тогда и весел, когда ты со мною.

– Спасибо, государь племянник, – ответила ему красавица царевна, слегка улыбаясь.

– Ты всё смеёшься надо мной, Лиза, всё считаешь меня мальчиком.

– Нет, ты взрослый, у тебя, Петруша, усы пробиваются.

– Да перестань ты смеяться, Лиза! – топнув ногой, капризно проговорил император-отрок. – Тебе вот смешно, а мне горько... очень горько.

– С чего, Петрушенька?

– А с того: я вот тебя люблю, а ты меня не любишь.

– Я не люблю тебя? Что ты, Петруша! Я люблю тебя, как государя, как племянника.

– И только!.. А я... я люблю тебя больше. Я вот подрасту и непременно женюсь на тебе.

– Вот как?.. А ты, Петруша, забыл, что у тебя есть невеста?

– Нет у меня никакой невесты, – хмуро промолвил юный государь.

– А дочь Меншикова, Мария?

– Не напоминай мне про неё, Лиза! Я и слышать про неё не хочу! Она и сам Меншиков страшно, страшно надоели мне!

– Стало быть, государь, ты не любишь своей невесты?

– Разумеется, не люблю... Тебя я люблю, Лиза.

– Не обо мне речь, государь, а о твоей невесте обручённой.

– У меня нет невесты, нет!.. Дочь Меншикова мне – не невеста. Какая она мне невеста? У неё был жених, граф Сапега, пусть она за него и выходит.

– Как же так, Петруша? А князь Меншиков?

– Что мне Меншиков? Я – император, а Меншиков – мой подданный! Над всяким подданным я имею власть и могу уничтожить, раздавить всю силу Меншикова, – сверкнув глазами, громко проговорил император-отрок.

– Петруша, я боюсь тебя. Ты похож на моего отца – на великого императора. И в твоих глазах, и в твоём голосе я узнаю моего отца, а твоего деда.

– Да, да, Лиза! Не одна ты, а и многие другие находят во мне большое сходство с моим дедом, великим императором. О, как желал бы я быть во всём похожим на него!.. Быть таким государем – большое счастье.

– Мой отец, Петруша, любил учиться. Он всю жизнь учился.

– Ты упрекаешь меня в лени? – со вздохом спросил император-отрок.

– Нет, нет, я только говорю.

– Лиза, не всё же мне сидеть за книгами! Мне хочется повеселиться, погулять, теперь лето. Наступит зима, начну учиться... А Меншикова, Лиза, я скоро укрощу, я дам ему себя знать. Вот идёт князь Иван, видно, на охоту меня звать... Отгадал я, Ваня? Ты на охоту пришёл меня звать? Так? – весело проговорил Пётр, идя навстречу своему любимцу.

– Не совсем так, государь, – ответил Долгоруков. – Посол от князя Меншикова прибыл, государь.

– Зачем ещё?

– Меншиков тяжело болен... Вдруг захворал... при смерти... Просит тебя, государь, навестить его, письмо прислал.

– Как это скучно!.. Я не поеду. Лиза, не ехать?

– Воля твоя, государь.

Больной Меншиков был в своём имении Ораниенбаум и оттуда прислал гонца с письмом к государю. Оно было написано дрожащей рукой, тепло и красноречиво; в нём Александр Данилович прощался с императором-отроком, увещевал его быть правосудным, принимать советы Остермана и других честных и правдивых вельмож, указывал Петру на его царские обязанности относительно России и т. д.

Кроме того, Меншиков, приготавливаясь умирать, послал письма также и к членам Верховного совета, поручал им свою семью и просил прощения, если согрешил пред кем.

Александр Данилович и на самом деле был очень слаб: он страдал сильной лихорадкой и кашлял кровью.

Волей-неволей юному государю пришлось отложить охоту и, ради приличия, поехал навестить больного министра.

Александр Данилович, худой, бледный, расслабленный лихорадкой, принял своего державного гостя, лёжа в постели.

– Прости, государь, что лежу пред твоим императорским величеством... Встал бы, да не могу, – слабым голосом проговорил он. – Умирать я собрался, государь.

– Зачем умирать? Живи.

– Что жить, когда жизнь немощного старика теперь стала никому не

нужна? Пожил, послужил, пора очистить место другим, молодым, а мне и на покой... Верой и правдой служил я, государь, твоему великому деду, служил императрице Екатерине и тебе думал послужить нелицеприятно, да не судил Бог, не судил.

Тут Меншиков сильно закашлялся. Он стонал и метался.

Когда припадок кашля миновал, Меншиков опять заговорил:

– Государь, когда меня не станет, выбери себе достойного помощника, хоть Остермана; он хотя и немец, но, кажется, любит Россию и тебя, государь. Держава твоя велика, однако не устроена. Твой дед, покойный император, много трудился, много им начато, но не кончено, и тебе, государь, придётся доканчивать. Послужи земле и народу, и за это Бог возвеличит тебя, как возвеличил твоего великого деда. Последуй ему, он до самой своей смерти неусыпно трудился. Если я в чём согрешил или провинился пред тобою – прости меня, верного и преданного тебе раба. Прости умирающему... Видит Бог, что все мои желания были к твоему, государь, благоденствию и к благоденствию твоего народа.

– Знаю и верю, князь Александр Данилович, – с волнением проговорил Пётр, которого тронули страдания Меншикова. – Тебе вредно, князь, много говорить; не лучше ли отложить до другого раза?

– Я сейчас окончу и задерживать ваше императорское величество не буду. Теперь мне всё равно... дни мои сочтены. Государь, умру я, не оставь моей семьи, Машеньки не покинь, она – твоя обручённая невеста и должна, по-Божьему, быть твоей женою... Скажи, государь, женишься ты на ней? Богом прошу, скажи... Успокой умирающего старика! – и Меншиков заплакал. Император-отрок хмуро молчал.

– Ты молчишь, государь, молчишь? Стало быть, ты раздумал жениться на моей дочери? Скажи, ваше величество.

– О женитьбе, князь, я не думаю. Да и рано мне думать о том.

– Но ведь ты, государь, обручился с моей дочерью и должен жениться на ней, а не на другой, – дрожащим голосом, прерываемым слезами, проговорил князь Меншиков.

– Я не говорю, что женюсь на другой, но просто-напросто о моей

женитьбе ещё рано говорить, – сухо ответил государь.

Эти слова несколько успокоили Меншикова.

Пётр недолго пробыл в Ораниенбауме и поспешил в Петергоф, где его ждали близкие его сердцу люди.

Крепкий организм и искусство врачей помогли князю Меншикову, и он стал быстро поправляться, к неудовольствию своих врагов, которые думали, что смерть избавит их от всесильного временщика.

Болезнь отдалила Меншикова от императора-отрока; многие дела по государству уже решались, минуя его, регента и первого министра. При дворе стали привыкать к его отсутствию, его заменили Долгоруковы, и светлая звезда всесильного временщика стала потухать.

Но Александр Данилович ещё не падал духом: он надеялся поправить дело и быть по-прежнему первым человеком в государстве.

Для этого он решил воспользоваться следующим случаем.

В своём роскошном имении, в Ораниенбауме, он назначил в первых числах сентября освящение церкви и стал домогаться того, чтобы на этом духовном торжестве присутствовал государь, так как это сразу уничтожило бы слухи о неприязненном отношении к нему Петра.

Он униженно и чуть ли не со слезами стал просить Петра посетить Ораниенбаум и своим высочайшим присутствием "осчастливить его, немощного старика, и всю его семью". Просьбы тронули государя: он дал слово быть.

Весёлым и радостным вернулся Меншиков из Петергофа и занялся приготовлением к предстоявшему торжеству. После освящения церкви был назначен большой праздник с угощением и подарками для простого народа, а в своём дворце Александр Данилович устраивал в день приезда юного государя такой бал, который своим великолепием должен был затмить все прежние балы.

"Приедет государь, я постараюсь объяснить с ним и положу конец всем сплетням. Я по-прежнему буду верховным министром в государстве и всех своих недругов заставлю молчать и повиноваться мне, не то – горе им будет", – думал Меншиков, занятый хлопотами по устройству

праздника.

– Батюшка, мне надо сказать вам несколько слов, – обратилась к нему вошедшая в кабинет княжна Мария, обручённая невеста императора Петра II.

– После, после... не теперь... я так занят приготовлениями.

– Нет, мне надо переговорить с вами сегодня, – настойчиво промолвила княжна.

– Почему же непременно сегодня?

– А потому что завтра обещал быть у нас государь, мой жених, – последние слова княжна сказала с насмешкой, – и вы должны выяснить положение...

– Я не понимаю тебя, Маша.

– Давно ли, батюшка, вы стали так непонятливы? Прошу вас объяснить мне, что я такое... Я – царская невеста, так?

– Разумеется.

– Батюшка, вы заблуждаетесь! Неужели вы думаете, что государь женится на мне и я буду царицей?

– Ты – обручённая царская невеста.

– Обручённая!.. Батюшка, да разве вы не видите, что происходит вокруг нас? Государь на меня и смотреть не хочет, он совсем забыл, что на свете существует несчастная княжна Мария, которую чуть не насильно обручили с ним. Батюшка, зачем вы сделали это, зачем вы погубили меня? – У княжны дрогнул голос, и по её бледным щекам потекли слёзы.

– Я... я погубил тебя? – с удивлением воскликнул Меншиков. – Одумайся, что ты говоришь, и с кем говоришь?

– Простите, батюшка, я сознаю, что мои слова грубы, что мне не следовало бы так говорить с вами. Но что же мне делать? Ведь я измучилась от дум и от терзаний. Меня обручили, а жених и знать меня не хочет. Да и не пара я государю: ведь он – мальчик. Даже в то время, когда государь жил в нашем доме, и тогда он избегал говорить со мною. Пусть лучше откажется от меня государь.

– Я... я знаю, чьей невестой хочется тебе быть... ещё, видно, не забыла

Фёдора Долгорукова? – сердито заметил дочери князь Меншиков.

– И никогда не позабуду его.

– Пожалуй, помни... твоё дело... Только его женой ты не будешь.

– Кто знает, батюшка! Будущее от нас закрыто непроницаемой завесой. Вы вот думали, что я буду царской женой.

– И будешь, будешь!.. – грозно крикнул Александр Данилович, всё ещё, по своему властолюбию и тщеславию, думавший выдать дочь за императора-отрока.

– Батюшка, и сейчас вы не теряете надежды выдать меня за государя? – с насмешкой спросила у отца княжна Мария.

– Да... не теряю...

– Повторяю, вы заблуждаетесь.

– Это мы увидим... А теперь оставь меня: я занят.

подавив в себе вздох, бедная княжна Мария вышла из кабинета.

VII

Наступил день торжества; всё было приготовлено к приезду государя. В церкви для него было сделано возвышение с балдахином, украшенное дорогим бархатом и парчой. В Ораниенбауме собралось много гостей, и Меншиков с нетерпением поджидал приезда государя.

Однако прошло время, в которое должен был приехать Пётр, а его не было; вскоре из Петергофа приехал царский посол, офицер Лёвушка Храпунов. Он, как мы уже знаем, ни за что ни про что по приказанию Меншикова был посажен под арест, но князь Иван Долгоруков, будучи искренним приятелем Лёвушки, испросил ему защиты у государя. Лёвушка был освобождён, принят в свиту государя, вопреки желанию Меншикова, и теперь ему пришлось ехать в Ораниенбаум с известием, что государь быть там не может.

При этом известии Меншиков изменился в лице и дрожащим голосом проговорил:

– А по какой причине его императорское величество не может приехать?

– Про то я ничего не знаю, ваша светлость, – почтительно ответил

офицер-гвардеец.

– Звать тебя Леонтий, а по прозвищу Храпунов? – спросил Меншиков, хотя лично знал офицера Храпунова, однако, не благоволя к нему, решил поиздеваться над ним. – Я думаю, господин офицер, что это поручение принесло тебе особенную радость? – горько улыбаясь, спросил он.

– Я все поручения и приказы его величества государя исполняю с одинаковой радостью.

– А разве не составляет для тебя радости возможность унижить меня, причинить мне неприятность?

– Ни малейшей, ваша светлость, – откровенно ответил Лёвушка Храпунов, который, обладая мягким сердцем и ценя в Меншикове крупного государственного деятеля, давно забыл нанесённую им обиду.

– Стало быть, зла против меня ты не имеешь?

– Никогда не имел и иметь не буду, ваша светлость.

– Спасибо! Ты, господин офицер, по-христиански живёшь – зла не помнишь. Будь сегодня на празднике моим гостем!

Началось освящение храма, и говорят, будто Меншиков во время богослужения стал на место, приготовленное императору Петру II. Это было замечено присутствующими, в церкви пошло шушуканье, однако громко говорить боялись, опасаясь временщика, и церемония освящения продолжалась. Остальная программа дня тоже была выполнена, но прошла без оживления – хозяин дома был хмур и мрачен: его беспокоило отсутствие государя; он понимал, что это произошло неспроста, а, очевидно, под влиянием его врагов. Поэтому праздник закончился рано и в тоскливом настроении.

Проводив гостей, Меншиков хотел было направиться кабинет, но его остановила княгиня Дарья Михайловна, сказав ему:

– Александр Данилович, не уходи... зайди ко мне. Поговорить с тобою мне надо.

– Ну что такое?.. Говори здесь... в зале никого нет.

– Знаешь, что мне сегодня Машенька сказала? – как-то таинственно проговорила княгиня Меншикова, оглядываясь по сторонам. – Будто она

больше жить так не может и уйдёт куда глаза глядят.

– Что такое? Кто её пустит? Да как она смеет? Убежать?.. Да я в монастырь её отправлю. Это ты... ты, Дарья, детей избаловала... вот теперь и возись с ними и выслушивай их грубости.

– Себя вини, Александр Данилович, а не меня и не детей наших... они ни в чём не повинны.

– Я ли не старался для Марии... Через меня она в невесты попала к государю. Её поминают в церквах, великой княжной называют... на её двор тридцать четыре тысячи отпускают, а Марии всё мало... это ей всё нипочём.

– Ничего, Данилыч, она этого не требует от тебя!

– Так чего же ещё ей надо? Какого рожна? – крикнул Меншиков.

– Покоя душевного надо нашей Маше. Ведь с тех пор, как нарекли её царской невестой, Маша покоя себе не видит, измучилась, сердечная. С самого дня обручения государь не сказал ей двух слов ласковых, сторонится её. Мой совет, Александр Данилович: скорее поезжай в Петергоф, переговори с государем, спроси, женится ли он на Маше? Хоть и наперёд я знаю, что тому не бывать, а всё же спроси, узнай.

Князь послушался доброго совета жены и поехал в Петергоф. Однако он не застал государя и остался дожидаться его возвращения.

Пётр скоро вернулся; ему доложили о Меншикове.

– Ах, как это неприятно!.. Где он? – хмуро спросил император-отрок.

– Во дворце, ваше величество.

– Ну и пусть его там дожидается! – и государь, не заходя во дворец, отправился в сопровождении князя Ивана Долгорукова в сад.

Это пренебрежительное отношение монарха-отрока имело свои основания. Он и вообще-то был не расположен к Меншикову и очень охотно согласился не поехать на праздник светлейшего, что ему посоветовали недоброжелатели Александра Даниловича, желавшие нанести тяжёлый удар самолюбию последнего. Но этого было мало; они же, недоброжелатели Меншикова, сообщили государю о том, что Александр Данилович занял в церкви место, приготовленное для

монарха, и, конечно, это было передано с разными прикрасами и преувеличениями, а в результате у Петра Алексеевича ещё более усилилось недовольство Меншиковым, и он буквально-таки не мог видеть его.

А Меншиков с нетерпением ожидал императора.

Наконец Храпунов, находившийся во дворце, шепнул Меншикову, что государь возвратился и находится в саду. Александр Данилович направился туда же и, представившись государю, стал почтительно спрашивать его, почему он не был на освящении церкви.

– Потому что не мог... плохо себя чувствовал, – холодно ответил Пётр.

– А мы все так ждали тебя, государь, и в особенности княжна Мария. Неприбытие к нам твоего величества принесло моей дочери немалую скорбь.

– Вот как? Я этого не знал.

– Государь, дозвожь мне сказать несколько слов...

– Только не теперь... пожалуйста, не теперь. Я сейчас еду на охоту...

– Я только на малое время задержу тебя, государь. Выслушай меня: о том прошу твоё царское величество усердно, – и Меншиков низко поклонился Петру, причём голос у него дрожал.

– Ах, как это скучно! – с неудовольствием проговорил император-отрок и, повернувшись к своему любимцу, быстро спросил у него: – Всё готово, Ваня?

– Всё, государь.

– Так поедим!.. – и Пётр, не взглянув на Меншикова, прошёл мимо него и скоро уехал.

Ещё так недавно могущественный и всесильный вельможа, заставлявший невольно трепетать всякого, стоял теперь, всеми оставленный, беспомощный, понуря свою властолюбивую голову; ему стало ясно его безвыходное положение, он понял, что его падение близко и что его враги торжествуют.

Однако он ещё не сдавался и остался в Петергофе ночевать, думая утром объяснить с государем. Но Пётр, вероятно избегая этого

объяснения, опять уехал на охоту. Меншиков хотел зайти на половину великой княжны Натальи Алексеевны, но, когда ей сказали, что к ней идёт Меншиков, она, "чтобы избавиться от неприятности видеться с ним", как говорят показания современников, "выпрыгнула из окна" в сад и уехала.

Тогда Александр Данилович решился обратиться с просьбой замолвить за него словечко пред государем к царице Елизавете Петровне. Во время своего могущества он мало обращал внимания на неё, теперь же ему пришлось лукавить пред дочерью своего благодетеля: он распространялся о своих прежних заслугах, жаловался на неблагодарность государя и говорил, что ему теперь при дворе нечего делать, что он хочет уехать на Украину и начальствовать там над войском.

– Что же от меня, князь, ты хочешь? – выслушав длинную речь Меншикова, спросила Елизавета Петровна.

– Будь заступницей за меня, матушка цесаревна. Государь расположен к твоему высочеству... объясни ему моё несчастное положение и положение моей бедной дочери Марии; ведь она измучилась...

– В этом я не могу помочь твоей дочери: государь не любит её, она не нравится ему, а ты сам хорошо знаешь, что насильно мил не будешь.

– Не нравится государю моя дочь, пусть он скажет об этом, тогда Мария не будет и считаться его невестой; если нужно, она даже в монастырь уйдёт. И я уеду хоть на Украину и там буду нести службу верой и правдой моему государю.

Царевна, чтобы скорее отделаться от Меншикова, обещала ему своё ходатайство пред племянником-государем.

Идя от цесаревны, Меншиков повстречался с Остерманом. Хитрый Андрей Иванович хотел только ограничиться поклоном с бывшим временщиком, но Меншиков остановил его:

– Постой малость, Андрей Иванович, и ты куда-то спешишь?

– У меня так много дела, князь, я должен...

– Ты должен выслушать меня.

– Но мне, право, князь, недосуг.

– И ты против меня, и ты? Вижу, все – друзья-приятели до чёрного дня; не забывай того, Андрей Иванович, что ты мне обязан кое-чем; припомни хорошенько!

– Я помню, князь, помню.

– Ещё, барон Остерман, не забывай превратностей человеческой судьбы. Нынче ты в почести и славе, а завтра может быть, будешь всего лишён. На мне учись превратностям судьбы. Хотел было я поговорить с тобою, попросить твоего заступничества, да не надо; всё равно ничего ты для меня не сделаешь, и слова мои, и просьбы будут напрасны. Прощай! Хоть и недруг ты мне, а всё же не желаю тебе чувствовать теперь то, что я чувствую, и переносить то, что я переношу, – и, сказав это, Меншиков уехал из Петергофского дворца.

Его положение действительно пошатнулось. Шестого сентября 1727 года император-отрок издал указ, в силу которого власть князя Меншикова значительно уменьшалась; в указе, между прочим, было сказано:

"И понеже Мы так же всемилостивейше намерены, для лучшего отправления всех государственных дел и лучшей пользы верноподданных Наших, сами в Верховном Нашем тайном совете присутствовать, и для того потребно, чтобы оный совет всегда отправлялся при боку Нашем; того ради отвести в том же Нашем летнем дворце одну палату, в которой бы по приезде Нашем оный совет отправляем быть мог".

Однако, несмотря на это, Меншиков всё ещё продолжал властвовать и отдавать различные приказания.

Это не могло не раздражать государя.

– Я покажу, кто из нас император: я или Меншиков! – грозно крикнул Пётр, топнув ногой.

– Успокойтесь, государь, за своё непослушание князь Меншиков ответит, – вкрадчивым голосом проговорил Остерман, показывая вид, что старается успокоить своего державного воспитанника, а на самом деле старался нахваливать на Меншикова.

– Да, да, он ответит мне, он поплатится. Андрей Иванович, сейчас же прикажи все мои вещи и одежду, находящиеся в доме Меншикова, перевезти сюда, во дворец.

– Слушаю, государь... А если князь Меншиков не послушает и вещей ваших, государь, не выдаст? От него, ваше величество, всего можно ожидать.

– Я... я укрошу Меншикова, я согну его в дугу... Ты увидишь, Андрей Иванович, как я с ним поступлю, ты увидишь.

– Ведь князь Меншиков – будущий тесть вашего величества. Удобно ли, государь, будет с ним круто поступить?

– Меншиков – мой тесть? Да ты никак с ума сошёл, Андрей Иванович? Он никогда им не будет... Никогда!

– А его дочь, княжна Мария Александровна? Ведь она обручена с вашим величеством.

– Что же такое? Обручена, но не венчана. Кстати, сегодня же сделать распоряжение, чтобы в церквах дочери Меншикова на ектеньях не поминали и моей невестой не называли. О том нужную бумагу изготвь и пошли к преосвященному Феофану, – тоном, не допускающим возражений, проговорил император-отрок.

Да и кто стал бы возражать ему? Все вельможи, весь двор радовались падению всесильного временщика, и более других тому радовался хитрый Остерман.

Участь Меншикова была окончательно решена. Птенец великого Петра, всесильный, почти полновластный правитель России, пал... Этого колосса и богатыря победил державный мальчик.

Пётр II был почти обязан возведением на престол Меншикову, но, несмотря на это, тяготился им, не любил его... Да и мог ли он любить человека, который чуть ли не первый подписал смертный приговор его отцу, злосчастному царевичу Алексею Петровичу? Мог ли забыть юный Пётр то пренебрежение, с каким относился к нему и к его сестре Наталье Меншиков во время царствования императрицы Екатерины I? Царственные дети – Пётр и Наталья – жили совершенными сиротами, в

забросе, в задних комнатах дворца; оба они нуждались во многом, и всё из-за того же Меншикова, потому что временщик сокращал расходы на их содержание. Могли ли всё это забыть царственные дети?

Прежние грехи Меншикова, то есть его различные злоупотребления и те приёмы, какими были нажиты Меншиковым миллионы – одних крестьян у него было около ста тысяч человек, – всё это слышал и знал император-отрок и решил опять обратить Меншикова в ничто, из которого тот вышел по воле великого преобразователя.

На человека, который титуловал себя так: "Мы, Александр Меншиков, римского и российского государства князь, герцог Ижорский, наследный господин Аранибурга и иных, его царского величества всероссийского первый действительный тайный советник, командующий генерал-фельдмаршал войск, генерал-губернатор губернии Санкт-петербургской и многих провинций его императорского величества, кавалер святого Андрея и Слона, и Белаго и Черного орлов и пр., и пр." – обрушилась опала императора-отрока.

– Довольно властвовать и самовольничать Меншикову; надо положить этому конец! Он слишком много о себе возмечтал и, кажется, про то забыл, что я – император... надо ему напомнить об этом, – сказал Пётр своей сестре Наталье Алексеевне.

– А как же ты, Петруша, поступишь со своей невестой?

– С какой? У меня нет невесты.

– А дочь Меншикова, Мария?

– Она была моей невестой прежде. Когда меня с нею обручали, тогда я находился под опекой Меншикова, он делал со мною, что хотел. А теперь, Наташа, всё не то, эту опеку я сбросил со своих плеч... Я ни с кем не хочу разделять свою власть. Я – император, мне Бог вручил эту власть, – с большим воодушевлением проговорил император-отрок.

– Петруша, как ты хорош в своих словах! Ты говоришь совсем как большой, – любуясь державным братом, с восхищением проговорила великая княжна Наталья Алексеевна.

– А кроме того, я ещё силен. Меншиков против меня богатырём смотрит,

а я осилил его, – детски-хвастиливо проговорил император-отрок. – Однако оставим говорить про это. Меншиковы мне страшно надоели, и я буду очень рад скорее отделаться от них. Дня через два-три их не будет...

VIII

Между тем Меншиков принимал все меры для поддержания ускользавшей от него власти и, чтобы хоть несколько умиротворить государя, послал к нему свою жену и дочерей.

Немало пришлось выждать Дарье Михайловне в Петергофском дворце, пока о ней доложили императору. Её дочери направились на половину великой княжны Натальи Алексеевны.

Холодно принял её государь и спросил о цели её прихода.

– Я пришла к вам, государь, за милостью, – со слезами ответила Дарья Михайловна, опускаясь на колени.

– Встаньте, княгиня, и говорите, что вам надо?

– Милости, пощады, государь!

– Вы, княгиня, просите за мужа?

– За него, ваше императорское величество.

– Ваши просьбы напрасны, княгиня. Ваш муж слишком много взял на себя. В своих поступках он совсем забыл, что император российский – я, а не он. Он злоупотреблял доверием покойной императрицы: царствовала не она, а Меншиков. Ему хотелось точно так же властвовать и в моё царствование, но это ему не удастся. Нет, довольно! – громко и с волнением проговорил император-отрок, быстро расхаживая по кабинету.

– Не о власти просит мой муж, ваше величество, а о снисхождении.

– Довольно; он – и то не в меру пользовался моим снисхождением... его надо бы предать строгому суду, но я не хочу этого, помня старые заслуги Меншикова.

– Государь, соблаговолите дать нам разрешение уехать в какую-нибудь нашу вотчину.

– Куда вам ехать, вы об этом получите указ.

– Ваше императорское величество, прошу вашей пощады не ради мужа,

а ради моих дочерей и сына, ни в чём не повинных пред вашим величеством. Окажите им милость, государь.

– Хорошо, я посмотрю... Оставьте меня, княгиня: я занят.

Но княгиня Дарья Михайловна, громко рыдая, опять опустилась на колени пред государем. Тогда он, не говоря уже более ни слова, вышел из своего кабинета, оставив просительницу.

Бедная княгиня встала с колен и направилась на половину великой княжны Натальи Алексеевны; там она думала встретить своих дочерей. Однако великая княжна, чтобы избежать объяснения с женой и дочерьми Меншикова, не приняла их.

Во дворце никто не разговаривал с женой опального вельможи и с его дочерьми. А давно ли ещё все заискивали расположения княгини Меншиковой, за большую честь почитали, если она говорила с кем-либо? Увы, всё миновало; теперь все бежали от неё, как от зачумлённой...

Дарья Михайловна отправила дочерей домой, а сама направилась в квартиру Остермана, думая там найти сочувствие и помощь, тем более что Остерман многим был обязан Меншикову.

"Помня нашу хлеб-соль и наше расположение, Андрей Иванович, может, замолвит за нас доброе словечко государю, заступится за нас; стану слёзно просить его об этом; мои слёзы тронут его сердце... ведь человек он, не зверь бесчувственный", – думала удручённая горем княгиня Меншикова, входя к Остерману.

– Знаю, княгиня, знаю, зачем вы пожаловали ко мне, но, к своему крайнему сожалению, ничего для вашего мужа сделать не могу, ничего! – встретил её хитрый Остерман.

– Батюшка, Андрей Иванович, войди ты в наше горькое положение, помоги ты нам, помоги!

– И рад бы, душевно рад, да не могу, княгинюшка.

– Не говори так, Андрей Иванович, можешь ты, всё можешь!.. Государь тебя слушает...

– Не скажите, добрейшая Дарья Михайловна, не скажите. Наш император подчас бывает самоуправен, да кроме того, его величество

слишком огорчён поступками вашего мужа и гневается на него. Я пробовал было просить государя за князя Александра Даниловича.

– Ох, Андрей Иванович, неправду ты говоришь, неправду! Не станешь ты за нас просить, не станешь!

– Княгиня, своими словами вы обижаете меня...

– Прости, если мои слова, Андрей Иванович, тебе обидными показались, и если ты хоть немного жалеешь нас, то помоги нам, Христа ради!.. Земно о том прошу тебя! – И при этих словах бедная Дарья Михайловна опустилась на колени пред Остерманом, который всё более и более входил в доверие к государю и был теперь самым приближённым к нему человеком.

– Что это, княгиня? Встаньте, встаньте, что вы!.. Если бы было в моей власти оправдать князя Александра Даниловича или, так сказать, сгладить все его проступки, то я сделал бы это и без ваших поклонов. Но, повторяю, я, к сожалению, ничего не могу сделать для него, ничего, – холодно проговорил Остерман. – Простите меня, мне недосуг. Я спешу в Верховный совет... меня ожидают, – добавил он, стараясь освободить из рук Меншиковой свой расшитый золотом кафтан.

– Так не можешь, не можешь? – вставая с колен, переспросила Дарья Михайловна, – Ну и не надо... не надо!.. Я унижалась пред тобою, Андрей Иванович, со слезами умоляла, но ничто не тронуло тебя. Смотри, Андрей Иванович, ведь судьба переменчива, может быть, и ты узнаешь свой чёрный день, и над тобой напасть разразится, как разразилась она над нами... Ты смеёшься теперь над нашей бедой, так посмеются другие над твоей бедой... Прощай! – И княгиня Меншикова не спеша оставила кабинет Остермана.

– Фу! Что она тут наговорила? Про какой-то чёрный день, про какую-то беду намекала... пугала какой-то напастью... Вот вздорная баба!.. Заступаться за Меншикова! Слуга покорный... Я не спеша, а мало-помалу займу его место и буду таким же министром, каким был Меншиков. Повластвовал он, и довольно, теперь моя очередь! – рассуждал сам с собою Остерман.

Когда карета княгини Дарьи Михайловны отъехала от подъезда дворца, государь отдал приказ наложить на Меншикова домашний арест и поручил выполнить это генерал-лейтенанту Салтыкову.

– Меншиков много зла сделал моему бедному отцу, и я не могу забыть это, – сказал он. – Я не могу терпеть человека, который был злодеем моему отцу и моей бабке государыне Евдокии Фёдоровне. Кстати, Андрей Иванович, скоро ли мы в Москву поедем? – спросил у Остермана император-отрок.

– Это зависит, государь, от ваших приказаний, как вы повелеть изволите.

– Питер мне надоел, я хочу в Москву. В Москве лучше. Не правда ли, Ваня? – обратился государь к своему любимцу, князю Ивану Долгорукову.

– Где вам хорошо, там и мне неплохо, государь.

– Спасибо, Ваня, спасибо!.. Знаю, любишь ты меня, предан мне. А Андрей Иванович тебя не любит.

– Государь, когда же я... – меняясь в лице, пробормотал Остерман.

– Да, да, ты не любишь Ваню; говоришь, что он отвлекает меня от занятия науками... Ведь говорил?

– Я... я к князю Ивану Алексеевичу душевную привязанность имею...

– Ну, хорошо, Андрей Иванович, хорошо, я пошутил... Так ты говоришь, нам скоро можно и в Москву ехать? – меняя разговор, спросил у Остермана государь.

– Можно, государь, дней через пять – шесть.

– И отлично! Вот мы спровадим из Питера Меншикова, а сами в Москву поедем. Я люблю Москву, очень люблю! А знаете почему? Потому что, говорят, Москву любил мой отец... И Наташа любит. А ты, Ваня, любишь ли Москву? Да? У твоего отца, кажется, под Москвой большая усадьба есть?

– Есть, государь. Горенки прозывается.

– И охотиться, Ваня, можно?

– Как же, наши леса изобилуют дичью. В них даже попадается и

красный зверь.

– Побываем, непременно побываем и в усадьбе у твоего отца и поохотимся там вволю. Что ты морщишься, Андрей Иванович? Уж как ты хочешь, а охотиться я буду. Говорят, прадед мой, покойный царь Алексей Михайлович, любил охотиться под Москвой, и лес там такой есть, Сокольниками прозывается, в котором он любил охотиться... Так я говорю, Ваня?

– Так, государь.

– А ты, Андрей Иванович, бабушке моей, царице-инокине, послал ли письмо с известием, что Меншиков уже больше не правитель, не регент, и что ему не миновать ссылки?

– Как же, по твоему приказу, государь, вчера с нарочным в Москву, в Новодевичий монастырь, послал...

– Меншиков по своему деянию заслужил смертную казнь, но я помилую его. Пусть живёт... я против казни. Можно наказывать преступников, сослать в Сибирь, а жизнь отнимать у них не надо – жизнь нам дана Богом, ею и распоряжаться может только Бог! Я вот подрасту, возмужаю и непременно отменю казнь. Я и теперь сделал бы это, да некоторые члены Верховного совета отстаивают казнь, да и Андрей Иванович говорит, что преступников надо казнить в пример другим, – произнёс император-отрок.

– Надо карать преступление, государь, иначе преступников разведётся такое множество, что с ними сладу не будет, – внушительно промолвил Остерман.

– Разумеется, наказывать надо, но только не смертью. Недавно князь Иван дал мне хороший урок... Хотите, расскажу?

– Пожалуйста, ваше величество, – с низким поклоном проговорил Остерман.

– Я спешил куда-то ехать. Мне подсунили подписать смертный приговор; я взял перо и, не читая, хотел уже подписать его. А князь Иван подошёл ко мне и больно ущипнул – так больно, что я вскрикнул от боли. Только что хотел я разразиться гневом, а князь Иван и говорит мне: "Вот,

государь, тебе больно оттого, что я ущипнул тебя, а каково тому несчастному, у которого безвинно хотят голову срубить? И ты, государь, прежде чем подписывать, прочитай бы". Я внимательно прочитал приговор и нашёл обречённого на смертную казнь невиновным. Приговор я разорвал, а князя Ивана крепко обнял и расцеловал... А где же он? Где Ваня? – оглядываясь, проговорил император-отрок. – Князь Иван не может слушать, когда его хвалят, всегда уйдёт... Наверное, он в парке. Пойти к нему, – добавил государь и поспешно вышел.

И в самом деле, во время рассказа Петра князь Иван Долгоруков незаметно вышел.

IX

Дом-дворец князя Меншикова стал вдруг не тот, каким он был прежде. Печально, мрачно было там; почётные караулы в доме и около дома были сняты; у его подъезда не виднелось верениц экипажей; на лестнице и в передней не было лакеев в напудренных париках и в ливреях, расшитых золотом. А ещё так недавно в передней у Меншикова дожидались своей очереди вельможи и сановники. Куда всё вдруг подевалось: могущество, слава, блеск, величие?

И над домом, и над самим хозяином разразилась государева опала.

Меншиков, покинутый, забытый всеми, мрачно наклонив голову, ходил по опустелым комнатам своего дома-дворца.

Указ императора-отрока от 8 сентября 1727 года поверг в большое горе Александра Даниловича. Он был такого содержания:

"Понеже Мы всемилостивейше намерение взяли от сего времени Сами в Верховном тайном совете присутствовать, всем указам отправленным быть за подписанием собственныя Нашея руки и Верховного тайного совета, того ради повелели, дабы никаких указов или писем, о каких бы делах оныя были, которые от князя Меншикова или от кого бы иначе партикулярно писаны или отправлены будут, и по оным отнюдь не исполнять под опасением Нашего гнева, и о сём публиковать всенародно во всём государстве и в войске".

Горькие слёзы потекли из глаз Меншикова, когда ему дали прочитать этот указ.

– Батюшка, Александр Данилович, о чём же ты плачешь? Ведь не всё ещё потеряно. Власть ты потерял и могущество. Так Бог с нею, с властью!.. Уедем хоть в нашу подмосковную вотчину и станем там жить спокойно, – утешая мужа, сказала княгиня Дарья Михайловна.

– Нет, нет. Меня сошлют в далёкую усадьбу

– Что же, и там люди живут, и мы будем жить.

– А дочери? А сын?

– И их возьмём, и они с нами жить будут.

– В глуши, в опале? Разве они привыкли к такой жизни?

– Не привыкли, так привыкнут. Эх, Александр Данилович, друг ты мой сердечный! У наших деток жизнь только ещё начинается, надо им ко всему привыкать. Ведь жизнь-то переменчива, на себе ты это видишь.

– Ну, я виновен, и гневайся на меня, и казни меня, а зачем же детей трогать, тебя? Ведь вы-то ни в чём не виновны. Машу жалко: бедная, несчастная... Обручённой невестой была, с государем кольцом обручальным обменялась... Из невест-то царских да в ссылку! Легко ли ей, сердечной? – чуть не с рыданием проговорил Меншиков.

– Что говорить, легко ли? А и то молвить, Данилыч, на всё Божья воля... На всё свой предел положен человеку. За детей бояться нечего: их Бог не оставит, потому что не виноваты они! – утешала Дарья Михайловна своего упавшего духом мужа.

А сама она? Что чувствовала, что переживала, что испытывала она, когда беды одна за другой обрушивались на её мужа и на её детей?

Вошёл секретарь Меншикова Зюзин и доложил:

– Ваша светлость, генерал Салтыков от великого государя прибыть изволил.

Меншиков изменился в лице.

– Просить! – задыхающимся голосом проговорил он.

Спесиво, надменно вошёл Салтыков и, слегка кивнув головой Меншикову, громко сказал:

– По указу его величества, государя императора, вам, князь, объявляется домашний арест.

– Как? Меня... меня под арест? За что, за какие преступления? – простонал Меншиков.

– За что? Вам это представят по пунктам. Вы теперь не должны, князь, никуда ни выезжать, ни выходить. К дверям и к воротам поставлен будет караул.

– Боже, Боже! До чего я дожил! Меня, первого министра в государстве, генералиссимуса русских войск, под арест! – с отчаянием воскликнул Александр Данилович, схватившись за голову и падая в кресло.

Дарья Михайловна с плачем кинулась к мужу, а Салтыков, холодно посмотрев на рухнувшего колосса, вышел.

Князь Меншиков написал было государю письмо, в котором умолял о прощении и просил дозволения уехать вместе с семейством на Украину, но как бы в ответ на это ему сообщили, что он лишается дворянства, чинов и орденов; а у его дочери Марии, у бывшей царской невесты, отобрали придворную прислугу и экипажи.

Одиннадцатого сентября Меншикову было приказано со всем семейством ехать немедля в ссылку, в Раненбург Рязанской губернии.

Наступил день отъезда Меншикова. Около его великолепного дома с раннего утра толпились тысячи народа, так что 120 верховых гвардейцев, назначенных сопровождать Меншикова, едва могли сдержать толпу. Всем интересно было взглянуть, как поедет в ссылку ещё так недавно могущественный, полудержавный властелин, а теперь опальный Меншиков.

Ворота дома Меншикова были растворены; весь двор запружен был каретами и повозками, которых по счёту было сорок две; кареты предназначались для Меншикова и его семьи, а повозки – для его многочисленного штата и прислуги. После долгого ожидания на подъезде своего дома появился Меншиков. Он был бледен и едва переступал ногами; за ним шла его жена, с опухшими от слёз глазами.

Меншиков молча, понуря голову, сел в карету, а княгиня села в неё

лишь после того, как несколько раз перекрестилась и поклонилась народу.

Во второй карете поехал сын Меншикова, Александр; в третьей – бывшая невеста императора-отрока, злополучная княжна Мария; лицо у неё было закрыто густым вуалем; с нею села младшая сестра, красавица Александра; она, бедная, горько плакала.

В других каретах и повозках ехали родственники Меншикова и его приближённые, решившиеся разделить с ним в ссылку.

Одежда как на Меншикове, так и на сопровождавших его, была траурная.

Длинный кортеж опального вельможи двинулся вдоль по набережной. Отряд гвардейцев под начальством капитана окружил карету Меншикова, с саблями наголо.

Собравшийся народ хранил глубокое молчание; он не выказывал к опале Меншикова ни радости, ни печали.

Когда кареты выехали за заставу и отъехали несколько вёрст, их догнал придворный офицер и отобрал у Меншикова все находившиеся при нём иностранные ордена; русские были отобраны у Меншикова ещё в Петербурге.

Близ Твери на Александра Даниловича и на его семейство обрушилась новая большая беда. Едва только Меншиков расположился на ночлег в деревеньке, находящейся близ города, дверь в избу быстро отворилась, и на пороге появился находившийся в свите императора-отрока гвардеец-офицер Лёвушка Храпунов.

– Простите, князь, я помешал вам? – тихо проговорил Лёвушка, обращаясь к Меншикову.

– Не называй, господин офицер, меня князем. Пред тобой не князь, а ссыльный.

– Я прислан к вам с неприятной для вас новостью. Я имею указ пересадить вас из ваших карет в простые телеги, на которых вы поедете до места ссылки.

– Моих врагов и моя ссылка не успокоила!.. Измышляют они мне беду за

бедой. Я их не презираю, а жалею, – задумчиво проговорил Меншиков.

– На меня не гневайтесь! Я тут ни при чём, так как лишь исполняю свой долг.

– Я на тебя, господин офицер, не в претензии: ты – только исполнитель воли других. Об одном молю я Господа Бога, чтобы у меня, а также у моей бедной, невинной семьи хватило терпения перенести это тяжёлое испытание. Если и скорблю я, то не за себя, а за детей несчастных, за жену.

– Простите, князь, я сочувствую вам... мне и вас жаль, и вашу семью.

– Как? Вы меня жалеете? – с удивлением спросил Храпунова Александр Данилович. – И забыли про то зло, какое я причинил вам, будучи всемогущим человеком в государстве?

– Давно забыл, об этом я уже недавно сказал вам.

– Спасибо! Если не брезгуешь мною, немощным опальным стариком, то дозволю мне обнять тебя! – И Меншиков крепко обнял Храпунова.

Из Твери опальных Меншиковых повезли уже в Раненбург не в каретах, а в простых телегах.

Но враги Меншикова не успокоились его ссылкой. Этого им было мало. Раненбург хоть и не близок от Петербурга, а всё же из него скорее можно вернуться, чем из Сибири. И вот про Меншикова стали распространять разные небылицы.

В Петербурге, по словам историка, были подняты различные обвинения против него, отчасти справедливые, отчасти измышленные злобою. Рассказывали, что он сносился с прусским двором и просил десять миллионов взаймы, обещая отдать вдвое. Уверяли, что, пользуясь своим могуществом, он с честолюбивыми целями захвата верховной власти хотел удалить гвардейских офицеров и заменить их своими любимцами. Толковали, что он от имени покойной императрицы составил фальшивое завещание. Ставили ему в вину, что он ограбил своего малолетнего государя и, заведя Монетным двором, приказывал выпускать плохого достоинства деньги, обращая в свою пользу не включённую в них долю чистого металла. Припомнили и прежние его грехи, как, пользуясь

доверием Петра Великого, он обкрадывал казну и этим нажил несметное богатство. Говорили, что вещи, которые он взял с собой, стоили, по мнению одних, пять миллионов, по мнению других – двадцать. Обвиняли Меншикова в недавних тайных сношениях со Швецией в ущерб интересам России; ещё при жизни императрицы Екатерины I он будто бы писал к шведскому сенатору Дикеру, что у него в руках военная сила и он не допустит ничего вредного для Швеции.

Все эти рассказы, отчасти правдивые, отчасти вымышленные, всё более и более вооружали против Меншикова императора-отрока, а также и Верховный тайный совет, так что последний послал в Раненбург к опальному вельможе сто двадцать вопросных пунктов, обвинявших его.

Меншиков, сколько мог, оправдывался против предъявленных обвинений. Но окончательно повредило ему подмётное письмо, которое нашли в Москве у Спасских ворот в марте 1728 года; оно содержало в себе защиту и оправдание Меншикова, а вследствие этого было признано, что оно составлено именно им самим, "прибегавшим таким образом к средствам непозволительным для своего спасения".

Тогда Верховный тайный совет постановил конфисковать всё достояние опального вельможи, тем более что тогда из разных канцелярий начали поступать требования о возвращении денег и материалов, незаконно захваченных Меншиковым.

За всё это Меншикова и всё его семейство постановили отправить в Сибирь, в отдалённый пустынный Берёзов.

Всё отобрали у некогда полудержавного властелина, и было приказано выдавать ему с семьёй и со слугами по шести рублей в день "кормовых денег".

Свояченицу Меншикова, Варвару Арсеньеву, было приказано постричь в женском Сорском монастыре.

По словам историков, у Меншикова было отобрано "десять тысяч душ крестьян и города: Ораниенбаум, Ямбург, Копорье, Раненбург, два города в Малороссии – Почеп и Батурин – и капитала тринадцать миллионов рублей, из которых девять миллионов находились на

хранении в иностранных банках, да сверх того на миллион всякой движимости и бриллиантов, одной золотой и серебряной посуды у Меншикова конфисковано более двухсот пудов".

Приказ ехать в Берёзов был новым и неожиданным ударом для опальных Меншиковых.

Особенно тяжело подействовало это на злополучную княжну Марию, бывшую государеву невесту; она долго рыдала и билась в истерике.

Отчаяние дочери повергло в скорбь самого Меншикова и его жену. Добрая княгиня теперь стала неузнаваема, она так похудела и осунулась, что смотрела дряхлой старухой; её глаза от постоянных слёз начали слепнуть.

– Маша, милая, простишь ли ты меня, голубка, простишь ли своего несчастного отца? – с глазами, полными слёз, сказал Александр Данилович дочери, когда она несколько поуспокоилась и перестала плакать.

– Мне не за что прощать вас, вы ни в чём не виновны предо мною, – тихо ответила отцу злополучная Мария.

– Как невиновен? Ведь всё твоё несчастье, всё твоё горе через меня!.. У тебя был жених, любимый граф Сапега, а я отнял его у тебя и женил на другой... Князь Фёдор был мил твоему сердцу – я и его отнял. Властолюбие и тщеславие не давали мне покоя. В своей гордыне я возмечтал о многом; Александра хотел женить на царевне Елизавете, а тебя выдать за малолетнего государя. Но правосудный Бог смирил меня и мою гордыню и по делам воздал мне. А ты, Маша, твоя сестра, брат и бедная мать, за что вы несёте горе и несчастье? И вот вам предстоит ещё большее испытание. Вы поедете со мной в далёкую снеговую Сибирь. Где же справедливость моих судей, моих недругов? Я виновен – и казни меня, а вас, неповинных, за что же, за что? – чуть не с отчаянием промолвил Меншиков.

– Батюшка, перестанем говорить об этом! Вам больно вспоминать.

– А ты, дочка, милая, дай ответ, простила ли старика отца?

– Да могу ли я судить ваши деяния? Вы – отец, воля надо мною – ваша.

Ни роптать, ни гневаться на вас я не вправе, – ласково проговорила княжна Мария, целуя у отца руку. – Мне жаль вас, батюшка. Вы привыкли к величию, к славе!

– Обо всём прошлом величии, для меня навсегда потерянном, я давно забыл. Скажу тебе, Маша: я был рабом своих страстей, а теперь несчастье и горе научили меня быть другим человеком. Раскаянием и молитвою надеюсь я искупить свои грехи, своё заблуждение. Своим врагам я давно простил. Сознаюсь, может быть, многим я причинил зло, но так же немало и вывел в люди из нищеты и убожества. Но все меня забыли, все покинули.

– Милый, дорогой отец, станем молиться, чтобы Бог не забыл нас. Пусть люди забудут, а помнил бы Бог. Теперь я спокойна, покоряюсь своей участи и готова ехать с вами хоть на край света, – твёрдо проговорила бывшая царская невеста.

Меншиков выехал из своего Раненбурга в рогожной кибитке, а в двух телегах, сопровождавших его, ехали преданные ему дворовые, решившиеся не оставлять своего господина и до дна испить с ним чашу несчастья.

По указу Верховного совета капитан Мельгунов отнял Меншикова всё парадное платье, и павшего временщика одели в сермягу и простой тулуп, а его голову прикрыли бараньей шапкой. Такую же простую одежду приказали надеть Дарье Михайловне, её дочерям и сыну, и в таком виде повезли их в далёкую Сибирь.

Немало неприятностей пришлось опальным Меншиковым вытерпеть и перенести в дороге. Капитан отряда Мельгунов, который сопровождал их, обращался с Меншиковым и с его семьёй более чем жестоко. Так, едва только они отъехали от Раненбурга, Мельгунов приказал повыбрасывать все "лишние вещи", которые Меншиковы захватили с собой в дорогу, причём считал за лишние вещи две-три пары платья мужского и женского, несколько туалетных вещиц, взятых дочерьми Меншикова, рисовальный и письменный прибор сына Меншикова, и так далее.

Дочери Меншикова горько плакали, смотря, как солдаты с различными

прибаутками и насмешками развёртывали и бросали их бельё, платья, платки и прочие вещи.

– Послушай, господин капитан, зачем ты делаешь это? – с тяжёлым вздохом спросил у Мельгунова Меншиков.

– А затем, что на это имею приказ, – грубо ответил Мельгунов.

– Те, кто приказывал тебе так поступать, – люди без сердца, и ты, видно, хочешь быть подобен им.

Мельгунов не нашёлся, что ответить, и велел своим солдатам собрать разбросанные по дороге вещи и уложить обратно в повозки. Видно, и у этого чёрствого человека заговорило чувство жалости к несчастным Меншиковым.

По городам, сёлам и деревням народ густыми толпами выходил смотреть, как везут в Сибирь опального вельможу и его семью; некоторые посылали им вслед бранные слова и угрозы, а некоторые жалели их.

Меншикова и его детей ждало другое тяжёлое испытание.

Дарья Михайловна, всю дорогу не перестававшая горько плакать, от постоянных слёз ослепла и сильно захворала. Не доезжая нескольких вёрст до Казани, в селе Верхний Услон Меншиков остановился на несколько дней в простой крестьянской избе, так как продолжать путь было невозможно: страдальца Дарья Михайловна умирала.

До последнего вздоха она находилась в памяти, лёжа на скамье, накрытой дублёным тулупом. Её окружали сам Меншиков, их дочери и сын; они едва сдерживали душившие их рыдания.

– Данилыч, ты здесь? – слабо спросила умирающая.

– Здесь, здесь, Дарьюшка.

– Умираю я, Данилыч; прости, если чем провинилась.

– Тебе ли у меня прощения просить, Дарьюшка? Мне нужно о прощении тебя молить.

– Я давно, давно простила тебя. А дочки и сынок здесь, около меня?

– Все около тебя, Дарьюшка.

– Вот и хорошо. При вас душа моя будет расставаться с телом. Только жаль: ни тебя, Данилыч, ни дочек своих и сынка я не вижу. Взглянула бы

я на них в последний разок. Машенька, подойди, я благословлю тебя, а там благословлю и тебя, Сашенька, и тебя, сынок, благословлю в последний раз. Обо мне не плачьте, детки, и ты, Данилыч, не плачь... Помучилась я, пострадала, пора на покой... К Богу иду... на Его правый суд, – слабым голосом говорила умирающая княгиня. – И там, у Бога, за вас, детки, и за тебя, Александр Данилыч, молиться я буду.

Голос умирающей всё слабел и слабел.

– Не покидай, не оставляй нас сиротами! – с громким рыданием воскликнул Меншиков, опускаясь на колени пред умирающей женой.

– Божья воля, Данилыч!. Встань... детей береги... И вы, детки милые, отца берегите, почитайте... Господь вас не оставит... Прощайте... Молитесь!..

Замолкла навсегда бедная Дарья Михайловна. Кончина её была тихая. Это произошло 10 мая 1728 года.

Меншиков своими руками сколотил из досок гроб для своей Дарьюшки, с которой прожил не один десяток лет душа в душу. Вместе с дочерьми и сыном он снёс гроб в церковь, где старенький священник наскоро отпел рабу Божью новопреставленную Дарью.

На сельском погосте нашла себе вечное успокоение княгиня Дарья Михайловна Меншикова. В убожестве и нищете ей было суждено окончить свои дни.

Меншикова и его детей чуть не силой оттащили от дорогой их сердцу могилы.

После долгого и утомительного пути Меншиков с детьми прибыл в город Берёзов. С опальным вельможей было несколько слуг, которые и в изгнании решились не оставлять своего господина. Меншиков сам, своими руками, построил для себя и для детей жилище и около своего домика небольшую деревянную церковку. Родом из крестьян, возведённый мощною рукою великого Петра на первую ступень в государстве, он в своём падении не упал духом, а с примерною твёрдостью переносил тяжёлую опалу.

Часть вторая

I

Было летнее солнечное утро, тихое, тёплое; в Новодевичьем монастыре благовестили к обедне.

К святым воротам монастыря подъехала щегольская карета с гербами, запряжённая в четыре лошади, с двумя гайдуками в нарядных ливреях; они быстро соскочили с запяток, отворили дверцу, и из неё выпорхнула богато одетая молоденькая, хорошенькая девушка.

Старушка монахиня, сидевшая в святых воротах, встала и, низко поклонившись приехавшей, проговорила:

– С миром взыди в обитель нашу.

– Можно ли мне видеть царицу-матушку? – спросила у монахини приехавшая девушка.

– Пообождайте тебе, госпожа милостивая, придётся... государыня-матушка только что изволила в церковь пройти, к обедне.

– Что же, я подожду... сама пойду в церковь.

– Рано ещё, госпожа, только к часам ударили. Погуляй по монастырю, а то в наш садочек пройди. Тихо у нас, хорошо! А дозволю спросить, госпожа, кто ты будешь? – с любопытством поглядывая на красивую молодую девушку, спросила монахиня.

– Шереметева я. Наталья Борисовна.

– Не дочка ли будешь покойному графу Борису Петровичу Шереметеву?

– Да... я – его дочь, – скромно ответила Наталья Борисовна.

– Голубушка, графинюшка!.. Наконец Господь мне радость послал тебя увидеть!.. Ведь твой покойный родитель благодетелем нашим был. Вишь, крепостная я его была, а граф на волю весь наш дом отпустил... И знаешь ли, за что? Твой батюшка поохотиться поехал в лес, а мой большак-брат Семён в дворовых охотниках служил. Вот на охоте большой медведь и подмял под себя твоего батюшку, а Семён вовремя успел и пристрелил медведя. Вот покойный граф за это и на волю отпустил.

– Батюшка покойный правильно поступил: за большую услугу и награда большая. А скажи, матушка, как звать тебя? – спросила у монахини

графиня Наталья Борисовна. – Да мне свою келейку укажи: я от матушки царицы и к тебе зайду.

– Под колокольной моя келейка... Зайди, графинюшка, осчастливь меня. А зовут меня Гликерьей. Да глянь-ка, глянь, графинюшка: кажись, царицу-то ведут из церкви... так и есть! – поспешно проговорила Гликерья, показывая на столпившийся около церковной паперти народ.

С паперти сходила вдова-царица Евдокия Фёдоровна, из рода Лопухиных, против воли постриженная в монахини по приказу императора Петра Великого. Её с почётом вели монахини.

– Что-то государыня-матушка рано из церкви вышла, видно, ей нездоровится, – тихо проговорила монахиня Гликерья.

– Я вот сейчас подойду к царице-матушке, – проговорила графиня Шереметева, а затем торопливо пошла навстречу царице и при её приближении поклонилась ей до земли. – Благослови, государыня-матушка!

– Бог благословит. Встань!.. Пред единым Богом преклоняйся, – властным голосом проговорила бывшая супруга великого Петра.

– В обитель, царица-матушка, я нарочно приехала, чтобы повидать и поклониться твоему величию.

– Какое может быть величие инокини? Чья ты? Как звать тебя?

– Я – дочь Бориса Петровича Шереметева.

– Дочь Бориса Шереметева? Знала я твоего отца, знавала!.. Верным слугою, говорят, он был моему покойному мужу Петру, в графы его государь произвёл... А тебя как звать?

– Натальей, государыня-матушка.

– Зайди ко мне в келью, поговорим. Хоть и нездоровится мне, потому и рано ушла из церкви, а всё же я рада тебе, графиня Наталья...

– Земной поклон, матушка царица, тебе за ласку! – И графиня Наталья Борисовна, до земли поклонившись царственной инокине, пошла за нею в келью.

Только недавно вернулась царица-инокиня в Москву из заточения.

В Новодевичьем монастыре для неё отведены были самые лучшие кельи,

ей воздавали царские почести и называли теперь не старицей Еленой, а "великой государыней Евдокией Фёдоровной".

Немало горя и несчастья перенесла царица Евдокия, в иночестве Елена. Она росла и развивалась в терему; её отец, боярин Лопухин, и мать были людьми старого закала, придерживались старины и косо смотрели на разные новшества, которые со времён царя Алексея Михайловича стали "из Неметчины" проникать в Россию. Красива была Евдокия Лопухина: статная, полная, белая, с румянцем во всю щёку, с ясным взором, с соболиными бровями, с косами чуть не до пят, так что все сулили ей большое счастье и знатного жениха. И действительно, вдова царя Алексея Михайловича, Наталья Кирилловна, выбрала красавицу Дуню в жёны своему державному сыну Петру.

Крепко, сердечно полюбила Евдокия Фёдоровна своего мужа-царя, этого чудо-богатыря! В первое время и он был нежен и предупредителен с красавицей женой. Но это продолжалось недолго: вскоре он стая по целым неделям, месяцам оставлять её скучать в одиночестве, отчасти будучи занят делами правления и задуманными им реформами, а отчасти под влиянием своего увлечения Анной Монс, с которой он познакомился в Кукуй-слободе.

Скучала царица Евдокия Фёдоровна. Но вот ей на радость и на утеху родился сын; Алёшенькой его назвали в честь почившего деда, царя Алексея Михайловича. Стал он расти, но не затихла скука в сердце его матери; нет, рядом с нею стала развиваться и ревность.

"Не любит меня царь-муж, не любит; видно, краше да милее себе нашёл, а я не нужна ему стала. По месяцу и больше в глаза не вижу Петра. Разлюбил он, разлюбил. А я ли его не любила, я ли не голубила? И вот плата за мою любовь, за мою ласку. Ему новшества разные нужны да диковинки заморские, а не жена", – думала молодая царица.

Со слезами встречала она супруга и упрекала его за частые отлучки. Хмурился Пётр, слушая упрёки жены; не по нраву ему это было; он совсем охладел к Евдокии Фёдоровне и опять покинул её.

Напрасно останавливали Петра царица-мать и молодая жена.

– Не к тому я призван, государыня-матушка, чтобы дома сидеть сложа руки: меня ждёт большая работа, большая ломка. Прости и благослови сына на великий труд! – прощаясь с матерью, проговорил Пётр, а к своей молодой жене обратился с такими словами: – Ни слезами, ни попреками меня ты не остановишь, а только озлобишь больше.

Проходили недели, месяцы, а царь Пётр всё был в отлучке. Слезными письмами звали царица-мать и молодая жена; Наталья Кирилловна настоятельно требовала его возвращения, а Евдокия Фёдоровна умильно присоединяла и свои просьбы:

"Государю моему радости, царю Петру Алексеевичу, – писала молодая царица. – Здравствуй, свет мой, на множество лет! Просим милости, пожалуй, государь, буди к нам не замешкав. А я при милости матушкиной жива, женишка твоя Дунька челом бьёт".

А тут шепнули царице Евдокии Фёдоровне, что у царя Петра на стороне есть другая жена, "немка Монсиха", не венчанная, и это разожгло ревность в сердце молодой царицы.

Когда приехал Пётр, она встретила его с большими упрёками и большими слезами. Произошла ссора, и следствием этого было то, что Евдокия Фёдоровна угодила в монастырь, была насильно пострижена и стала не царицею московской, а монахиней Еленой. Вместо пышных царских хором очутилась она в убогой келье, одинокая, всеми забытая, всеми оставленная.

Тяжко ей было от этой жизни. Прежде времени состарилась Евдокия Фёдоровна. Потускнели у неё очи, пропал румянец с лица, щёки ввалились, и её красивые волосы сединой покрылись. И стала она думать о мести царю-гиганту.

Подрос царевич Алексей и стал бывать у матери в монастыре. Мать стала вооружать его против отца, но это повело лишь к гибели несчастного царевича Алексея. Погиб лютой смертью и красавец генерал Степан Глебов, к которому была равнодушна царица, а её саму под строгим караулом отправили в Ладогу, в Успенский монастырь. Тут она и прожила немало лет в тесной келье, под бдительным присмотром, до дня кончины

императора Петра Великого. С воцарением императрицы Екатерины I бывшую царицу перевезли в Шлиссельбург, а оттуда в Москву, в Новодевичий монастырь.

Войдя в свою келью, царица-инокиня переделалась и, усаживаясь в кресло, обратилась к своей юной гостье:

– Так ты – дочь боярина, то бишь графа Бориса Петровича Шереметева? Мой покойный царь-муж русских прирождённых бояр в немецкие графы производил. Любил покойник Неметчину и чуть всей Руси в Неметчину не повернул! – взволнованно добавила она и, показывая графине Наталье место на стуле, рядом с собою, предложила ей: – Садись!.. В ногах правды нет!

– Смею ли я, царица-матушка, сидеть пред тобою?

– Какая я царица? Монахиня смиренная я, а не царица... Точно, была и я царицей, только это давным-давно прошло. Всё прошло, всё порушилось... Ну, поведай мне, Натальюшка, что нового? Правду ли говорят, что мой внучек-царь Меншикова отправил в ссылку?

– Правда, государыня-матушка, правда, князь Меншиков в государеву опалу попал.

– И ништо, ништо ему. Ещё лютой казни следовало бы его предать. Злодей он, мне и сынку моему злополучному. Немало этот Меншиков злобы да несчастья принёс. О, Господи, прости, помилуй!.. Словами своими я грех совершила! Грешница я, грешница!.. Да уж больно много я выстрадала, много лютого горя перенесла, оттого и сердце моё стало такое злобное! Значит, Меншикова постигла кара Господня? О его падении недавно писал мне Остерман. Да плохо я ему верю: подлиза он, льстец, хитрый немец. Крепко боюсь я, что он и внука моего, Петрушеньку, испортил... Вот ещё Долгоруковых я, грешница, недолюбиваю! А говорят, князь Иван днюет и ночует у государя... Государь молоденек, привязчив, глядишь – живо всего послушает, что вороги его из корысти для себя посоветуют. А долго ли тут до греха? Вот и болит моё сердце, как бы Петрушеньку не испортили!.. Кто их знает, что людишки, близ него, молоденького, несмышлёного, стоящие,

задумали. Совсем не знаю я князя Ивана... Может, ты... графинюшка, знаешь его?

– Как же, государыня-матушка, знаю, – вся вспыхнув и опуская свою хорошенькую головку, тихо ответила Наталья Борисовна.

– Да ты что? С чего, что зорька алая, вспыхнула и головушку свою опустила? Видно, полюбила князя Ивана? Так, что ли?

– Матушка царица... Я затем и в обитель приехала, чтобы видеть твои пресветлые очи и, если удастся, испросить твоего благословения на новую жизнь. Князь Иван Алексеевич просит моего согласия с ним под честный венец идти. В Питере я была, там и увидал меня князь Иван. Из Питера он и письмо прислал, просит моего согласия. Скоро он с великим государем в Москву прибудет... В письме-то ещё такая приписка есть: "Хотелось бы мне приехать к тебе в палаты не чужим человеком, а твоим женихом".

– Да мне-то что до этого? С чего ты вздумала моего совета просить?

– А вот с чего, матушка государыня! Ты – святая старица, много горя перенесла и разного несчастья вытерпела, извела жизнь. Вот Бог и надоумил меня просить твоего совета и последовать мудрым словам твоим. Ещё, матушка царица, ты изволила сказать, что государь привязался к князю Ивану. Правда это... А ведомо ли тебе, что князь Иван ведёт жизнь бесшабашную, разгульную?

– Слышала про то, слышала, вот и боюсь, чтобы мой внук-государь не научился дурным примерам от князя Ивана. Ведь дурное скорее перенимается, чем хорошее.

– А я-то, матушка царица, на что? Став женою князя Ивана, я постараюсь отстранить его от всего дурного... Сердце у него доброе, хорошее; его скоро можно вразумить и от разгула отучить.

– Помоги тебе Господь в этом, Натальюшка! За твоё благое намерение и тебе благо будет.

– Так ты, матушка государыня, благословляешь мой брак с князем Иваном? – радостно спросила Наталья Борисовна.

– Ты, Натальюшка, с первого взгляда пришлась мне по нраву; чистое у

тебя сердце, хорошее; я рада твоей судьбе, твоему счастью, только смотри – прочно ли то счастье будет. Я так же, как вот ты, радовалась безмерному счастью, когда выходила за царя Петра замуж, думала, счастью тому и конца не будет, а оно пронеслось, как миг единый. Прости пока, устала я, пойду прилягу. А за князя Ивана выходи. Приедет он в Москву, я с ним сама поговорю.

Счастливой и довольной вернулась молодая графиня Шереметева на Воздвиженку, в свои роскошные палаты.

II

В пятнадцати верстах от Москвы живописно раскинулась большая усадьба Горенки, принадлежавшая князю Алексею Григорьевичу Долгорукову.

Княжеские палаты были удобны и вместительны. Каменная лестница и дверь с железными затворами вели в большие сени, в которых находилось несколько стеклянных фонарей. В приёмных покоях стояли лавки и стулья, обитые цветными сукнами и кожей; тут же находились и столы, липовые и дубовые, резные, круглые и четырёхугольные; некоторые были обиты кожей, а некоторые покрыты цветными скатертями. На стенах, покрытых обоями вишнёвой камки или камчатными зелеными, местами были прибиты ковры; в каждой горнице находились образа в дорогих окладах; в парадной горнице висел портрет Петра I, писанный на полотне, в золочёной раме; в той же горнице находились большие стенные часы и орган; на дверях и на окнах – суконные красные драпировки.

Более тщательно была убрана горница, предназначавшаяся для приезда государя Петра II; здесь меблировку составляли большие кресла, обитые вишнёвым бархатом и отделанные золотыми и серебряными галунами; резные столы и стулья, дубовый резной шкаф, круглый поставец, роскошная резная кровать, с позолоченным верхом, с зелёною тафтяною занавесью, пуховая перина и такие же подушки с камчатным одеялом; на стенах, обитых китайскими обоями, висело разного рода оружие:

пищали, ружья, винтовки, пистолеты, алебарды на древках, пики и прочее; на столах красовались разные вещи – "китайский чёрный шкатул", кругленькие черепаховые, оправленные серебром коробочки с благовонными свечами, дубовая "холмогорская скрыня" с выдвигаемыми ящиками, китайский умывальный ларчик с шуйским мылом и много других безделушек.

Налево от княжеского дома были расположены избы для дворовой прислуги, далее шла берёзовая роща с псарным двором. Конюшни были переполнены породистыми лошадьми, а в каретных сараях находились всевозможные экипажи.

Подвалы и погреба в Горенках были переполнены разными заморскими винами, русскими настойками, различными медами и квасами, а также и всевозможной провизией.

Широко, тепло и сытно жилось в этой подмосковной усадьбе Долгорукова. Однако сам он и его сын Иван безотлучно находились при юном государе, а в Горенках находилась княгиня Прасковья Юрьевна с дочерьми, Екатериной и Еленой. Князь Алексей, ослеплённый честолюбием, руководимый только счастливою звездой, которая поставила его, с падением Меншикова, вдруг так близко к государю, думал только о том, как бы не пропустить времени, пока светит ещё звезда. Не зная предела своему честолюбию, он, подобно Меншикову, возымел непереносимое желание выдать свою дочь Екатерину за императора-отрока, забыв об участи несчастного Меншикова и его злополучной дочери Марии.

Однажды, в тёплый майский вечер, князь Алексей Григорьевич неожиданно прибыл в Горенки, чем немало удивил свою жену и дочерей.

– Мы никак не ждали тебя, князь Алексей, нынче, а ты – на! – нежданно-негаданно к нам пожаловал, – встретила его княгиня.

– Так-то лучше, – здороваясь с женою, ответил Алексей Григорьевич.

– Ты погостишь у нас?

– Ишь, что сказала! Да разве можно? Разве ты не знаешь наших дел, Прасковья Юрьевна? Теперь к нам государь благоволит, а не торчи я

постоянно во дворце при государе, было бы совсем другое: тут бы моё место занял другой. Разумеешь ли, княгинюшка?

– Плохо я, Алексей Григорьевич, разумею ваши придворные тонкости.

– А знаешь ли, княгинюшка, какое слово я тебе молвлю? Только ты поди, притвори плотнее двери, чтобы кто-либо не подслушал.

– Ну, притворила... сказывай.

– За дверями нет никого? Людишки не торчат?

– Зачем им тут быть? В передней им место... Никого у дверей нет, говори, князь, не томи.

– Ладно, я сам ещё посмотрю! – сказал князь и лишь после того как убедился, что их никто не подслушивает, тихо спросил у жены: – Хотелось бы тебе быть государевой тещей?

– Да ты, князь, что это? В своём уме? – почти выкрикнула княгиня. – Да что ты задумал, что задумал?

– Что задумал, то и будет. Только ты мне не мешай!.. Князь Василий Лукич и другие наши родичи все согласились помогать мне. Только никак не могу уломать Ивана... Вот Господь Бог наделил меня сынком-то!..

– Алексей Григорьевич, что ты говоришь такое? Ведь об этом и подумать страшно. Неужели участь Меншикова не останавливает тебя от несбыточных желаний?

– Что Меншиков? Он хоть и хитёр был, но, начав своё дело хорошо, окончить-то его не сумел.

– А ты сумеешь, сумеешь?

– Да, сумею и государя женю на нашей дочери. А ты, Прасковья Юрьевна, и не думай препятствовать этому!.. Да, я знаю, ты – женщина умная, рассудительная, против меня ты не пойдёшь.

– Как я пойду против тебя? Ты, князь, сильнее меня. Но хорошего в твоём деле я ничего не вижу ни для тебя, ни для всех нас! Боюсь я, что и нас постигнет такая же участь, какая постигла Меншикова, а может быть, и того хуже, – с глубоким вздохом проговорила Прасковья Юрьевна.

– Типун тебе на язык, глупая баба! – с сердцем воскликнул князь. – Я не рад, что и заговорил с тобою про это дело.

– И не надо, не говори... Делай, как знаешь; мешать тебе я не буду, а за детей молиться стану, чтобы их Бог избавил от несчастья.

– Вот и давно бы так! Завтра Иван хотел приехать. Ты ведь знаешь, он за Наталью Шереметеву сватался. Вчера был в доме у невесты и получил её согласие.

– Вот этому я порадуюсь. Графиня Наталья Борисовна – примерная девица, тихая, скромная. Рада я за Иванушку, вот как рада. Счастлив он будет с графиней Натальей. Она сумеет остановить его от кутежей и попок.

– Дурак твой Иван, большой дурак! Ему в руки само счастье плывёт, только бери, не ленись. Государь так к нему привязался, что не расстанется с ним. Захоти только Иван, так первейшим человеком в государстве стал бы. Ведь государь его во всём слушает; как Иван скажет, так тому и быть. Он всех министров мог бы в руки забрать.

– У Иванушки хорошая душа, добрая; он не честолюбив, – перебивая мужа, проговорила княгиня.

– Весь в тебя: такой же мямля, бессребреник, и немало труда стоит мне влиять на него так, чтобы он пред государем в нашу руку работал, чести и могуществу нашего рода способствовал. И ведь бьюсь я, бьюсь, а толку пока от этого немного. Ну да оставим говорить про это!.. Авось я всё-таки переломлю Ивана. Ступай, пошли ко мне Катю, мне надо с нею побеседовать.

– Сейчас пошлю.

Княгиня Прасковья Юрьевна вышла, и спустя немного времени в горницу к отцу впорхнула Катя.

Она была очень красива и стройна и получила довольно хорошее по тому времени образование; она очень долго жила в Варшаве, у своего дедушки, князя Григория Фёдоровича Долгорукова, и научилась там светскому обращению.

Едва она вошла в комнату отца, тот обратился к ней:

– Здравствуй, Катюша; садись, будем говорить. Тебе известно, что к нам, в Горенки, на днях приезжает дорогой гость? Знаешь ли, кто?

– Не знаю, папа, хотя по тем приготовлениям, которые происходят во всей усадьбе, могу думать, что гость будет важный, – несколько подумав, ответила княжна.

– Государь к нам приедет, – самодовольно улыбаясь проговорил Долгоруков.

– Как! Неужели? – с удивлением воскликнула княжна.

– Да, да. Его императорское величество дал слово быть у нас в усадьбе.

– Это для нас – большая честь, – как-то холодно проговорила княжна Екатерина.

– Я думаю! А вот послушай, что я стану говорить. Скажи, ты счастья себе желаешь?

– Кто же не желает, папа?

– От тебя теперь зависит получить большое-большое счастье!

– Что же для этого надо мне сделать?

– Постарайся понравиться государю. Понравишься ему, он на тебе женится, и ты станешь императрицею... Поняла ли?

– Конечно, папа! Но, папа, не вышло бы с нами то, что случилось с Меншиковыми!

– Не бойся, Катя, я поведу дело совсем по-другому. Ты только постарайся понравиться государю.

– Понравиться... А если я не понравлюсь?

– Уж если государь хотел жениться на Марии Меншиковой, то тебе-то и сомневаться незачем: ведь ты много красивее и милее её...

– Но ведь я старше государя.

– Это ничего не значит! Да разве у тебя нет желания быть императрицей?

– Откровенно скажу, нет.

– Да ты с ума сошла?! – с неудовольствием проговорил князь. – Ведь это – такое великое счастье! Подумай сама только!.. Ведь ты станешь повелительницей величайшей в мире страны!.. А богатство, а власть, а могущество!.. Ведь все станут преклоняться пред тобой, и если повести дело с умом, то и себя, и всех нас прославить можешь!.. Это ли не

счастье?! Да ведь не понимать этого – значит быть круглой душой!.. Я даже представить себе не могу, как всего этого не понимать возможно!..

– Разубеждать вас я не буду, так как всё равно вы не послушаете меня; противиться тоже я не буду, потому что вы всё же поставите на своём, но скажу вам, что в этом неравном браке я вижу не счастье, а большое, большое несчастье...

– И ты про несчастье заговорила? Да что вы с матерью, сговорились, что ли, пугать меня каким-то несчастьем? Где оно? Откуда вы видите его?

– Ах, папа, папа, вы заблуждаетесь!

– Благодарю покорно! Уж ты учить меня вздумала? Живучи в Польше, у дяди, ты, видно, научилась там польским манерам? Но нет! – твои наставления я слушать не хочу! – закричал на дочь рассерженный князь.

– Я не понимаю, папа, на что вы гневаетесь? Ведь я сказала вам, что из вашего повиновения и воли не выйду. Вы желаете, чтобы я старалась понравиться государю-мальчику, приняла меры к тому, чтобы увлечь его, и я буду стараться, но что из этого выйдет, я не знаю, только думаю – мало хорошего...

– Ну, это мы увидим, увидим! А теперь ступай. Только прошу не забыть моих слов и готовиться к приезду государя! – уже совершенно раздражившись, закончил князь Алексей Григорьевич.

В ответ на слова отца княжна Екатерина лишь тяжело вздохнула и поспешно вышла.

"Что это значит? Я думал, Катя запрыгает от радости, а она чуть не плачет. Неужели её не прельщает быть женою императора? Уж не любит ли она кого? Надо постараться разведать!" – провожая взглядом дочь, подумал князь.

III

Император-отрок находился уже в Москве; его въезд в первопрестольную столицу со всем двором произошёл очень торжественно. Все улицы, по которым ехал Пётр Алексеевич, были запружены народом, собравшимся со всех концов Москвы навстречу

государю и приветствовавшим его радостными криками, которым вторили колокола сорока сороков церковей московских.

Государь был весел и радостен и низко раскланивался с народом. Величавая Москва произвела на его молодую душу самое радостное впечатление и понравилась ему много больше Петербурга.

Император-отрок остановился в Лефортовском дворце, где торжественно представлялись ему высшее московское духовенство, генералитет и московские власти, и очаровал их своею любезностью.

– Наконец-то я в Москве, в милой, дорогой Москве, – весело проговорил он, оставшись в своём кабинете вдвоём с князем Иваном Долгоруковым.

– Москва, видно, государь, пришлась больше тебе по нраву, чем Питер?

– Несравненно, Ваня! Я думаю навсегда остаться в Москве. Пусть здесь будет моя резиденция. И народ здешний мне больше нравится, чем питерский.

– В Москве, государь, как-то привольнее, проще, да и повеселиться можно; около города леса отличные, есть где поохотиться.

– Да, да. Мы здесь, Ваня, вволю поохотимся с тобой. Я вот отдохну, побываю, где нужно, а там и на охоту.

– А с охоты, государь, к нам в усадьбу, на перепутье. Хорошо у нас там! То-то разойтись можно!.. Никого там, кроме нашей семьи, нет, делай что хочешь!.. И гулянуть, и потанцевать, и вволю по полям да лесам покататься можно! Приезжайте, государь, к нам, довольны останетесь!

– Непременно, Ваня, заеду. Твой отец звал меня, и я дал слово быть у вас.

– Твой приезд, государь, принесёт нам большое счастье, – с низким поклоном проговорил князь Иван.

– Знаешь, Ваня, я хотел бы приносить счастье не вам одним, моим близким, а всему народу, который вручён мне Богом. Я хотел бы делить с этим народом и радость, и горе и был бы счастлив, если бы весь мой народ благоденствовал, не ведая горя. Но достичь этого трудно, почти нельзя. У меня, к несчастью, немного таких верных слуг, как ты. Много около меня помощников, а положиться на них нельзя; ведь все не о

благоденствии народном, а только о себе и о своих близких думают. Искоренить это зло у меня нет сил!

– Подрастёшь, возмужаешь, государь, тогда и сила у тебя явится.

– Я у Бога, Ваня, стану просить помощи... Бог даст силу искоренить зло и неправду в моей земле.

– Помогай тебе Бог, великий государь. А когда ты изволишь посетить царицу-инокиню Евдокию Фёдоровну? – меняя разговор, спросил Иван Долгоруков. – Её величество уже не раз осведомлялись об этом. Хочется ей повидать вас, да и вам по родственной близости поклон отдать ей следовало бы! Ведь, говорят, любит она вас крепко!

– Слышал я, Ваня, про это, знаю, и жаль её, бедную! И говорили мне, что немало ей перенести в жизни пришлось, а за что – и понять не могу! Так ты говоришь, она видеть меня хочет? Ну что ж, съездим к ней завтра, непременно завтра. Вели к моему отъезду готовым быть, Ваня! И Наташу с собой возьмём, и тётушку-царевну Елизавету. Слышишь, Ваня, непременно скажи им, чтобы приготовились.

– Слушаю, государь!

– Люблю я их, Ваня, ах, как люблю!.. Да ведь и ближе их никого у меня нет! Наташа-то – ангел кроткий, а тётушка-царевна! – с восторгом воскликнул Пётр Алексеевич, и его глаза вспыхнули особым огоньком. – Эх, да что и говорить о ней!.. Ведь это – красotka такая, что второй такой, поди, и не сыскать! И образованная-то она – ведь как по-французски-то и говорит, и пишет!.. А уж весёлая-то, весёлая!.. И песни-то поёт, и хороводы водит!.. И всё русское как любит!..

– Да, государь, вы правы! – с восхищением подтвердил и князь Иван. – Истинная королевна!.. Эх, вот уж невеститься она начала... ведь, наверно, у нас не останется, куда-нибудь в Европу замуж выйдет. Ведь слава-то о её красоте да живости и приветливости и там известна. Приедет к нам королевич какой-нибудь, либо принц, либо герцог, присватается к ней, да и увезёт её от нас. Подумаешь только, какое она счастье мужу своему даст, прямо-таки зависть берёт!..

– Как это так увезут её? – вдруг вспыхнул император-отрок. – Да разве

мы отдадим её?.. Ну нет, это ещё мы посмотрим. Как же я без неё буду? Ведь я сам её люблю. Пусть-ка сунется кто-нибудь!.. Покажу я, как нашу красавицу отбивать!.. – И император в волнении даже забежал по залу дворца. – Ну нет, если так, то я и сам женюсь на ней!..

– Что вы, что вы, государь, да разве это можно? Ведь вы – её племянник.

– Ну так что ж! Ведь за границей-то это сплошь да рядом делается!.. А ведь и моя матушка покойная немка была и, даже сюда приехав, православной не стала.

– Так-то так, государь, – попробовал возразить Долгоруков, – но ведь вы-то – император православной Руси, и царица православная. Никак этот брак невозможен! – настойчиво повторил князь Иван, тотчас же сообразив всю опасность подобного брака для планов своей семьи.

– А я покажу, что возможно! – крикнул Пётр Алексеевич. – Что может помешать моему желанию и воле? Ведь я – император!

Видя, что этот разговор волнует императора, и не желая возражениями обострять вопрос и указанием на возможные препятствия возбудить в Петре упорство и настойчивость, князь Иван предпочёл покончить разговор на эту тему и перевёл его на посещение царицы-инокини.

Император подтвердил, что поедет к ней на следующий день.

Это известие было передано в Новодевичий монастырь, и там поднялась большая суета. Начиная с игуменьи и кончая простой беличкой, все были заняты приготовлениями к встрече государя.

Немало волновалась и Евдокия Фёдоровна, поджидая своего державного внука. Старушка то и дело подходил к окну и посылала своих прислужниц к монастырским воротам посмотреть, не едет ли государь.

Наконец в безветренном, тихом воздухе с колокольни Новодевичьего монастыря раздался густой благовест и большой колокол.

– Едет, едет царь, – вбегая в келью государыни-монахини и задыхаясь от усталости, проговорила молодая послушница, которой было приказано ждать у святых ворот и, как покажется карета государя, бежать и известить о том царицу-инокиню.

– Далеко ли? – дрожащим голосом спросила Евдокия Фёдоровна.

– Близёхонько, к монастырю уж подъезжает. Карета, видать, золотая, а кони-то белые. А около кареты государя скачут какие-то воины в шляпах с перьями, и все они в золотых галунах, – запыхавшись, рассказывала молоденькая послушница.

– Ну, ну... полно! Ступай к себе! – сказала царица и обратилась к ближней прислужнице: – А ты, Лукерья, от окна не отходи и, как завидишь, что государь ко мне свой путь направил, сейчас о том скажи: Сама я с кресла двинуться не могу. Дрожат и ноги, и руки, сердце замирает. С чего – и сама не ведаю!

– С радости, государыня-матушка, с радости! Да вот и государь шествовать изволит, – отскакивая от окна, быстро проговорила Лукерья.

– Слава Богу, дождалась!

С трудом поднялась с кресла Евдокия Фёдоровна и, поддерживаемая своей любимой прислужницей, пошла к двери, навстречу своему державному внуку.

– Здравствуйте, милая бабушка, здравствуйте. Я очень рад свиданию с вами, – весело и почтительно проговорил император-отрок.

– Здравствуй, внучек, дорогой Петрушенька, светик мой! – крепко обнимая государя, задыхающимся от слёз голосом проговорила царица-инокиня.

– Здоровы ли вы, бабушка?

– Здорова, государь-внучек, телом здорова, да вот душа моя скорбит смертельно.

– С чего это, бабушка? Может, вы чем недовольны?.. Так скажите, прошу вас?

– Спасибо, Петрушенька, спасибо! Всем я довольна... А это кто с тобой? – спросила Евдокия Фёдоровна, показывая на вошедших к ней за государем великих княжон Наталью Алексеевну и Елизавету Петровну.

– Сестра моя Наташа. Не узнали, бабушка?

– Наташенька, голубушка моя, родная, сиротиночка!.. – и царица-монахиня принялась обнимать и целовать свою внучку, великую княжну.

– А это, бабушка, моя тётя, Елизавета Петровна, – проговорил государь, подводя за руку к царице-монахине красавицу царевну.

– Здравствуй, царевна... здравствуй! Если не брезгуешь, то поцелуй меня, старуху! Твоему отцу, царю Петру, была я не чужая, – сухо проговорила Евдокия Фёдоровна.

– Что вы, что вы? Вами брезговать! Я так рада видеть вас, государыня-матушка! – И Елизавета Петровна, крепко обняв, поцеловала злополучную жену своего отца.

– Ты добрая, ласковая... видно, не в отца... А ты, внучка моя милая, с чего такая худенькая да бледная? Или тебе, светик мой, нездоровится? – любовно поглядывая на великую княжну Наталью Алексеевну, спросила царица-монахиня.

– Мне, бабушка, ничего; я здорова.

– Ас чего же ты такая худенькая да бледная?

– Уж, право, не знаю, бабушка; только я совсем, совсем здорова...

– Ну и хорошо!.. И дай Бог тебе здоровья, царевнушка моя сердечная. Ведь оно тебе ох как надо!.. И о себе-то тебе позаботиться следует, и о братце Петрушеньке; вишь, ведь он ещё юный какой! Ведь возле него ни отца, ни матушки, одна ты для него близкая да старшая, так тебе и Сам Господь за ним последить велел. Многому ему ещё поучиться надо, и я прошу тебя – помогай ты ему в этом, смотри, чтобы он наук да церкви Божией не забывал!

Этот разговор не понравился императору-отроку: он морщился и хмурился. Нотация бабушки быстро подавила в этом ещё не уравновешенном юноше чувство родственной привязанности к ней, и он даже отвернулся от царицы-инокини. Да и вообще его мысли были заняты другим: он был ещё весь под влиянием вчерашней беседы с Долгоруковым, его волновала близость царевны Елизаветы, которой он действительно увлекался. Он почти не отрывал взгляда от неё, следил за каждым её движением. Его тяготило это пребывание у бабушки, в её келье; его тянуло вон оттуда, чтобы опять очутиться в карете рядом с красавицей Елизаветой Петровной и беспрепятственно беседовать с нею.

Это заметила царица Елизавета Петровна и с улыбкою тихо проговорила:

– Не пора ли нам, государь?

– Да, да, и то пора.

– Куда спешите? Погостите, порадуйте меня, старуху!

– Меня ждут... мне надо ехать, бабушка! Мы опять к вам скоро приедем, – произнёс император, с живостью ухватившись за предложение царицы.

– Ох, приедете ли? Буду ждать, буду.

– Ждите, бабушка... Если вы чем-либо недовольны или чего у вас не хватает, то скажите, и всё получите...

– Спасибо, государь мой и внучек милый! Всем я довольна. Да и много ли мне, старухе-инокине, надобно? Вот хотела бы я поговорить с тобою, Петрушенька, – произнесла царица-инокиня, сильно беспокоившаяся о внуке, так как ей уже было известно, кто окружает его и к чему направляют его руководители Долгоруковы.

– Что же, я дня через два-три приеду, мы и поговорим с вами, бабушка, а теперь у меня нет времени, я должен спешить, – нетерпеливо проговорил Пётр.

– Ну, ну, поезжай... Храни тебя Бог! Не забывай меня, старухи, уж недолго осталось мне жить на свете... И ты, светик мой, с государем приезжай! – обратилась царица к внучке. – Тебя, царица Елизавета Петровна, я не зову. Тебе, такой красавице, беседовать со мной, старухой, пожалуй, не в угоду будет... Прости!

Высочайшие гости уехали, и опять одна осталась Евдокия Фёдоровна в своей келье, одна, только со своими воспоминаниями о былом.

"Петруша и Наташа – оба бледные, худые... в отца: и Алёшенька таким же рос. А Елизавета – красавица, бела, стройна, румяна, прямо царь-девица... Хоть и стары мои глаза, а всё же разглядела, что государь-внук на красавицу тётку частенько посматривал. В его отроческом взгляде любовь была видна. Недаром слух идёт, что Петруша любит царевну-тётку и будто жениться на ней хочет. Племянник на родной тётке!

Кровосмешение! О, Господи, спаси... помилуй! От одной мысли дрожь пробирает и волосы на голове становятся дыбом".

– Господи, не дай мне дожить до сего! – вслух, задыхающимся голосом, со стоном проговорила царица-инокиня и обратилась к служанке: – Что, уехал государь?

– Только что изволил сесть в карету, из окна я видела.

– Уехал!.. Спаси его, Господь! Веди меня, Лукерья, в образную; молиться я хочу, Бога благодарить, что Он сподобил меня внучка-царя узреть сегодня.

Император-отрок на другой день после своего посещения бабки прибыл в Верховный тайный совет и заявил, что из почтения и любви к своей бабушке желает, чтобы "её величество по своему высокому достоинству была содержима во всяком довольстве и чтобы члены совета учинили надлежащее определение и донесли ему скорей".

Вскоре ей был назначен штат, было определено выдавать по шестидесяти тысяч рублей в год и отписана на неё целая волость в две тысячи дворов.

Вестниками этой радости были посланы государем царице-инокине два важных вельможи – князь Василий Лукич Долгоруков и Дмитрий Михайлович Голицын. Когда они сообщили ей повеленье государя, Евдокия Фёдоровна промолвила:

– Князья, я не найду слов, как благодарить моего внука, великого государя, за его внимание к моему убожеству. Вам ведомо, что много я вытерпела, много перенесла на своём веку горя и несчастья, а его царское величество безмерной радостью меня изволил наделить. И за это я шлю ему мой земной поклон.

Сказав это, царица хотела опуститься на колени, но князь Голицын остановил её от этого поклона.

– Не труди себя, царица-матушка... Великому государю твой поклон мы передадим.

– Его царское величество изволит через нас тебя, государыню, спрашивать: не требуется ли твоему величеству ещё чего-нибудь? – с

низким поклоном сказал князь Василий Лукич Долгоруков.

– Ничего мне больше не надо, князь, всем я безмерно взыскана моим внуком-государем. Только об одном скажите его величеству, что прошу я у него, как большой милости, приехать навестить меня.

– Передадим мы великому государю, матушка царица, твою просьбу, – проговорил князь Голицын.

Евдокия Фёдоровна очутилась теперь в большой славе, ей воздавали царские почести, называли царицей и государыней; к ней в Новодевичий монастырь всякий день ездили на поклон вельможи и первые люди в государстве, и многие заискивали её расположения.

Воспрянула духом царица-инокиня и даже как бы помолодела на несколько лет. Каждый день поджидала она приезда внука-государя. Но Пётр, проводивший почти все дни на охоте, окружённый Долгоруковыми, забыл обещание навестить свою бабушку; увлечённый охотой, он стал также забывать и горячо любимую сестру Наталью Алексеевну, которая стала очень часто прихварывать и день ото дня худела и бледнела, тая, как свеча.

Зато царевна Елизавета Петровна цвела, что роза майская, и день ото дня становилась всё красивее и красивее.

Император-отрок влюбился в свою красавицу тётку и ни на ком не хотел жениться, кроме неё. Не раз об этом начинал он говорить с царевной Елизаветой, чуть не со слезами просил её согласия, но всегда получал отказ, хотя и подслащённый уверениями в любви и преданности.

Наконец он решил окончательно выяснить вопрос. Не поехав как-то на охоту, он отправился на половину Елизаветы Петровны и застал её печально сидевшею у стола; на её красивых глазах видны были следы слёз.

– Лиза, ты печальна? Ты плакала? – с удивлением воскликнул император-отрок, привыкший видеть свою красавицу тётку всегда весёлой и счастливой.

– Нет, я ничего, – стараясь улыбнуться, ответила царевна.

– Тебя, может быть, кто обидел? Скажи, Лиза, и тот мне дорого за это

заплатит... кто бы он ни был!..

– Вот как, государь? Ты не помиловал бы и своего любимца, князя Ивана?

– А разве он обидел тебя чем-либо?

– Нет. Да и как смеет обидеть меня князь Иван? Только за несколько минут до твоего прихода, государь, он заходил ко мне и чуть ли не на коленях просил, чтобы я вышла за него замуж.

– Как он смел только подумать об этом! – сердито топнув ногою, воскликнул Пётр.

– На него сердиться не стоит, Петруша. Твой князь Иван какой-то полоумный, право! Он собирается жениться на Наталье Шереметевой, об этом все знают, а нынче ко мне пришёл, плачет, в ноги кланяется. "Не мужем, – говорит, – твоим я буду, прекрасная царевна, а рабом". И смешно, и обидно мне было это слушать. Я – дочь императора, пред памятью которого благоговеет вся Русь, а подданный моего отца смеет предлагать мне брак! Он не смел бы и подумать об этом, если бы жив был мой отец. Я – сирота, круглая сирота, заступиться за меня некому, – со слезами на глазах проговорила царевна Елизавета Петровна.

– Как некому! А я? Меня ты забыла, Лиза? – с лёгким упрёком сказал Пётр. – Я... я сегодня же прикажу арестовать Ивана.

– Не делай этого, государь! За твою любовь ко мне и за защиту большое спасибо, но князю Ивану лиха я не желаю... да и не за что! Видно, он от гульбы и от бессонных ночей ополоумел и вместо какой-нибудь другой девицы ко мне пришёл. Мне, царской дочери, он стал предлагать выйти за него, и на это глупое предложение я смехом ответила, а не злобою, и прогнала его.

– А мне чем ответишь ты, Лиза, если я стану усердно просить тебя о том же? – слегка дрожащим голосом промолвил император-отрок.

– Теми же словами, какими и прежде. Немыслим этот брак, государь! Святая церковь и народ осудят нас. И счастья нам не будет. Ведь Богу противен будет этот незаконный брак.

– Это – твоё последнее слово, царевна?

– Да, да, последнее.

– Стало быть, ты не любишь меня, не любишь? – в голосе юного государя звучали слёзы. – Ты делаешь меня несчастным, Лиза!

– Полно, голубчик мой, счастливее тебя на всём свете нет. Ты – государь, тебе подвластны миллионы людей, ты молод, красив. Но о любви и о женитьбе тебе думать ещё рано. Тебе следует ещё многому учиться. Вот подрастёшь, возмужаешь, тогда и женишься.

– Наставления, царевна, оставь при себе; их мне надоело слушать и от Андрея Ивановича, – сердито прервал её император-отрок. – Обидны мне твои слова, царевна! Ты всё считаешь меня за мальчика. А ведь мне уже четырнадцать лет.

– Небольшие года ещё, Петрушенька, небольшие. Ты ещё только начинаешь жить. Твоя жизнь впереди, тебе ещё многому учиться нужно. Не думай, что легко державой управлять. Мой отец покойный, а твой дед, богатырём был, но и то часто тяжёлой думе предавался, поникнув своей могучей головой. На помощников своих много не полагайся. Верь больше своим глазам, а не чужим. Особенно на Долгоруковых много не полагайся, себя им в руки не отдавай. Слух идёт, что князь Алексей задумал женить тебя на своей дочери.

– Что же, и женюсь, женюсь. Ведь ты не хочешь быть моей женой, так я женюсь на Долгоруковой.

– Смотри, не вышло бы с твоей невестой Долгоруковой то же, что и с Марией Меншиковой.

– Этого никогда не может быть. Долгоруковы мне преданы, особенно же князь Иван.

– Ох, уж этот мне князёк! Совсем тебя испортил он! И не я одна так думаю, а многие.

– Так все вы ошибаетесь, все! Князь Иван – мой искренний и преданный друг! Он желает мне добра и счастья, и ничто не заставит меня изменить к нему своего отношения! – громко проговорил император-отрок и, не сказав более ни слова, быстро вышел.

IV

Коронация императора-отрока отличалась особою торжественностью и блеском. Торжества длились несколько дней подряд и сопровождались придворными великолепными балами, угощениями для народа, а также роскошными фейерверками и иллюминацией.

В дни коронации Пётр наградил своих приближённых: князя Долгоруковы были назначены членами Верховного тайного совета, а царский любимец, Иван Долгоруков, – обер-камергером.

Хитрый дипломат Андрей Иванович Остерман по-прежнему пользовался расположением и доверием юного государя, но никак не мог приохотить его к занятию науками.

С переездом двора в Москву в 1728 году, как говорит историк, "потехи" Петра II окончательно взяли верх над ученьем и серьёзными занятиями. Ребёнок-император предался всецело увеселениям, и в особенности охоте. Но на этот раз виновником его рассеянной жизни был уже не Иван Алексеевич, а отец фаворита, Алексей Григорьевич Долгоруков, задавшийся целью непременно обвенчать Петра II с своею дочерью, княжнюю Екатериной.

На семейном совете Долгоруковы решили помогать Алексею Григорьевичу в осуществлении этого плана, только один Иван Долгоруков высказался против этого.

– Что ты, отец, задумал?.. Наша Катя вовсе неподходящая невеста государю, – возразил он отцу.

– Неподходящая, ты говоришь? А дозвожь узнать – чем?

– А тем, во-первых, что она старше государя, а во-вторых, нрав у неё крутой, капризный.

– Ты говоришь так потому, что не любишь Катю и не желаешь ей счастья, но всё-таки она будет царицею.

– Едва ли!

– А я говорю: будет, будет... Или ты пойдёшь против меня, отца?

– Не против тебя, батюшка, я пойду, а против неправды. Наш государь одной неправдой окружён. Впрочем, делайте, как хотите, мешать я вам

не буду Мне с вами не справиться: вас много, я один, – с тяжёлым вздохом проговорил князь Иван.

– Завтра государь отправляется на охоту в наши заповедные леса и обещал посетить наши Горенки... Ты поедешь ли? – спросил у сына Алексей Долгоруков.

– Нет! Скажусь больным и не поеду... Без меня вам же лучше будет. Некому будет государя остановить.

– Эх, Иван!.. И язык же у тебя!.. Что бритва!.. А ты когда же на Шереметевой женишься?

– Не знаю.

– Видно, ещё не перебесился!.. Жаль Настеньку Трубецкую покинуть?.. Так, что ли? Ты думаешь, твои шашни мне неизвестны? Думаешь, не знаю, как ты князя Никиту Юрьевича Трубецкого за нос водишь? Всё я знаю, всё знаю...

– Твоё знание при тебе и останется, – холодно и спокойно возразил отцу князь Иван.

– А если невеста узнает про твои любовные проделки?

– Наташа и без того всё знает, я сам рассказал ей.

– И после твоих рассказов она идёт за тебя? – с удивлением воскликнул Алексей Долгоруков.

– Да, идёт...

– Или она дура набитая, или уж чересчур крепко полюбила тебя!.. Когда же обручение будет?

– На днях... Государь дал слово быть.

– Государь к тебе благоволит... Только гляди, Иван, крепче держись за государя... Врагов у тебя немало. Князь Трубецкой – первый твой враг.

– Не боюсь я его, не боюсь. Знаю, за что злобится.

– Ещё бы не злобиться, когда ты жену у него отнял.

– Не моя вина, если он не сумел сберечь свою жену.

– Ну ладно; это – дело твоё, а я за тебя – не ответчик. Об одном прошу: не порти нашего дела и против счастья всей нашей семьи не иди.

– Смотри, отец, не ошибись! Чаешь счастья, не получи несчастья!

– Типун тебе на язык! Ты, как чёрный ворон, одно лишь несчастье и сулишь, – сердито вымолвил старый князь. – Лучше уйди! Ты только на то и горазд – отца расстраивать.

Проговорив эти слова, князь Алексей Григорьевич оставил в горнице сына, сердито хлопнув дверью.

Едва только вышел князь, как ему на смену быстро вошёл Лёвушка Храпунов и таинственным голосом проговорил, обращаясь к Ивану Долгорукову:

– Тебя какая-то дама спрашивает; по нужному, говорит, делу.

– Дама? Молодая или старая?

– Не ведаю; под вуалем не видно.

– И фамилии своей не сказала?

– Не сказала... Твои холопы её не пускают.

– Прикажи, Лёвушка, пустить, а сам помедли, не входи, пока не позову.

Спустя немного к Ивану Долгорукову вошла какая-то стройная женщина, богато одетая; её голова была покрыта густым вуалем. Не говоря ни слова, она быстро подняла вуаль.

– Настя? – с удивлением воскликнул молодой князь.

– Да, Настя! Не ждал? Удивлён?..

– Признаюсь... Чему приписать твой неожиданный приход?

– А вот сейчас скажу... Дай мне дух перевести! Устала, спешила... – проговорила княгиня Настасья Гавриловна Трубецкая, уже давно находившаяся в близких отношениях с Иваном Долгоруковым.

Князь Иван открыто вёл связь с Трубецкою, несколько не стесняясь её мужа; по словам современника, князя Щербатова, он, бывая у князя Трубецкого с другими своими молодыми собутыльниками, "пивал до крайности, бивал и ругивал мужа, бывшего офицером кавалергардов, имевшего чин генерал-майора и с терпением стыд свой от жены сносившего".

– Скажи мне, ты всё-таки решил жениться на Наталье Шереметевой? – сердито посматривая на князя, спросила Трубецкая.

– Всё-таки решил; ведь тебе известно об этом?

– А я-то как же?

– А ты, Настя, при своём муже будешь, – насмешливо ответил Долгоруков.

– Грех тебе, Ваня!.. Меня, женщину, которая тебя так горячо любила, а может, любит и теперь, ты променял на девчонку. Чем она лучше меня? Моложе, только и всего...

– Молчи! Можешь ли ты равнять себя с моей Наташей? Она и ты, ведь это – рай и ад. Если, Настя, хочешь, чтобы я слушал тебя, не говори ни слова о Наташе. Она – святая!

– Святая!.. Ишь, что выдумал!.. Святая, пока...

– Молчать, говорю! – крикнул князь.

– Что ты кричишь, злодей? Или драться со мною задумал? Что же, бей меня!.. – и княгиня Трубецкая заплакала.

– Слушай, Настасья! Утри свои слёзы, ведь меня не разжалобишь. Не хнычь! Ваших бабьих слёз я не люблю... Домой ступай, пред своим мужем-тюфяком плачь, пред ним притворяйся.

– Злодей, ещё смеешь гнать меня!. Теперь я стала не нужна, надоела...

– И то, надоела! Знаешь, Настя, расстанемся по-хорошему, друзьями.

– Легко сказать – расстанемся. Я так привыкла к тебе, полюбила...

– Не верю я в твою любовь, не верю Прежде ты мужа полюбила, а там меня, и точно так же другого полюбишь.

– А Шереметеву Наташу ты любишь?

– Изволь, скажу: свою невесту я и любить боюсь.

– Как так? – с удивлением воскликнула Трубецкая.

– Рассказывать про то тебе не буду, ты не поймёшь. Одно скажу: слишком чиста Наташа! Ну, прощай, Настя, мне недосуг – к государю надо идти.

– Неужели мы так и расстанемся с тобой, тиран ты мой, мучитель?

– Проститься к тебе, Настя, я как-нибудь приеду, а теперь прощай!

– Хоть немного проводи меня!

– Говорю, недосуг мне. Ну, да так и быть, напоследок, пойдём, немного провожу, – и князь Иван встал, чтобы проводить свою отвергнутую

возлюбленную.

Она, заливаясь слезами, опустила свой вуаль и беспрепятственно вышла с ним из его покоев.

Князь вполне равнодушно простился с нею; его нисколько не тронуло горе молодой женщины, и он совершенно спокойно продолжал свой образ жизни, полный веселья, кутежей и даже безобразий. Это веселье происходило не только вне царского дворца, но и в стенах последнего, и в него князь Иван, подчиняясь указаниям отца, втягивал и юного императора. Чтобы всецело ослабить волю Петра Алексеевича и овладеть им, Долгоруковы старались затуманить его мозг жизненным угаром и, несмотря на его крайнюю молодость, познакомить его с такими отрицательными сторонами жизни, которыми непристойно было бы увлекаться и вполне возмужалым людям. Это очаровывало отрока-императора, он охотно поддавался этим "радостям жизни", не замечая страшного вреда их для себя.

Но вот наступил день обручения князя Ивана Алексеевича Долгорукова с графиней Натальей Борисовной Шереметевой. Часа за два до приезда жениха и гостей наречённая невеста сидела в своей богато отделанной горенке, в кругу подруг и родственниц. Совсем готовая к приёму жениха и гостей, она была чудо как хороша, в белом обручальном платье из дорогого шёлка, шитом серебром и крупным жемчугом, с дивной диадемой из крупных алмазов на голове и с такими же алмазами в ушах и на груди. Однако невеста была задумчива и печальна; когда же её подруги запели венчальные песни, ей стало ещё печальнее, ещё скучнее, она закрыла лицо руками и тихо заплакала.

Пелагея Степановна, пожилая вдова-боярыня, тётка графини Натальи Борисовны, заметив эту печаль племянницы, выслала из горницы её подруг и, оставшись с Наташей одна, спросила её:

– Что с тобой, светик?

– Печаль, тоска на сердце, тётушка, а с чего – и сама не знаю. И рада бы я, тётушка, не плакать, рада бы не горевать, да слёзы сами бегут из глаз.

– С чего бы это? Уж не с глаза ли с тобой попритчилось? Твоя пора, племянница, не слёзы лить, не тосковать, а веселиться да радоваться. Жених твой – краса писаная, знатный, любимец государя... Легко сказать!

– От всех одно и то же слышу я, тётушка, все моему счастью завидуют, но от этого счастья у меня больно-больно сердце сжимается. Видно, не пред добром это!

– Полно, Наташенька, полно! Хочешь, позову я подружек и петь их заставлю величальные песни, весёлые?

– Нет, нет, не надо, тётушка... С их песен мне ещё скучнее становится; похоронными те песни мне кажутся.

– О, Господи, помилуй! Сглазили тебя, Натальюшка, сглазили, моя сердечная! Перестань же плакать! Того гляди, жених приедет, а у тебя и глазыньки заплаканы... Нехорошо!..

В этот момент вбежала Груша, любимая прислужнице графини, и поспешно проговорила:

– Едет... Князь-жених едет...

– Ну, слава Богу! Пойдём, Наташа, навстречу жениху.

Пелагея Степановна взяла за руку побледневшую ещё более графиню Наталью и пошла с нею навстречу князю Ивану Долгорукову.

Подруги Натальи Борисовны и её сенные девушки встретили жениха величальной песней.

– Спасибо вам, красные девицы, спасибо! Вот вам на наряды да на сладкий леденец, – весело проговорил князь Иван, кланяясь девицам, и дал им горсть червонцев.

Вслед за князем Иваном в палаты Шереметевых прибыл император-отрок с цесаревной Елизаветой Петровной, и тотчас же начался обряд обручения, а затем был открыт блестящий бал.

Государь, двор и все вельможи принимали участие в нём, веселье было общее, одна невеста по-прежнему оставалась печальной.

Жених заметил это и спросил у Наташи:

– Радость моя, ты печальна; скажи, с чего? Я так счастлив, безмерно счастлив, а ты, моя голубка, грустишь?

– Тебе так показалось, князь, я весела.

– Нет, нет, меня ты не обманешь. Ну да скоро я развеселю тебя цыганской песней и пляской. Под Москвой стоит табор цыган, я приказал привести их сюда; твои братья дали мне своё согласие. Вот как уедет государь, я и прикажу ввести цыган, конечно, если ты дозволишь.

– Что же, пускай повеселят...

Действительно, по отъезде государя и двора в палаты Шереметевых были введены пятеро цыган и шесть цыганок. Долго веселили они гостей своими песнями и пляской, а потом цыганки стали гадать, получая за это с гостей щедрую подачку.

– Эй, старая колдунья, погадай и мне про мою судьбу!.. Скажи, что ждёт меня впереди, – подзывая к себе старую цыганку, одетую в рубище, грубо сказал князь Иван Долгоруков, протягивая руку.

Долго смотрела на его ладонь цыганка, а потом, не говоря ни слова, хотела отойти прочь.

– Стой!.. Куда же ты? Сказывай, что на моей ладони увидела! – остановил её князь Иван Долгоруков.

– Ох, князь-красавец, лучше не спрашивай. Цыганкины слова вещие, они сбудутся, не минуются. Судьба твоя плачевна и несчастна. Кровь, кровь я видела... Несчастный, бесталаный!.. Лютая казнь ждёт тебя.

Как ни тихо проговорила эти слова цыганка, но они дошли до слуха графини Натальи Борисовны, стоявшей рядом с женихом, и она упала без чувств.

Произошёл большой переполох. Все бросились на помощь графине. Старая цыганка воспользовалась этим и скрылась из палат незамеченной. Сколько ни искали её, нигде не могли найти. Некоторые из гостей заметили, что с этой цыганкой пред тем долго говорил князь Никита Трубецкой, находившийся на балу; кивком головы он показал старухе цыганке на своего соперника, князя Ивана Долгорукова.

Обморок невесты на всех гостей произвёл удручающее впечатление. Они поспешили разъехаться, и в палатах Шереметева у своей невесты остался только Иван Долгоруков со своими любимцами и приятелями –

Лёвушкой Храпуновым и Степаном Васильевичем Лопухиным. "Свойственник государев по бабке его Лопухиной, первой супруге Петра Великого", Стёпа Лопухин был камер-юнкером при дворе и пользовался особою привязанностью царского фаворита.

– Ну что, как Наташа? – дрожащим голосом спросил Иван Долгоруков у брата невесты, графа Петра Борисовича Шереметева, только что вернувшегося из горницы сестры.

– Всё ещё без памяти; впрочем, лекарь говорит, что опасного ничего нет.

– Господи, и с чего это с нею, с чего? Неужели враньё проклятой цыганки так подействовало на неё?

– Страшные слова сказала цыганка, князь Иван Алексеевич, страшные.

– Неужели же верить им?..

– Ох, князь, большинство людей верит в цыганские предсказания.

– Неспроста старая цыганка сказала те слова, неспроста, – тихо проговорил Храпунов. – По-моему, её подучили сказать их.

– Кто, кто?

– Верно сказать, князь, я не могу, а только видел, что князь Никита Трубецкой с цыганкой что-то долго говорил, и на тебя кивнул ей головою.

– Ты думаешь, Трубецкой подучил цыганку? Может быть! У Никиты Трубецкого есть ненависть ко мне и злоба, он ненавидит меня, и, без сомнения, это он подучил цыганку. Но он поплатится за это!.. Я всё узнаю, – с большим волнением проговорил Долгоруков.

– Что ты задумал делать? – спросил Лопухин.

– Я... я сейчас поеду к Трубецкому и спрошу у него...

– Разве он скажет тебе?

– Я заставлю его сказать правду!.. Силою заставлю повиниться!.. Стёпа и ты, Лёвушка, со мною поедете!

– Ехать в такое время!.. Ведь ночь, – возразил Лопухин. – Отложи хоть до завтра.

– Нет, нет, сейчас. Ни одной минуты не стану медлить!.. Вас, друзья мои,

тревожить я не буду, один поеду.

– Но мы тебя не отпустим... Куда ты, туда и мы.

– Спасибо, друзья, спасибо! Я верю вашей дружбе и привязанности, верю.

Вскоре же Долгоруков со своими приятелями уехал из палат Шереметевых и, несмотря на то, что была глубокая ночь, приказал везти себя к дому князя Никиты Трубецкого. Всю дорогу он был печален и наконец произнёс:

– А что, друзья мои, если слова старой цыганки и на самом деле будут вещими? Ведь многие говорят, что цыганские предсказания сбываются. А вдруг и действительно меня ждёт лютая казнь?

– Что ты, что ты! С чего такие мысли! – в один голос испуганно воскликнули его товарищи.

– Кто знает... Будущее от нас закрыто непроницаемой завесой.

– Если так, то как же цыганка может знать твою судьбу? – успокаивая приятеля, проговорил Храпунов.

– Да, пожалуй, и так! Ну, да что!.. Чему быть, тому не миновать, от своей судьбы не уйдёшь, не уедешь. А теперь, друзья, давайте брать от жизни то, что она даёт нам. Эй, ямщик, говорят, ты горазд песни петь. Запой весёлую, а мы тебе подтянем.

И вот среди безмолвной тишины ночи громко раздалась весёлая песня; звонко понеслась она по улицам Москвы и замирала где-то далеко, в беспредельном пространстве.

Но вот показался дом князя Никиты Юрьевича Трубецкого. Полнейшее безмолвие царило в нём: огни были давно погашены и ворота на запоре. Князь Никита и его жена давно вернулись с бала от Шереметевых и теперь уже крепко спали.

Громкий стук в ворота в неурочный час разбудил не только княжеских холопов, но даже самого князя и его жену.

– Поди узнай, кто стучит, кто смеет нарушать мой покой? – сердито приказал князь своему дворецкому.

Старик дворецкий немного спустя принёс такое известие:

– Князь Иван Алексеевич у ворот твоих, государь! Слышь, в гости к твоей княжьей милости прибыл.

– В такую-то пору? Не отпирать ему ворот!

– Грозится, государь, выломать.

– Бесчинник, разбойник! Что с ним и делать? – упавшим голосом проговорил князь.

– Принять его надо; скорее принять!.. Ведь князь Иван выполнит свою угрозу, – несколько смущённо посоветовала мужу княгиня, наскоро одеваясь.

– Принять!.. Знаю, ты рада его приезду, бесстыжая баба! – крикнул Трубецкой, но волей-неволей ему пришлось отдать приказ отпереть ворота и, несмотря на ночную пору, впустить нежданного гостя во двор.

Князь Иван в сопровождении Лопухина и Храпунова вошёл в горницу. Неласковым взглядом встретил его князь Никита Трубецкой и резко проговорил:

– Надо бы тебе пору знать, гость незваный. "Не в пору гость – хуже татарина".

– Не гостить к тебе я приехал, а за делом, – хмуро ответил Долгоруков.

– А дня-то разве тебе мало? Кто это по ночам за делом ездит?

– Спешное, неотложное дело у меня, князь! По злобе ты подучил цыганку на балу сказать, что меня казнь ожидает.

– С чего ты вздумал, князь Иван Алексеевич, зачем я буду подучать? – меняясь в лице, воскликнул Трубецкой.

– Ты смутился, – значит, я прав! Но я и внимания не обратил бы на всё это, если бы от цыганкиных слов не пострадала моя невеста, графиня Наталья... С испуга она и посейчас лежит без памяти.

– Так что же, князь, от меня ты хочешь?

– А ты вперёд покайся.

– Разве ты – поп, что меня каяться заставляешь?

– Ох, князь Никита, не вилай, а прямо говори: ты подучил цыганку?

– Ничего я не говорил, ничего не знаю.

– Так ли, князь Никита? – насмешливо поглядывая на Трубецкого,

проговорил Долгоруков.

– Что? Или божиться меня заставишь, а может, пыткой задумал от меня признания добиться? – крикнул Трубецкой.

– Не кричи, этим себя не оправдаешь, да и не испугаюсь я тебя! Вижу, виноват ты, и с тобою мне не о чем больше говорить. Поди-ка ты отсюда вон да пошли ко мне свою жену: с нею я поговорю.

– Моя жена спит.

– Так разбуди. Я так хочу!

– Не забывай, князь Иван, в моём доме нет твоей власти. Ни хотеть, ни приказывать ты тут не можешь! – крикнул Трубецкой.

– Не хочешь разбудить свою жену, так я разбужу её, – и Долгоруков направился в спальню княгини Трубецкой.

– Ты куда? Не дури, князь Иван, опомнись... Не то холопов позову.

– Ты ещё смеешь мне холопами грозить! Если ты мне не страшен, то холопы твои и подавно.

Князь Иван нисколько не постеснялся бы войти в спальню к жене Трубецкого, если бы она сама не появилась около двери.

– Что тебе, князь Иван, надо? Что ты шумишь? – полусердитым голосом спросила она у назойливого гостя.

– А, княгиня, не спишь? Поговорить мне с тобой, Настя, надо.

– Шальной ты, князь Иван, как есть шальной! Что же ты ночью, а не днём?

– Днём-то, Настя, недосуг – всё в разъездах. Князь Никита, выйди на малое время, мне с твоей женой поговорить кой про что надо...

– А зачем мне выходить? Говори при мне...

– Выйди, говорю!

– Лучше ты выйди, а я не пойду.

– Не выйдешь? Так я выброшу в окно! – невозмутимо проговорил Долгоруков.

– Что такое? Меня в окно? Да ты, верно, князь, не прочах ещё с вина? Поезжай домой и спать скорей ложись. По доброй воле не пойдёшь, прикажу холопам силою вывести тебя. Эй, люди! Сюда, ко мне! –

задыхаясь от бешенства, крикнул князь Никита Юрьевич.

– А, ты вот как!.. Ты у меня, пёс, сейчас за окном очутишься! – и Долгоруков, схватив в охапку тщедушного Никиту Юрьевича, потащил его к окну.

Трубецкому быть бы непременно за окном, если бы тому не воспрепятствовали Лопухин и Храпунов. Им удалось уговорить не в меру разбушевавшегося товарища и увезти его домой.

С того дня Трубецкой ещё более озлобился на Долгорукова, но волей-неволей до времени должен был таить свою злобу на сердце, потому что бороться с Долгоруковым ему было не под силу, так как тот был всесильным фаворитом при императоре-отроке.

Князь Алексей Григорьевич употреблял все усилия, чтобы как-нибудь отстранить от царя своего "непокорного" сына Ивана и вместо него приблизить к царю своего младшего сына, Николая. Вначале это ему несколько удалось. Император-отрок стал охладевать к своему любимцу, но это произошло больше оттого, что Пётр II ревновал Ивана Долгорукова к царевне Елизавете Петровне. Однако когда князь Иван объявил себя женихом графини Натальи Шереметевой, государь опять вернул своё расположение к своему фавориту и по-прежнему стал целые дни проводить с ним на охоте.

Долгоруковы так повели дело, что отстраняли от государя даже его близких, так что великая княжна Наталья Алексеевна по целым неделям не видела своего юного державного брата. К красавице царевне Елизавете Петровне император тоже заметно охладел и по целым неделям не появлялся у неё. От занятия науками он совсем отстал, и Остерману пришлось махнуть рукою на его образование. Охота и Долгоруковы – вот всё, что теперь занимало Петра II.

Вскоре после обручения Ивана Долгорукова император после охоты для "отдыха" заехал в усадьбу Горенки. Там ему устроили пышную встречу. За столом государю прислуживала старшая дочь Алексея Долгорукова, княжна Екатерина, и, исполняя в точности строгий приказ своего отца, употребляла все усилия, чтобы привлечь и прельстить государя своею

красотой. Княжне почти удалось это. Пётр стал интересоваться ею и всё чаще и чаще стал бывать в Горенках и проводить там не только дни, но и целые недели. Князь Алексей Григорьевич изобретал всевозможные развлечения и увеселения, чтобы только не скучал его державный гость и "будущий зять". Изящная кокетка-княжна сумела увлечь юного Петра, но только увлечь. Император-отрок не мог полюбить княжну Долгорукову, точно так же, как он не любил княжну Меншикову. Княжна Екатерина даже не особенно нравилась государю. Но когда Долгоруковы посоветовали ему, или, скорее, упростили его жениться на княжне Екатерине, он, разочаровавшись в возможности брака с цесаревной Елизаветой, нисколько не задумываясь, изъявил на то согласие. И вот дочь Алексея Долгорукова, княжна Екатерина, была объявлена невестой государя, и был назначен день обручения.

V

Была осенняя, ненастная ночь; порывистый ветер с мелким дождём рвал и метал. Непроглядная темнота царила на улицах Москвы.

Мрачно смотрели и стены Лефортовского дворца. Там, окружённая пышной роскошью, медленно угасала пятнадцатилетняя великая княжна Наталья Алексеевна, дочь злополучного царевича Алексея Петровича. Все усилия вырвать царственную страдальницу из объятий смерти остались тщетны, и знаменитым врачам того времени пришлось сложить своё оружие.

Бледная, с прозрачным, как воск, лицом, с обострившимся носом, с синими кругами около глаз и с почерневшими, пересохшими губами, лежала царевна на своём смертном ложе. Ей было скучно, больно; много людей около неё, но близких не было ни одного. Самым близким, самым сердечным человеком к умирающей был державный брат, император-отрок, но и он не присутствовал у своей сестры.

Пётр увлёкся охотой и, несмотря на осеннюю ненастную погоду, проводил все дни в лесу; только одна поздняя ночь загоняла его на ночлег в подмосковную князей Долгоруковых, Горенки.

Однако кто-то мельком сказал ему о болезни сестры, и он заволновался, хотел тотчас же бросить охоту и ехать в Москву, но князь Алексей Григорьевич Долгоруков уверил государя, что болезнь великой княжны не представляет никакой опасности. Пётр успокоился и остался.

А опасность была большая; не только дни, но и часы жизни царевны Натальи Алексеевны были сочтены.

Сама она сознавала, что её болезнь, чахотка, неизлечима, что смерть неминуема, но тяжело было ей умирать в пятнадцать лет, когда только начинается жизнь.

Тихо было в слободском дворце; всё погружено в глубокий сон; дремала, сидя в кресле около больной царевны, её камер-фрау. Только не спала одна бедняжка-царевна; она, широко открыв свои большие глаза, с ужасом смотрела на большой портрет своего великого деда Петра I, висевший против её кровати, и ей казалось, что грозный дедушка-император пришёл за нею с того света и манит её своею могучей, мозолистой рукой.

– Не пойду, голубчик дедушка! Не пойду я с тобой. Я не хочу умирать, не хочу. Мне надо жить... для брата надо жить. Без меня Петруше худо будет жить на свете, некому будет пожалеть и вразумить, – шептали посинелые губы умирающей царевны, но тут же она подумала: "Да ведь это – дедушкин портрет. Чего я испугалась? Мне всё какие-то страсти представляются. Видно, я скоро умру... Ах, как мне хочется повидать Петрушу!.. Да Долгоруковы ни на шаг не отпускают его от себя. Погубят они Петрушу, погубят!.. Забыл меня Петя, совсем забыл. Да до меня ли ему теперь? Лес, охота, красавица княжна Екатерина – вот что теперь занимает его. Утром непременно пошлю за Петрушей. Мне не хочется умирать, не повидав его. Ох, как больно грудь!.. Камень душит".

Умирающая царевна закашлялась; это разбудило крепко уснувшую камер-фрау: она поспешно вскочила с кресла и бросилась подавать Наталье Алексеевне успокоительное питьё. Это несколько успокоило больную царевну, и она заснула тревожным, лихорадочным сном.

Рано проснулась Наталья Алексеевна, едва стало рассветать. Она

раскрыла глаза и испуганно вскрикнула: перед нею стояла старица-инокиня, с бледным, исхудалым лицом, на котором заметны были следы слёз; это была царица-инокиня Евдокия Фёдоровна; она прибыла из своей обители навестить умирающую внучку.

– Бабушка, вы... вы?

– Прости, внучка-царевнушка, напугала, видно, тебя я, старая! – тихо проговорила царица, поднося к своим губам исхудалую, прозрачную руку царевны.

– Спасибо, что не забыли меня...

– Недужится тебе, голубка моя? Всё ты хвораешь?

– Умру я скоро, умру, – печально промолвила Наталья Алексеевна, и в её голосе были слышны слёзы.

– Что ты, ластушка моя, что ты, царевнушка? В твои-то годы да умирать!

– Не хочется мне умирать, бабушка, не хочется, да только уж очень хворость меня замучила. А к хворости ещё тоска смертельная. Хоть бы вы, бабушка, помолились за меня.

– Молилась, внучка, и молюсь. За кого мне, старой, и молиться, как не за тебя, Натальюшка, и за внука-государя?

– Бабушка, боюсь я за Петрушу, боюсь. От науки и от дела он отстал, у Долгоруковых днюет и ночует. Хоть бы ты, бабушка, уговорила Петрушу, урезонила его!

– И, родная моя, да разве он станет меня слушать?

– Да, да. Он только и слушает одних Долгоруковых.

– Погубят его Долгоруковы, погубят, – со вздохом проговорила старица-царица, трясая своей седой головой.

– И я то же думаю, бабушка! Господи, что будет с Петрушей, когда меня в живых не станет?

Этот разговор сильно взволновал больную царевну, она заплакала, а следствием этого были опять страшный припадок кашля и общая слабость.

– Умираю... За братом... пошлите!.. Где Андрей Иванович? – слабым голосом промолвила Наталья Алексеевна.

– Я здесь, ваше высочество, здесь, – поспешно входя в комнату умирающей царевны, проговорил Остерман.

– За братом скорее пошлите!

– Давно уже послано, ваше высочество! Государь должен скоро быть.

– Господи, как тянется время!.. Боюсь – умру, не повидав Петрушу.

– Вы слишком беспокоите себя, ваше высочество, а вам нужен безусловный покой, – дрожащим голосом проговорил Остерман.

Он сам был сильно встревожен и тронут положением великой княжны. Он был привязан к императору-отроку и к его сестре, искренне любил их.

– Андрей Иванович, ты будешь иметь великую ответственность и перед Богом, и перед людьми за своё упущение, – строго проговорила старица-царица, обращаясь к Остерману.

– За какое, матушка царица?

– Изволь, скажу: ты взялся быть воспитателем внука моего, государя Петра Алексеевича, и должен беречь и блюсти его как зеницу ока, следить, учить всему хорошему и от всего дурного останавливать... А ты...

– Что же я могу поделать, матушка царица? Государь давно перестал меня слушать и все мои слова в резон не ставит, – оправдывался Андрей Иванович.

Он говорил совершенную правду; император-отрок любил Остермана, доверял ему, но когда Андрей Иванович принимался читать или говорить ему разные наставления – плохо слушал его, и даже вовсе не слушал. О занятиях науками и совсем нечего было говорить. Пётр считал своё образование оконченным.

– А зачем ты к государю Долгоруковых допустил? Зачем? Ведь они совсем завладели моим внуком, с пути его сбили! И теперь ещё женить задумали на дочери князя Алексея, – продолжала старица-царица упрекать бедного Остермана, который и бледнел, и краснел от этих упрёков. – Пара ли прирождённому царю княжья дочь? Ведь она и летами старше его, и не в меру, говорят, спесива, своенравна. Разве такая-то достойна быть царицею? Чего молчишь-то?

– Что говорить – не знаю... мои оправдания, матушка царица, вы слушать

не изволите, – совсем упавшим голосом ответил Андрей Иванович.

– А ты вот что: если сумел отстранить от государя Меншикова, то сумей и Долгоруковых отстранить.

– Едва ли, государыня-матушка, Долгоруковы забрали большую силу.

– Меншиков был много сильнее их. Сумел же ты его убрать со своей дороги. Теперь и с Долгоруковыми сумей то же сделать. Ну, мне пора. Прощай!.. Прощай и ты, горлица моя, голубка чистая... Храни тебя Господь! Иду о здравии твоём молиться.

Инокinya-царица подошла к больной царевне, перекрестила её, поцеловала в лоб и вышла своей величавой походкой.

"Ну и женщина!.. Задала мне баню, как говорят русские. Что, если бы ей да власть в руки? Фу!.. Нет, подальше от неё, подальше", – поглядывая вслед уходившей инокине-царице, подумал Остерман.

Разговор инокини-царицы с Остерманом произвёл на больную Наталью Алексеевну удручающее впечатление: она лежала с закрытыми глазами в полузабытьи, дыхание у неё было тяжёлое, прерывистое, и она тихо шептала в бреду:

– Брат... милый... Петруша... я так ждала тебя!.. Поедем отсюда!.. Далеко, далеко уедем... едем же скорее к маме, она нас ждёт...

– Доктор, что это? Царевна, кажется, начинает бредить? – меняясь в лице от волнения, спросил Остерман у вошедшего придворного доктора Бидлоо.

– Да, барон, это – предсмертный бред, – тихо ответил доктор, отводя в сторону Остермана. – Спасти царевну от смерти может только один Бог. Я поддерживал больную лекарствами, пока это было возможно, но теперь ежечасно силы слабеют, жизнь угасает.

– Боже, где же государь? Что он не едет? – чуть не с отчаянием воскликнул Остерман.

Но государь был уже недалеко от слободского дворца; его лошади неслись вихрем, везя его из Горенок.

– Где сестра? Что с ней? – задыхающимся голосом спросил Пётр, вбегая в комнату умирающей сестры.

– Наконец-то, государь, вы приехали... Великая княжна несколько раз изволила спрашивать о вас, – обрадовавшись приезду государя, проговорил Андрей Иванович.

– Что с ней, что?

– Слаба... очень слаба... в забытии находится.

– Петруша... ты приехал... я слышу твой голос, – очнувшись, слабым голосом проговорила царевна.

– Наташа, голубушка, что с тобой? – с рыданием воскликнул император, бросаясь на колени пред умирающей и целуя её руки.

– Умираю, Петруша... думала, и тебя не дождусь... Не плачь, голубчик! За тебя молилась я на земле, молиться стану и на небесах.

– Наташа, Наташа, я сам умру... умру скоро, – зарыдал Пётр. – Без тебя я жить не буду... Повторяю, Наташа: умрёшь ты, и я умру.

– Ты должен жить, Петруша, должен... Твоя жизнь нужна... Ты – царь. Послушай меня, мой голубчик! Оставь свою охоту и займись делами. Ах, Петруша, ты не признаёшь, что на тебе лежит великая обязанность. Слушай и поступай так, как посоветует тебе Андрей Иванович. Он добрый, честный и предан тебе. А Долгоруковых не слушайся: они, как Меншиков, больше думают о себе.

– Ваше высочество, вам вредно много разговаривать, – проговорил было Остерман.

– Вредно? Ах, Андрей Иванович, да ведь теперь мне всё равно. Я умираю.

– Наташа, не говори так! Не говори! – не переставая громко плакать, проговорил император-отрок.

– Полно отчаиваться, мой милый, надо покориться воле Божией. Обещай мне, Петруша, оставить охоту и разные забавы, а главное – уезжай скорее в Питер.

– Хорошо, Наташа, я всё брошу. Я уеду в Питер, только не один, а с тобой, моя милая, дорогая сестра.

– Нет, поздно, Петя... душа моя будет всегда около тебя, а тело здесь, в Москве, останется. Прощай, голубчик мой, я устала... очень устала...

Умиравшая царица замолкла и закрыла глаза; её дыхание стало частым, прерывистым.

Пётр с ужасом посмотрел на сестру, быстро схватил доктора за руку и со стоном воскликнул:

– Доктор, спасите, спасите сестру... умоляю вас! Возьмите всё, что хотите, только вылечите!..

– Это невозможно, государь!

– Что же мне делать, что делать?

– Молиться, ваше величество! Бог всемогущ и творит чудеса, а мы, смертные, бессильны помочь царице. Да в людской помощи она теперь и не нуждается, – взволнованным голосом проговорил доктор Бидлоо.

У царицы вскоре после возвращения государя началась агония: она то металась и тихо стонала, то затихала. Картина была потрясающая.

В комнате умирающей водворилась тишина: присутствующие едва могли сдерживать душившие их рыдания. Император-отрок стоял на коленях; его отчаяние было ужасно.

Вот умирающая широко раскрыла свои уже потухшие глаза и устремила их на царственного брата. Её посинелые губы пролепетали следующее: – Прощайте... все... Петруша... мы... с тобой...

Великая княжна не договорила, слова замерли.

Император-отрок дико вскрикнул и упал без чувств, а затем несколько дней предавался своему сердечному горю и слезам, никуда не выходил из своего кабинета, так что доктора опасались за его здоровье.

Любимец государя, Иван Долгоруков, его отец, а также и Остерман пробовали было успокоить государя, старались развлечь его, но всё было напрасно – Пётр отказывался от всяких развлечений.

Тогда обратились к помощи цесаревны Елизаветы Петровны, упросили её побывать у государя, чтобы хоть немного развлечь и успокоить его.

В последнее время император заметно охладил к своей хорошенькой тётке и по нескольку дней не видался с нею.

Цесаревна Елизавета тихо вошла в его кабинет и застала его печально сидевшим у окна.

– Прости, государь-племянник, что я без зова пришла к тебе; уж очень мне захотелось навестить тебя, государь! Услышала я, что ты всё скучаешь, печалишься.

– Неужели, тётя Лиза, мне веселиться при таком горе?

– Твоё горе, Петруша, миновало.

– Как миновало? Как миновало? Я недавно сестру похоронил... Эта утрата ничем, ничем не заменима! – и государь заплакал.

– Слезы? Стыдись, Петруша! Слезы – достояние ребят малых и нас, женщин, а ты – государь. Не забывай, что слезами и тоскою ты не вернёшь Наташу. К чему убиваться, своё здоровье портить? Ведь смерть – общий удел человечества. Все мы умрём, все!

– Я тоже скоро умру, Лиза, скоро!..

– Полно, голубчик, Петруша, что ты говоришь? Тебе жить надо, жить.

– Зачем?.. Для кого? Кому нужна моя жизнь?

– Странны твои слова, Петруша! Твоя жизнь нужна миллионам людей.

– Одни слова, Лиза, одни слова. Оставим лучше говорить об этом.

– Хорошо. Скажи, голубчик мой, когда же будет твоё обручение с княжною Екатериной Алексеевной... Неужели в своём горе ты забыл и об этом?

– Да, да, обручение с Долгоруковой... К несчастью, я помню, Лиза, это, помню.

– Как к несчастью?.. Я плохо понимаю тебя!

– Чего же тут непонятного?.. Я думаю, тебе, Лиза, известно, что я не люблю княжну Екатерину.

– Зачем же ты женишься на ней, Петруша?

– Ведь надо же мне на ком-нибудь жениться. Я... я хотел, Лиза, жениться на тебе, но ты не идёшь за меня... а как бы я был счастлив, если бы ты вышла за меня! – и император-отрок, взяв руку цесаревны Елизаветы, стал покрывать её поцелуями.

Прежнего холодного отношения к красавице тётке как не бывало; он на время позабыл своё гнетущее горе, и в его юном сердце опять загорелась отроческая, чистая любовь.

– Что прежде я отвечала на твои слова, Петруша, то и теперь отвечу. Невозможное то дело, невозможное, – твёрдо ответила цесаревна Елизавета.

– Ну, вот видишь, видишь?.. Я – несчастный человек... должен жениться не на той, которую люблю, а на той, которую не люблю.

– Тебя никто не смеет принуждать, Петруша; не женись.

– Нет, я женюсь, назло тебе, царевна, женюсь на Долгоруковой, – сердито проговорил император-отрок, быстро расхаживая по своему кабинету.

– Назло мне? Да какое же я зло тебе причинила?

– Ты отвергла меня и мою любовь, а с нею вместе и царство. Разве это – не зло?

– Нет, государь, в этом нет зла. А вот было бы большим злом, если бы я решилась стать твоей женою. И Бог, и люди... все-все строго осудили бы нас.

– Ведь в других государствах женятся же и на тётках, и на двоюродных сёстрах, и никто не осуждает.

Эта беседа была вдруг прервана приходом князя Алексея Долгорукова.

Пётр нахмурился; ему неприятны были на этот раз и сам князь, и его приход.

– Ты что, князь? По делу, что ли? – не скрывая досады, спросил он.

– Погода, государь, хороша; не изволишь ли куда-нибудь проехаться, прокатиться? – с поклоном ответил князь.

– На охоту пришёл манить меня? В лес, поближе к Горенкам? Так, что ли, князь? – желчно засмеявшись, проговорил государь.

Князь Алексей Долгоруков опешил: он никак не ожидал от государя таких слов.

– Ну что же молчишь, князь? В Горенки, говорю, пришёл меня звать?

– Воля твоя, государь, куда соизволишь поехать, туда и поедем.

– Да, да, пока я ещё не имею своей воли... Ну, как моя любимая невеста поживает, княжна Екатерина? – спросил император, сделав ударение на слове "любимая".

– Здравствует, великий государь, и шлёт твоему царскому величеству свой рабский поклон. Да только скучает, государь, сильно скучает, не видя тебя, твоих пресветлых очей.

– Вот что!.. Слышишь, Лиза, княжна Екатерина по мне скучает, – обратился Пётр к цесаревне и добавил: – Стало быть, она любит меня.

– Любит, государь, крепко любит. Кажется, сильнее своей жизни тебя любит.

– Какое для меня счастье!.. Не правда ли, Лиза? – полусерьёзно, полунасмешливо промолвил государь, которого, очевидно, злил этот разговор.

– Невесте подобает любить своего жениха, государь, – с улыбкой промолвила красавица цесаревна.

– Ты так думаешь, Лиза?

– Да, государь!

– И жениху тоже подобает любить невесту?

– Разумеется, государь!

– А большинство браков, пожалуй, происходит не по любви, но по расчёту... Не правда ли, князь? Впрочем, я говорю это не по отношению к твоей дочери; ведь она меня любит... так я говорю, князь?

Император-отрок был сильно возбуждён, и голос у него дрожал.

– Государь, и на самом деле тебе надо бы непременно на прогулку поехать, благо погода хорошая, – с участием проговорила цесаревна Елизавета Петровна, заметив тревожное состояние своего державного племянника.

Он раздражённо прошёлся по комнатам и, истерически расхохотавшись, быстро произнёс:

– Да, да, я сейчас поеду... Прикажи готовить лошадей, князь, вези меня скорее в свои Горенки. Невеста меня там ждёт, соскучилась по мне, бедняжечка, вот я и поеду утешить её. Объяви, князь, всем придворным чинам, чтобы готовы были к нашему обручению, которое будет здесь, во дворце, тридцатого ноября. К этому дню должно быть всё готово.

Долгоруков едва не вскрикнул от радости.

– Государь, ваше величество! – только и мог выговорить он от наплыва радостного чувства. – Это – такая честь, великий государь!

– Да, да... Ну, едемте... наверное, лошади готовы. Скорее на воздух, я здесь просто задыхаюсь. До свидания, царевна, до свидания! – и, нервно проговорив эти слова, император быстро вышел из своего кабинета.

За ним, отвесив низкий поклон цесаревне, последовал и Долгоруков.

– Бедный мальчик, ты слишком рано хочешь жить... смотри, чтобы это не принесло тебе вреда! Жаль мне тебя, голубчик, крепко жаль!.. Попал ты к Долгоруковым, как муха в паутину, запутают они тебя, мой сердечный, – задумчиво проговорила Елизавета Петровна, направляясь к выходу, и в дверях чуть не столкнулась с князем Иваном Долгоруковым.

– Царевна, как я рад встрече с вами!.. Мне много о чём надо переговорить с вашим высочеством, – радостным голосом проговорил он.

– А мне с вами, Иван Алексеевич, говорить нечего и не о чем. Впрочем, дам вам такой совет; спешите скорее в Горенки, ваш отец уехал туда с государем. А то, смотрите, он займёт при государе ваше место, – с насмешкою проговорила цесаревна и поспешила уйти.

– Ненавидит меня царевна, знаю. А за что?.. Что я ей сделал? И что за горький я человек? Никто меня не любит, никто. Впрочем, есть одна душа, которая меня и любит, и жалеет. Это – моя невеста, незлобивая Натальюшка. Поеду к ней, голубке. А в Горенки я не поеду; пусть отец "обставляет" государя; я же был верным слугою ему и таким и останусь.

VI

Между тем в один из тех дней, когда в царском дворце происходили все рассказанные ранее события, к воротам усадьбы Горенки робко подошёл какой-то странный деревенский парень в сермяге, лаптях и большой меховой шапке; в руках он держал толстую суковатую палку. У ворот на скамье сидел княжеский дворовый Игнат, служивший выездным лакеем при княжне Екатерине Алексеевне, "государевой невесте". К нему-то и подошёл деревенский парень и обратился с вопросом, довольно плохо произнося русские слова:

– Ты – здешний, дворовый слуга?

– Ну, да... тебе-то что?

– Сейчас узнаешь. Прежде скажи мне, ты деньги любишь?

– Да кто же не любит денег? – с удивлением посматривая на странного парня с нежным, "барственным" лицом, ответил ему дворовый Игнат.

– Я дам тебе два червонца, а ты поди и вышли ко мне сюда камеристку княжны Екатерины Алексеевны, Дуняшу.

– Дуняшу?.. А зачем она тебе?

– Не твоё дело! Получай два червонца и вышли Дуняшу.

– Два червонца... Да ты их, чай, и в глаза-то не видывал, – презрительно осматривая с ног до головы парня, промолвил Игнат.

– Вот червонцы, видишь? – и странный парень, вынув из кармана зипуна несколько червонцев, показал их удивлённому Игнату.

Тот никак не воображал, что у "косноязычного" чудака найдутся червонцы.

– Неужели настоящие?

– А то какие же... Вышли камеристку княжны – и получишь из них два.

– Жди... Сейчас приведу.

Игнат быстро направился к княжескому дому, и спустя немного вернулся к воротам в сопровождении Дуняши, доверенной горничной княжны Екатерины.

– Кто меня спрашивал? Ты? – обратилась она с вопросом к поджидавшему её парню.

Но тот, прежде чем ответить девушке, дал два червонца Игнату и быстро проговорил:

– Получай за услугу и ступай: больше ты не нужен.

Игнат, не помня себя от радости, пустился бежать от ворот.

– Так, значит, ты звал меня? – спросила парня Дуня. – Что надо?..

– Ты не узнала меня, Дуняша? – улыбнулся парень, приподнимая с лица шапку.

– Граф... ваше сиятельство!..

– Тс... что ты кричишь? Пред тобою не граф, а русский мужик... Скажи,

неужели верен слух, который дошёл до меня? Неужели княжна Екатерина на днях будет объявлена невестой императора Петра? – с тревогою спросил граф Милезимо, который, чтобы легче проникнуть в княжеский загородный дом и свидеться с княжною Екатериной Алексеевной, нарядился мужичком.

Граф Генрих Милезимо, молодой красавец, состоял на службе при австрийском посольстве и был родственником австрийского посланника. Милезимо и княжна Екатерина уже давно со всем пылом юности любили друг друга и питали надежду навеки принадлежать друг другу. Милезимо – готовился просить у Алексея Долгорукова руки его дочери Екатерины, и вдруг все их планы были разбиты, разрушены: у графа Милезимо явился сильнейший соперник – император-отрок.

– Верно, ваше сиятельство!.. Наш барин, князь Алексей Григорьевич, сказывал, что скоро будет назначено обручение нашей княжны с государем, – тихо ответила девушка.

– Возможно ли? О, мой Бог! – с отчаянием воскликнул Милезимо и после минуты горестного молчания продолжал: – Мне надо видеть княжну, непременно надо!..

– Трудно это устроить, граф... Ведь наш князь не велел принимать вас. Действительно, Алексею Долгорукову кто-то однажды шепнул про отношения графа Милезимо с его дочерью, и князь отдал приказ никогда не принимать графа.

– Устрой, Дуня... вот тебе пять червонцев; устроишь свидание, дам больше, – просительно произнёс Милезимо.

– Покорнейше благодарю, ваше сиятельство; пойдёмте на двор, там и подождёте. Я спрошу княжну и проведу вас к ней, – пряча деньги, предупредительно проговорила Дуняша.

Золото добыло графу Милезимо свободный доступ в комнаты невесты императора-отрока – он был тайно проведён Дуняшею туда.

Время было послеобеденное, и сам князь Алексей Григорьевич, и его жена-княгиня отдыхали.

– Здравствуйте, княжна; как я счастлив, что опять вижу вас, моя

дорогая! – полным счастья голосом проговорил Милезимо, страстно целуя руки у княжны Екатерины.

– К чему, граф, этот маскарад? – насупив свои густые брови, спросила княжна.

– Иначе как бы я мог проникнуть к вам?

– А разве это так надо?

– Мне надо было видеть вас, княжна, надо...

– Зачем?

– И вы спрашиваете? Что с вами, княжна? Я вас не узнаю. Вы не та, милая, дорогая Катя, какую были прежде.

– Прошу вас не называть меня...

– Не называть вас Катей? Да ведь вы – моя милая невеста?

– Прежде я была вашей невестой, а теперь я – невеста другого, – ответила княжна.

– Другого? Быть этого не может, Катя! Мы дали клятву принадлежать друг другу.

– Это было давно, граф, когда я жила ещё у дедушки в Варшаве. Но тогда мы с вами были чуть ли не детьми.

– Княжна, так неужели правда? Неужели вы разлюбили меня? – с отчаянием воскликнул Милезимо.

– На днях, граф, назначено моё обручение с государем, – не без удовольствия проговорила Екатерина.

– Так правда, правда? Вы отдаёте руку и сердце императору-мальчику?

– Отдаю только руку, а моё сердце принадлежит другому.

– Княжна, вы играете мною! – воскликнул Милезимо.

– Прошу вас, говорите как можно тише!.. Могут услышать, узнать вас... Мой отец здесь, в усадьбе. Советую вам, граф, скорее уходите; как ни тяжело мне говорить...

– Нет, так скоро я не уйду от вас. Ведь немало времени прошло, как мы не видались с вами. Меня не допускали к вам... В Москве уже давно шёл слух, что государь хочет жениться на вас, но я плохо верил тому слуху. И вдруг на днях я тоже услышал от своего родича, графа Братислава; он

сказал мне, что уже назначено ваше обручение с государем. Эта весть, как острый нож, кольнула меня в сердце! Я решил во что бы то ни стало видеть вас, княжна, и говорить с вами.

– Но к чему может привести этот разговор? Отец решил, что я должна стать женой императора, и против этого ни вы, ни я ничего поделать не можем. Сама судьба разлучает меня с вами, граф.

– От вас, княжна, зависит, и мы никогда не станем разлучаться. Со мной пойдёте, Катя!.. Я умчу вас на край света. Мы повенчаемся, и тогда государь не отнимет вас у меня.

– Нет, Генрих, невозможно... Поймите: ведь меня ожидает корона.

– Что я, несчастный, слышу? И вы, Катя, говорите это мне, которому, бывало, так сладостно шептали про любовь, про наше счастье!.. И теперь из ваших уст мне суждено услышать свой смертный приговор!.. Нет, нет... Вы шутите со мною. Не верю я... Вы одного меня любите, Катя, и царская корона не прельщает вас... Ведь так, так? Это ваш отец-честолюбец неволит вас идти за государя, а вы любите меня, одного меня, и не разлюбили...

– Скрывать не стану, Генрих, я люблю вас по-прежнему; но всё же вашей женой я никогда не буду... Прощайте, Генрих, вам больше оставаться у меня нельзя... того гляди, отец проснётся и придёт ко мне.

– Не страшен, княжна, мне ваш отец, со мною он сделать ничего не может... я состою при посольстве.

Едва только граф Милезимо проговорил это, как в горницу княжны Екатерины вбежала бледная, встревоженная Дуняша и задыхающимся от волнения голосом проговорила.

– Беда! Совсем пропали мы: князь Алексей Григорьевич изволит сюда идти.

– Что, граф, дождались? Говорила я вам, скорее уходите! – упрекнула княжна Екатерина своего возлюбленного.

– Повторяю, вашего отца я не испугаюсь.

– Катюша, что это за мужик у тебя? – входя в горницу к дочери, спросил князь Алексей Долгоруков, показывая на графа.

– Князь, вы не узнаете меня? – проговорил Милезимо, смело и насмешливо посматривая на Алексея Григорьевича.

– Граф Милезимо? Возможно ли? – с удивлением и гневом воскликнул Долгоруков. – Зачем вы пожаловали сюда? Что надо?

– Я пришёл, князь, повидаться с вашей дочерью, поговорить с нею.

– Вот как? Для того и нарядились в мужицкий зипун, чтобы обманом проникнуть в мой дом?

– Да, да, с тою целью я и нарядился по-мужицки, чтобы мне удобнее было увидеться с вашей прелестной дочерью.

– Скорее вон ступайте, не то я прикажу гнать вас в шею! – гневно крикнул князь Алексей.

– Меня гнать? Графа Милезимо?

– Не графа Милезимо я гоню, а паршивого мужичонку, который ненароком смел проникнуть на половину моей дочери, государыни-невесты.

– Батюшка, потише; что вы так кричите! – остановила отца княжна. – Или вам огласка нужна? Хотите, чтобы все дворовые узнали, что у меня в комнате под видом мужика был граф Генрих Милезимо? Сама я призвала графа, сама ему свидание здесь назначила, чтобы проститься с ним. Он был моим милым женихом, и, если хотите знать, я и по сей час люблю его... Да, да, люблю!

– Опомнись, Катерина, что ты говоришь! – с ужасом воскликнул князь Алексей, замахав руками.

– Сказала, батюшка, я правду... Сердце мне велело так сказать. Прощай, мой Генрих, милый, желанный мой, прощай!.. Судьба разлучает нас, но моё сердце и моя любовь всегда будут с тобою. Я не перестану думать о тебе и тогда, когда буду царицею великой Руси, – думать о том счастье, каким ты ещё так недавно дарил меня! Прощай!.. Нет, нет, не так с тобою прощусь я, Генрих, а вот как, – и княжна Екатерина крепко обняла и поцеловала графа Милезимо. – Теперь ступай... Ступай, Генрих!..

Граф припал поцелуем к её руке и быстро вышел.

– Ушёл!.. Ушёл, и навек мы расстались... О, мой милый, милый!.. – с

рыданием воскликнула княжна, закрыв лицо руками.

– Опомнись, Катерина; ведь ты голову сняла с меня, осрамила, – с упрёком сказал дочери князь Алексей.

– К чему упрёки, отец? Я, право, не заслужила их. Вашей воле я послушна: я отвергла жениха, которого любила и люблю, и выхожу за немилого; чего вам ещё надо? – утирая слёзы, промолвила княжна Екатерина.

– Ох!.. Беда с тобою!.. Сама не разумеешь, что и говоришь. Ведь твой жених – царь, а ты царицей будешь.

– С милым сердцу идти под венец – вот это счастье, большое счастье!..

VII

Наступил день обручения императора Петра II с княжкою Екатериною Алексеевной Долгоруковой.

В большом зале дворца на персидском шёлковом ковре был поставлен стол, покрытый золотой парчой, а на нём ковчег со святым крестом и две золотые тарелки с обручальными кольцами. Обручённые должны были стоять под балдахином серебряной парчи с золотым шитьём; кисти балдахина держали высшие придворные чины. Направо на I шёлковом ковре стояли кресла для государя и налево – шитые золотом по золотому бархату кресла для невесты государя, для царевны Елизаветы Петровны, для бабки государя Евдокии Фёдоровны, а также и для прочих особ императорского дома.

Обер-камергер князь Иван Долгоруков в торжественном поезде отправился за своей сестрой, Екатериной Алексеевной, находившейся в Головином дворце.

Густая толпа народа окружила дворец, ожидая приезда невесты государя; там и тут вполголоса вели между собой разговор.

– Вот счастье-то Долгоруковым приплыло! Поди, не чаяли? – проговорил какой-то степенный купец с седой окладистой бородой, обращаясь к стоявшему с ним рядом старику с добрым, приятным лицом.

– Ох, ваша милость, господин купец, счастью тому нечего завидовать.

Счастье на земле переменчиво!

– Известно есть... Куда же оно подевалось?

– Вот ты говоришь, что к Долгоруковым приплыло счастье: князь Алексей Григорьевич дочку свою обручает с императором Петром. С первого-то раза оно, пожалуй, и похоже на счастье, а если разобрать, счастья-то и нет!

– Заладил ты, почтенный: "Счастья нет!" Какого же ещё надо тебе счастья?

– А припомни-ка, господин купец, когда Меншиков обручил свою дочь Марью с великим государем, так ведь он тоже думал, что счастливее его нет на свете человека...

– Ты вот про что...

– Не начало, а конец венчает дело. Кто нынче счастлив, завтра несчастным может быть, – наставительным голосом произнёс старик.

– И большую теперь, братец ты мой, заберут силу Долгоруковы, – проговорил какой-то поджарый, испитой человек с бледным лицом, в нагольном полушубке и в овчинной шапке, очевидно, мастеровой, обращаясь к товарищу, тоже мастеровому.

– А ты, Ванька, язык-то прикуси, а в рот набери каши. Гляди, не попади в Сыскной приказ.

– Зачем?.. Туда мне не дорога! А ты, видно, боишься Долгоруковых?

– Кто их не боится?!

– Я вот первый не испугаюсь их, – храбро проговорил было мастеровой Ванька, но здоровая затрещина по затылку заставила его прикусить язык. – За что дерёшься? – сквозь зубы спросил Ванька у полицейского, только что ударившего его.

– Молчи, пёс, не то угодишь как раз в Сыскной приказ, на переделку заплечным мастерам, – прошипел полицейский солдат.

– Везут, везут! – искрой пробежало по толпе.

– Да где, где?

– Вон, вон! Иль не видишь золотой-то кареты, курица слепая?

И действительно, показались золочёные придворные кареты,

запряжённые цугом в шесть лошадей; они были окружены скороходами, фурьерами, гренадёрами, гайдуками и пажами, в блиставших золотым шитьём мундирах и ливреях; повернула в дворцовые ворота и карета с царской невестой. Вдруг что-то сильно затрещало, и большая золочёная корона, находившаяся на верху кареты, свалилась на землю и разлетелась вдребезги.

– Ну, братцы, это не к добру, – заговорили в толпе.

– Корона свалилась с кареты царской невесты, стало быть, скоро Долгоруковым конец настанет.

Едва только острый язык Ваньки необдуманно проговорил эти слова, сильные руки двух полицейских схватили его за шиворот и потащили.

– Ну вот, теперь пойдут розыски, заплечным мастерам прибавится работы, и за свой язык парнюга поплатится увечьем, а может быть, и головой, – со вздохом тихо проговорил купец в лисьей шубе, смотря, как полицейские тащили Ваньку.

– А что ни говори, знак худой! – слышалось в толпе, где всякий по-своему старался объяснить падение короны.

Карета с царской невестой остановилась у подъезда дворца. Иван Долгоруков помог сестре выйти и провёл её по лестнице, устланной шёлковым ковром, наверх.

На княжне Екатерине было белое глазетовое платье, шитое золотом; длинные волосы были завиты в четыре косы и унизаны драгоценными камнями; на голове сверкала бриллиантами и изумрудами диадема.

Её встретила внизу старица-царица Евдокия Фёдоровна, бабка государя, но обдала её холодным взглядом. При входе княжны Екатерины часовые взяли на караул, а музыканты заиграли.

При громе литавр и труб к невесте подошёл император-отрок и детски любопытным взглядом посмотрел на неё.

Все стали на свои места; музыка смолкла. Архиепископ Новгородский Феофан приступил к обряду обручения.

По окончании обряда начался блестящий бал, на котором "для показания своего сердечного удовольствия" присутствовала, несмотря на

свой сан, старица-царица.

– Ну, внучка моя наречённая, сумей сделать счастливым моего внука-государя; на тебя, великая княжна, я надежду возлагаю, да и не я одна, а вся Русь! – строго проговорила она, поздравляя Екатерину Алексеевну.

Ничего не ответила на это царская невеста: она увидала в числе придворных и гостей графа Генриха Милезимо в блестящем мундире и, как ни старалась скрыть своё волнение, всё же переменилась в лице при взгляде на своего возлюбленного.

Через несколько времени граф подошёл к ней в числе поздравлявших, но она холодно протянула ему руку для поцелуя, и ни один мускул не дрогнул на её лице.

Во время бала граф Милезимо воспользовался случаем, когда государева невеста со своей сестрой Еленой направилась в диванную, чтобы несколько отдохнуть и успокоиться, и с мольбой обратился к ней:

– Княжна, одно слово.

– Незаметно приходите в диванную, – не останавливаясь, ответила ему царская невеста.

Помедлив несколько, граф Милезимо крадучись прошёл в диванную. Там никого не было, кроме Екатерины Долгоруковой и её сестры.

– Зачем вы здесь? – не дав заговорить графу, резко промолвила царская невеста.

– Не утерпел: мне хотелось сказать вам... что... что император Пётр не любит вас, княжна... Про это я узнал случайно.

– Я это знаю и без вас.

– И, несмотря на это, вы решились...

– Да, и, несмотря на это, я решилась быть царицею... Оставьте нас, граф Милезимо, ступайте, иначе вас здесь могут застать.

– Пусть кто хочет застаёт, теперь мне всё равно...

– Вам, может быть, но не мне. Прошу вас сейчас же удалиться отсюда! – гневно сверкнув глазами и показывая графу Милезимо на дверь, сказала "великая княжна" Екатерина.

– Уйду, сейчас уйду... На днях я уезжаю из России и навсегда прощусь с

Москвою. В своём сердце, княжна, я увезу свою страстную любовь к вам.

– Скорее спрячьтесь за драпировку, – повелительно проговорила царская невеста, показывая графу Милезимо на оконную драпировку.

Едва только он успел спрятаться, дверь в диванную отворилась, и на пороге появился князь Алексей Григорьевич с бледным, встревоженным лицом.

– Ну, слава Богу! Как гора с плеч!.. Я думал, с вами этот проходимец Милезимо, а его тут нет.

– Как видите, батюшка, с нами никого нет, – нисколько не растерявшись, тихо промолвила княжна Елена.

– Куда же мог подеваться этот Милезимо? Ведь я хорошо видел, как он юркнул сюда, следом за вами.

– Я здесь, князь, к вашим услугам, – с презрительной улыбкой проговорил граф Милезимо, выходя из-за драпировки.

– Как? Вы... вы здесь?.. Как вы смели? – не своим голосом крикнул князь Алексей Григорьевич.

– Тише, князь, нас могут услышать...

– Идите скорее в зал... и я сейчас следом за вами, только вот скажу два слова графу, – обращаясь к дочери, проговорил князь Долгоруков, а когда они, не проронив более ни слова, вышли из диванной, он сказал Милезимо: – Знаете ли, граф, вас завтра же не будет в Москве; если вы сами по своей воле не уедете, то вас до границы отправят с солдатами. Стоит только сказать мнеслово...

– Но этого слова, князь, вы не скажете – вам невыгодно компрометировать свою дочь... Да и вообще ваши угрозы напрасны, я их не пугаюсь... Не я в ваших руках, а вы в моих. Стоит только мне намекнуть про мою любовь к вашей дочери государю, и тогда...

– Что!.. Что вы, граф, ваше сиятельство!.. Вы... вы не захотите губить мою дочь... и всех нас? – сразу же переменял князь Алексей свой грозный тон на заискивающий.

– Я так глубоко люблю вашу дочь, что против её счастья не пойду...

– Я... я знаю... знаю, вы, граф, добры безмерно... Я и все мы так глубоко

уважаем вас...

– О, полно!.. Я очень хорошо знаю, что вы ненавидите меня так, как только можно ненавидеть человека... Но не в том дело: я завтра уезжаю из Москвы, хотя, признаюсь вам, ехать мне не хочется, не дождавшись, чем всё это кончится, а именно – женится ли император на вашей дочери?

– Разумеется, женится!.. Ведь обручение уже состоялось.

– Обручение, князь, – не венчание... С Меншиковой император тоже был обручён.

– Тьфу!.. Далась вам всем эта Меншикова!.. Довольно, граф!.. Мне недосуг. Пойдёмте к гостям, могут заметить наше отсутствие на балу! – И, как ни в чём не бывало, князь Алексей Григорьевич под руку с графом Милезимо из диванной направился в зал, где бал был в полном разгаре.

Император-отрок обращал мало внимания на свою обручённую невесту и танцевал большею частью с царевной Елизаветой Петровной. Этого не могли не заметить находившиеся на балу, и недоброжелатели Долгоруковых радовались этому.

– А наш государь, кажется, больше интересуется цесаревной, чем своей невестой.

– И немудрено: её высочество цесаревна Елизавета Петровна много красивее и милее наречённой невесты государя.

– По всему видно, государю не нравится княжна Екатерина.

– Удивляться надо, как его величество изъявил согласие на вступление в брак с Долгоруковой.

– Что поделаешь: князь Алексей Григорьевич со всех сторон обошёл государя.

– Времена Меншикова опять вернулись к нам.

– При Меншикове, пожалуй, лучше было – тогда мы знали лишь его одного, а Долгоруковых много: приходится обслуживать им всем.

– Теперь Долгоруковых и рукою не достанешь; высоко они поднялись, куда как высоко!..

Так вполголоса переговаривались между собою двое придворных

вельмож.

– А вы, господа, заметили, заметили? – подходя к ним, таинственно спросил князь Никита Юрьевич Трубецкой.

– Что, что такое?

– Ведь государева невеста с бала вдруг исчезла, а вслед за нею исчез и граф Генрих Милезимо.

– Да что ты, князь? Вон идёт царская невеста со своей сестрой. Смотри, к государю подошла.

– И то, и то... ну стало быть, вернулась. А я видел, как она с сестрой пошла в диванную и следом за нею туда же крадучись вошёл и граф Милезимо.

– Какая дерзость!

– Говорят, граф Милезимо у княжны Екатерины в женихах состоял.

– Вот, вот, смотрите – и сам Милезимо лёгок на помине: под руку с наречённым царским тестем идёт.

– И то... подумаешь, какой между ними лад идёт!..

А между тем князь Алексей Григорьевич, дружески сказав несколько слов графу Милезимо, отошёл от него и, отозвав в сторону своего родича, Василия Лукича Долгорукова, о чём-то долго вполголоса говорил с ним, причём несколько раз показывал на графа Милезимо.

– Ты говоришь, что Милезимо на родину скоро хочет ехать? – спросил у него Василий Лукич.

– Хочет, да я не верю ему, не поедет.

– На время припрятать его необходимо.

– Точно, братец, необходимо, но как?

– А как, я научу тебя. Только что мне будет за науку?

– Свои люди, братец, сочтёмся.

– Теперь ты, князь Алексей, как наречённый тесть государя, в большом фаворе состоишь... нас, сырых и убогих не позабудь...

– Уж забуду ли? Всегда душой служить готов тебе, только научи меня, как отбояриться от этого проклятого Милезимо.

– Пойдём-ка в диванную, там на свободе и поговорим.

Родичи князя отправились для переговоров в диванный дворцовый зал. Влюблённый граф Милезимо скучал на придворном балу; он не танцевал и с нетерпением ждал, когда кончится бал и начнётся разъезд, так как уехать ранее с бала он, по этикету, не мог.

Но вот император-отрок удалился в свои внутренние апартаменты, и многочисленные гости стали разъезжаться из дворца.

Тотчас же и Милезимо поспешно спустился по дворцовой лестнице к подъезду и приказал позвать своего кучера.

Между тем за час до разъезда с этим кучером произошёл такой случай: полицейский офицер, находившийся у дворцового подъезда, был позван в дворцовую приёмную и там увидел секретаря генерал-губернатора; последний обратился к нему с таким приказом:

– Граф Милезимо, состоящий при австрийском посольстве, жаловался мне на своего пьяного кучера, который чуть не вывалил его из кареты; отправьте кучера на съезжую, пусть там проспится, и замените его другим.

– Кем прикажете, ваше превосходительство?

– Говорю вам, другим... он ждёт на подъезде, и звать его Никитой. Вы понимаете меня?

– Так точно, ваше превосходительство...

– Вы позовёте Никиту, и пусть он вместо пьяного кучера садится на козлы кареты графа Милезимо.

– Слушаю, ваше превосходительство!

– Ну, ступайте, выполняйте приказание!

Полицейский в сопровождении двух будочников разыскал карету графа Милезимо и повелительно крикнул кучеру Ивану:

– Слезай с козел!

– Зачем, ваше благородие? – недоумевая, спросил Иван.

– Слезай, разбойник, не то прикажу стащить! Ты пьян, каналья!

– Помилуйте, ваше благородие, я в рот не беру хмельного, – оправдывался кучер, но всё же слез с козел.

– Да ты ещё смеешь спорить с начальством? Так вот же тебе, дьявол! – и

здоровая затрещина по шее заставила замолчать Ивана. – Ведите на съезжую, запереть в холодную, пусть там, пьяница, проспится! – приказало начальство будочникам.

Те схватили и повели ни в чём не повинного беднягу.

Вернувшись к дворцовому подъезду, полицейский чин позвал неведомого ему Никиту. Из толпы вышел здоровый, плечистый мужчина в кучерском кафтане.

– Я буду Никита, я, – проговорил он.

– Ты? Прекрасно: ты свезёшь графа Милезимо...

– Знаю, ваше благородие, куда свезти требуется его графскую милость, знаю, – перебивая полицейского, проговорил, ухмыляясь, Никита.

– Стало быть, тебе сказали?

– Так точно, сказали.

Когда позвали карету графа Милезимо, к подъезду дворца подъехал Никита. Милезимо не заметил, что его кучер заменён другим, и сел в карету; придворный лакей захлопнул дверцу, и карета понеслась.

Возвращаясь с бала, граф так предался думам о любимой им девушке, что даже и не заметил, что его карета ехала совсем не по той дороге, по которой следовало: он занимал дом на Ильинке, а его карета неслась из дворца по Никитской.

Вдруг размышления графа были неожиданно прерваны; лошади остановились, дверцы кареты отворились, и граф очутился между двух незнакомых ему людей, сильных, здоровых, по одежде похожих на охотников; у каждого заткнут был за кушаком пистолет.

– Что это значит? Кто вы? Как смели? – удивляясь, крикнул граф и хотел было вынуть из ножен саблю, но здоровые руки сидевших с ним рядом людей так сильно схватили его, что он невольно застонал. – Вы, вы – разбойники, вам нужно золото?

– Нет, – отрывисто ответил один из людей.

– Кто же вы, кто? Куда вы меня везёте?

– Куда нам приказано.

Ночь была лунная, светлая, и граф Милезимо в окно кареты заметил, что

на козлах сидел не его кучер Иван, а другой.

"Теперь я понимаю! – подумал граф. – Я... я попал в западню... Но к кому? Кто устроил мне её? И что меня ждёт впереди?.. Уж не дело ли это Долгоруковых; не к ним ли попал я в руки?.. От них ожидать мне хорошего нечего!"

А карета всё мчалась вперёд и подъехала к заставе. Кучер Никита что-то сказал часовому, тот поднял шлагбаум и отодвинул рогатку. Милезимо хотел закричать.

– Если пикнешь, граф, хоть одно слово, я тебя застрелю! – холодно проговорил один из находившихся в карете, вынимая из-за кушака пистолет.

Граф замолк.

За заставой карета опять помчалась. Морозная ночь миновала, появился слабый просвет зимнего утра. Карета въехала в лес, а затем подъехала к усадьбе Горенки.

– А, теперь я знаю, в чьи руки я попал! – оглядывая знакомый дом и двор усадьбы, воскликнул граф.

VIII

Действительно, граф Милезимо очутился в руках Долгоруковых. Это случилось так: по приказанию князя Алексея Григорьевича Долгорукова кучер графа Милезимо был заменён другим, и последнему было приказано везти Милезимо не туда, где он жил, а в подмосковную Долгоруковых. Два человека, севшие к Милезимо в карету, были дворовыми Долгорукова; им было приказано князем в случае надобности употребить силу. Они, согласно приказанию, привезли графа Милезимо в Горенки и сдали его в распоряжение княжеского дворецкого, Евсея Наумовича.

Старик дворецкий жил постоянно в Горенках и являлся управителем усадьбы. Он пользовался расположением и доверием князя, но не злоупотреблял этим, честно управляя усадьбою, он не теснил дворовых и крепостных мужиков и, имея мягкий нрав, со всеми старался жить

миролюбиво.

Немало встревожился он, когда привезли в усадьбу пленником графа Милезимо.

– Что же, братцы, мне делать с этим графом, как обходиться с ним я должен? – обратился он к дворовым, привёзшим в усадьбу графа.

– Наверное, князь Алексей Григорьевич написал тебе об этом вот в этом письме, – ответил старику один из дворовых и подал ему княжеское письмо.

Евсей поспешно вооружил свой нос очками с большими круглыми стёклами в медной оправе, поцеловал печать, а потом по складам начал читать "княжеские письма".

Между тем граф Милезимо сидел в карете, у дворец которой стояли по обеим сторонам для "охраны" княжеские охотники с ружьями за плечами.

Князь Алексей Григорьевич между прочим написал дворецкому следующее:

"Держи, Евсей, моего лютого врага Милезимо под строгим караулом. Отведи ему для временного пребывания одну из горниц верхнего жилья, которая похуже; дверь должна быть всегда заперта и ключ у тебя в кармане... Обед ему отпускаяй простой, холопский; и того, по своему деянию, он, пёс, не стоит. А если станет он дебоширить и бунтовать, то прикажи связать ему руки и из горницы для усмирения в подвал посади. Вообще с этим немчурой не церемонься. Не ты будешь в ответе, а я... А главное – смотри, старик, в оба, чтобы он не улизнул из усадьбы. Ты за это головою мне ответишь".

– Ну не было печали, так черти накачали!.. Легко сказать!.. Такую особу, как граф Милезимо, я должен под замком держать, как холопа или невольника!.. О Господи!.. Да где граф-то? – упавшим голосом спросил дворецкий.

– Да всё в карете сидит.

– Так ведите его сюда. Я должен этого немецкого графа холопским обедом кормить и обхождение с ним иметь холопское. Это с графом-то!.. Да в чём он провинился против князины? С нашей княжной Екатериной

этот Милезимо амур имел, а теперь княжну обручили с императором; уж не через это ли произошло что-нибудь? – вслух раздумывал дворецкий Евсей, поджидая Милезимо.

Наконец графа ввели. Но тут дворецкий забыл приказ своего господина и встретил графа почтительным поклоном.

– Старик, зачем меня привезли сюда? – крикнул Милезимо.

– Не могу знать, господин граф.

– Кто же будет знать, кто? Помни, я состою при посольстве; за меня и твой князь, и все вы, все строго ответите! – продолжал Милезимо.

– Моей вины нет, ваше сиятельство: я делаю, что мне приказывают.

– А если прикажут тебе убить меня?

– И убью, ваше сиятельство! Знаю, что страшный грех приму на душу, а приказа господского не преступлю, – твёрдо проговорил старик дворецкий. – Ну а пока на то приказа нет. Мне только велено держать твою милость на холопском положении, под замком.

– Под замком? Видно, ты, старый дурак, и твой князь с ума сошли? Как вы смеете? За меня вступится мой император. Вы не смеете лишать меня свободы! – горячился граф Милезимо, но это ничему не помогло, и ему пришлось покориться.

Дворецкий запер его в одной горнице и ключ взял себе.

Горница находилась во втором этаже княжеского дома и обширным коридором отделялась от других жилых помещений. В ней находилось одно окно с двойною рамою; в углу были поставлены простая кровать с жёстким тюфяком, два-три стула и стол.

Евсей Наумович в точности выполнил приказ своего "князиньки": никуда не выпускал графа, кормил "серой" пищей с холопского стола.

В первое время Милезимо отказывался от такой пищи, требовал лучшей, но ему в том было отказано.

– Что же, вы хотите морить меня голодом, что ли? – крикнул граф, отодвигая от себя чашку со щами из свинины.

– Зачем морить голодом?.. Если бы морили голодом, то щей твоей милости не дали бы, – самым невозмутимым голосом ответил ему

дворецкий.

– Но пойми, старая дубина, я не могу есть всякую дрянь.

– Напрасно так говорит твоя милость, хлеб насущный – Божий дар, а щи да каша – мать наша.

Однако голод заставил изнеженного графа Милезимо, привыкшего к изысканному столу, есть и грубую пищу.

Так прошло несколько дней, а граф Милезимо всё томился в заключении. Лишённый привычной пищи и воздуха, он побледнел и похудел, стал раздражительным. Он часто ругался со своим "старым тюремщиком", как называл он дворецкого Евсея, и посылал проклятия на голову Алексея Григорьевича, отца своей возлюбленной, но волей-неволей покорялся своей участи и ждал, когда двери темницы будут для него открыты.

Между тем во всей Москве вскоре только и говорили, что о неожиданном исчезновении молодого графа Генриха Милезимо. Рассказывали, что ночью на него напали разбойники и убили; передавали также, что красавца Милезимо похитила какая-то молодая вдова-боярыня, а другие говорили, что граф Милезимо уехал к себе на родину...

Австрийский посол граф Вратислав обратился к канцлеру Остерману за объяснением, куда девался его родич, граф Милезимо, и просил отыскать его. Остерман, как мог, успокоил Братислава и обещал непременно принять все необходимые меры.

– Пожалуйста, ваше сиятельство, поспешите, иначе я принуждён буду довести об этом до сведения своего императора, – с тревогой в голосе проговорил Вратислав. – Да кроме того, отсутствие Генриха и неизвестность его участи сильно беспокоят меня лично. Ведь прошло пять дней, как он исчез, а о нём нет ни слуху ни духу. Я боюсь, не попал ли Генрих в ловушку. Врагов у него здесь немало.

– Какие же могут быть враги у графа Милезимо?

– Вы сами знаете их, ваше сиятельство; они довольно могущественные.

– Кто же они? – притворно удивляясь, переспросил у посла осторожный Остерман. – Уверю вас, господин граф, я ничего не знаю.

– Ну, если хотите, я назову вам врагов Генриха. Первые – это князя Долгоруковы; они ненавидят Генриха.

– За что же им ненавидеть графа Милезимо?

– И это вы хорошо знаете.

– Уверяю вас, граф!..

– Довольно, ваше сиятельство!.. Я – не ребёнок, которого можно провести пустыми отрицаниями. Да, наконец, я полагаю, вы прекрасно знаете всю щекотливость положения, в которое поставлено этим ваше правительство: ведь исчез не кто-нибудь, а один из представителей нашего посольства!.. Ведь это – повод к серьёзному дипломатическому конфликту. Вы обещаете мне разыскать моего Генриха, вашим словам я верю и потому покидаю дворец наполовину успокоенным.

Граф Вратислав уехал, а Остерман произнёс про себя:

"Да, да, несомненно, это Долгоруковы припрятали Милезимо!.. Их дело!.. Милезимо находился в амурах с княжной Екатериной, вот они из боязни, чтобы он не помешал им обвенчать государя с княжною, и припрятали её прежнего милого дружка. Но так оставить это нельзя, надо принудить Долгоруковых выпустить Милезимо, иначе может разразиться большая неприятность. Надо сейчас же об этом переговорить с князем Алексеем Григорьевичем. А всего лучше я кое-что поразведаю от его дочери; сейчас же поеду к ней в Головин дворец; благо туда мне доступ есть".

Остерман поспешил к обручённой царской невесте.

Княжна Екатерина приняла его довольно сухо: она была не расположена к Остерману.

– Что привело вас ко мне? – спросила она.

– Засвидетельствовать вашему высочеству моё глубокое почтение, – при этих словах Андрей Иванович низко поклонился княжне Екатерине, которая теперь, как царская невеста, имела титул "высочества". – А кроме того, думал встретить здесь вашего батюшку, князя Алексея Григорьевича.

– Отца нет... он куда-то уехал.

– Как жаль!.. Ведь дело-то у меня крайне важное и спешное.

– Если не секрет, скажите.

– От вас, ваше высочество, секретов быть не может; вы, как будущая царица, должны знать. Извольте ли видеть, ваше высочество, сейчас у меня был граф Вратислав и заявил мне, что его родич, граф Милезимо, до сих пор не возвращался домой с придворного бала, состоявшегося в день обручения вашего высочества, и неизвестно, где находится, – и, сказав эти слова, Остерман пристально посмотрел на царскую невесту.

У неё задрожало сердце при этом известии; она поняла, что с её возлюбленным случилось какое-нибудь несчастье или, что ещё было бы ужаснее – он пал жертвою мести своих врагов. Невольно вспомнилась ей сцена между Милезимо и её отцом на её обручении. Хотя тогда оба они вышли в зал видимо спокойные и даже любезно разговаривали друг с другом, однако она, зная враждебность своего отца к графу, не очень-то верила этому дружественному на вид отношению их друг к другу. Мало того, услышав теперь известие об исчезновении графа, она сперва невольно подумала и потом даже почти уверилась в том, что тут дело не обошлось без участия её отца.

Однако она хорошо сумела скрыть своё волнение, ни один мускул не дрогнул на её красивом, холодном лице, но всё же она как-то глухо спросила:

– Ну и что же?

– Граф Вратислав просил принять меры к разысканию Милезимо, – ответил ей Андрей Иванович и при этом подумал:

"Что же это? Никакого смущения? Ни волнения, ни испуга не видно на лице княжны? Я думал поразить её известием, что Милезимо пропал... Или княжна хитра и скрытна, или все слухи о её отношениях к красавцу Милезимо – ложь".

– При чём же мой отец? – спросила в этот момент княжна. – Отыскать Милезимо, напасть на его след – это дело полиции и сыщиков.

– Я желал бы, ваше высочество, посоветоваться с князем Алексеем Григорьевичем, услышать его мнение об этом деле... Ведь граф Вратислав настоятельно требует, чтобы Милезимо был разыскан.

Однако княжна решила спокойно довести до конца взятую на себя роль, а потому холодно возразила:

– Странно... Милезимо мог уехать на свою родину.

– Этого, ваше высочество, быть не может. Граф не поедет прямо с бала за тысячу вёрст.

– Да, да, вы правы. Так что же могло случиться с ним? – задумчиво проговорила княжна Екатерина.

– Вот это-то и надо узнать, ваше высочество! Очень жалею, что не застал вашего батюшки! Хотел спросить его совета, но, к сожалению, должен спешить.

Андрей Иванович откланялся царской невесте и, пообещав заехать для переговоров с князем Алексеем Григорьевичем в другой раз, уехал.

– Это – непременно дело отца и брата Ивана; они куда-нибудь спровадили Генриха и, наверное, томят его в неволе. Бедный мой Генрих! Надо во что бы то ни стало спасти его, выручить. Я... я заставлю отца выпустить Генриха! – тихо проговорила княжна Екатерина, с волнением расхаживая по своей горнице.

Через несколько времени вернулся домой её отец и, тотчас заметив её волнение, нежно спросил:

– Катюша, царевнушка моя, ты как будто чем встревожена? Что с тобою?

– Со мною-то ничего, а вот вы скажите, что сделали с графом Милезимо? – резко ответила княжна, пристально посмотрев на него.

– Что такое? Что ты говоришь, Катюша? – притворяясь удивлённым, воскликнул князь Алексей.

– Ах, пожалуйста, не притворяйтесь, это ни к чему не приведёт. Лучше говорите, куда вы припрятали Милезимо?..

– Почём я знаю? Я, право, удивляюсь, зачем ты говоришь это.

– Я требую, чтобы вы сейчас же сказали мне, где Милезимо! Вы безусловно знаете это, так как именно вы прямо с придворного бала приказали увезти куда-то Генриха. Остерман только что был здесь и сделал мне явные намёки на это. Батюшка, вы нехорошее дело задумали! За Милезимо вступился граф Вратислав; он требует, чтобы Генрих был

разыскан.

– А мне-то какое дело?.. Пусть разыскивает.

– Повторяю, не притворяйтесь! Это вы припрятали Генриха и, наверное, держите его в неволе. Догадаться об этом нетрудно: вы боитесь Милезимо из-за его любви ко мне! Да, вы боитесь, чтобы не вышло скандала, чтобы Генрих не отбил меня у царя-мальчика. А это возможно...

– Катерина, опомнись! – с ужасом воскликнул князь.

– Да, да, возможно!.. Ведь я сама люблю Генриха и, если нужно будет, скажу о том даже самому жениху-государю, – твёрдо проговорила княжна Екатерина.

– Молчи, молчи; подслушать могут.

– Если вы не выпустите Генриха, я на всё пойду, ни пред чем не остановлюсь! Не думайте, что меня прельщает возможность стать императрицей, что это сделает меня счастливой. Нет для меня счастья, вы, отец, отняли его у меня!.. Вы разбили мою жизнь, а теперь хотите сделать несчастным и Генриха. Но это вам не удастся. Говорите же, куда вы припрятали Генриха? Вы молчите? Хорошо, я сейчас же пойду к государю и повинюсь ему, что выхожу за него без любви, что я люблю другого, – и, проговорив эти слова, княжна быстро направилась к двери.

– Остановись, безумная! Я скажу тебе, где Милезимо. Он в Горенках; это я приказал свезти его туда, – с глубоким вздохом ответил Алексей Григорьевич.

– Сейчас же пошлите приказ выпустить графа и привезти в Москву. Не бойтесь: Милезимо вам не помешает... Сегодня вы его выпустите, а завтра он навсегда уедет из Москвы.

– Уедет ли, Катюша?

– Я говорю: уедет. Что ещё вам нужно? Пошлите же приказ выпустить Милезимо! – голосом, не допускающим возражения, сказала отцу княжна.

– Сейчас, сейчас! – покорно ответил князь.

Между тем граф Милезимо томился в своём заключении и никак не мог примириться с грубой русской пищей; к щам и каше он питал чуть ли не отвращение. Когда ему надоело сидеть под замком, он принимался

барабанить в дверь руками и ногами. Входил дворецкий Евсей, и между ними начиналось препирательство.

– Ну что вам надо? – спросил при одном из таких посещений старик. – Что вы безобразите? А ещё граф!

– Молчать, старый дурак! – крикнул на него Милезимо. – Я не хочу сидеть взаперти!.. Понимаешь, не хочу, мне надоело. Выпусти меня!.. Я озолочу тебя...

– Это невозможно...

– Почему? Ведь это от тебя зависит.

– Если бы от меня зависело, я давно отпустил бы вас. Зачем вы мне? С вами один только грех! Но ведь, выпусти я вас, мой князюшка прикажет батогами забить меня до смерти. Не дай Бог ему поперечить. Он теперь и-и какой большой человек!.. Шутка ли: будущий тесть государя!..

– Это я, старик, знаю и без тебя. Ты вот скажи, когда меня твой князюшка из неволи выпустит?

– Думаю, что скоро; зря держать не будет.

– Трус твой князь, меня боится; привык делать всё подлостью, обманом. Но его поступок со мною даром ему не пройдёт. Я вызову его на дуэль и непременно убью.

– Так он и примет ваш вызов! – полупрезрительно произнёс старик дворецкий.

– Я заставлю его принять, заставлю!

Подобные разговоры довольно часто происходили между Милезимо и дворецким, точно исполнявшим приказ своего барина, а иногда кончались бранью, доходившей чуть не до драки; взбешённый граф бросал в старика Евсея всем, что попадало ему под руку; дворецкий обыкновенно ретировался в дверь и, прихлопнув её, запирали на замок. Если Милезимо ломился в дверь, Евсей грозил ему связать руки и спустить в подвал. Эта угроза оказывала своё действие, и граф уступал и успокаивался.

Однажды, когда граф страшно скучал в заключении, к нему вошёл Евсей и отрывисто проговорил:

– Одевайтесь, ваше сиятельство, вас сейчас повезут в Москву... Его сиятельство, князь Алексей Григорьевич, выпускает вас на свободу; уже прислана карета из Москвы, с княжеского двора.

– Не верится мне что-то!.. Нет ли тут опять западни? Может, меня вместо Москвы завезут в какую-нибудь глушь... Ну да, впрочем, посмотрим, – несколько подумав, проговорил граф и стал поспешно одеваться.

В той самой карете, в которой привезли Милезимо в Горенки, отвезли его в Москву.

Граф Вратислав был сильно возмущён поступком Долгорукова с его родичем Милезимо, грозил чуть ли не разрывом дипломатических отношений Австрии с Россией, так что Остерману стоило немалого труда уговорить его, а также графа Милезимо, покончить дело миром. Милезимо настаивал на удовлетворении и только тогда согласился примириться с Алексеем Григорьевичем, когда тот разрешил ему последнее свидание с княжною Екатериной. Однако ему было поставлено неизменным условием тотчас же покинуть Россию.

Чтобы проникнуть во дворец, в апартаменты княжны Екатерины, графу Милезимо пришлось выбрать поздний вечер, закутаться в женскую шубейку и прикрыть лицо густым вуалем. Любимая горничная княжны, посвящённая в её сердечные тайны, ввела Милезимо в её горницу.

Княжна была заранее предупреждена отцом об этом свидании. Сперва она никак не могла понять, почему отец согласился на это, и спросила его об этом.

– Мне волей-неволей, чтобы избежать огласки, а может быть, и чего-либо худшего, пришлось согласиться на это свидание! – гневно сверкая глазами, произнёс князь Алексей. – Ведь этот сорванец Милезимо грозился вызвать меня на дуэль и убить, если я не соглашусь на это свидание с тобою. Но помни, оно должно быть последним.

– Ах, вот как, батюшка?.. Ну, теперь я понимаю. Генрих купил у вас это свидание и, как видно, дорогой ценою. Вы поступили с ним, как с холопом, как с невольником, держа его под замком, и взамен удовлетворения, которое вы обязаны были дать ему, он выторговал у вас

свидание со мною. Ах, вы не... – резкое слово готово было сорваться с уст княжны, но она вовремя опомнилась и воскликнула: – Бедняжка Генрих! Сколько он выстрадал из-за меня!.. Но я сумею вознаградить его за это!..

– Что ты говоришь, Катюша?

– Говорю, что за всё то зло, какое вы причинили ни в чём не повинному Генриху, мне придётся вознаградить его. И это я сделаю, сделаю!..

– Катюша!..

– Довольно, батюшка, довольно об этом! Оставьте меня; мне надо побыть одной, собраться с мыслями.

– Я уйду, Катюша, уйду; только об одном прошу; не забудь, что ты – обручённая невеста императора! – И князь-отец медленно вышел из комнаты дочери.

Едва затихли его шаги, княжна со слезами сказала:

– Господи!.. И это – отец, отец! Он торгует моими чувствами! Он смотрит на меня не как на живое существо, а как на бездушную вещь, которая приносит пользу ему, его честолюбию... Он произвольно распоряжается мною... Я жить хочу, жить, а мне калечат жизнь. Готовят в жёны мальчику!.. К чему мне царство, когда мне нужна любовь?

Долго ещё убивалась так княжна, но затем постепенно стала утихать под влиянием мысли о предстоявшем свидании с любимым человеком.

Всё более приближался вечер, и наконец в комнату царской невесты вошёл граф Милезимо.

С какою радостью, с какою страстной любовью встретила его княжна!

– Милый, милый!.. Ты пришёл!.. Как я рада, как счастлива! Ты со мною, со мною, мой Генрих! – воскликнула она.

Граф, стоя пред нею на коленях, покрывал её руку бессчётными поцелуями.

– Уедем отсюда, убежим! Увези меня, голубчик!.. Я с тобою готова бежать на край света... Возьми меня! Без тебя мне нет жизни, – страстным голосом говорила княжна, обнимая Милезимо.

– О, с какой радостью я увёз бы вас, княжна, к себе на родину, с каким восторгом назвал бы вас своей милой женой!.. Но – увы! – теперь

сделать это невозможно, невозможно... Ведь вы – царская невеста.

– Ах, я и забыла об этом или, вернее, хотела забыть! Да, ты прав, Генрих, теперь и думать нечего о побеге: я – царская невеста. Но только женою государя я едва ли буду... Ведь император не любит меня; его, бедненького, чуть не силою хотят женить на мне, и чувствую я, что все эти затеи моего отца и родичей окончатся довольно печально. Сердце говорит мне, что царицей я никогда не буду.

– О, если бы так было!..

– Так и будет, Генрих.

– О, в таком случае я не уеду из Москвы и стану ждать.

– Нет, Генрих, нет; на время тебе необходимо ехать, иначе мой отец опять запрячет тебя куда-нибудь, а может быть, и того хуже – изведут тебя, и ты погибнешь.

– Я не боюсь, княжна, ни твоего отца, ни других своих врагов.

– Знаю, Генрих, ты – герой; но ведь твои враги в открытый бой с тобой не вступят, они из-за угла погубят тебя. Когда ты хочешь ехать на родину? – спросила княжна Екатерина, подавив глубокий вздох.

– Ранним утром.

– Поезжай, мой Генрих, увози мою любовь с собою. О, как я люблю, как люблю тебя!..

Ещё долго и страстно говорили влюблённые. Во дворце все уже давно спали, только не спалось князю Алексею Григорьевичу; он несколько раз тихо подходил к запертой двери комнаты дочери и прикладывал к двери ухо, стараясь услышать разговоры княжны с Милезимо; но их разговор не доходил до ушей встревоженного князя Долгорукова.

– Что же это? Скоро ли они кончат говорить? – бормотал он. – Постучаться в дверь боюсь – не наделать бы переполоха. Ох уж мне эта Катерина! Не будь она царской невестой, задал бы я ей трезвону! Хорошо моё положение, нечего сказать! Дочь милуется со своим возлюбленным, а я, как часовой, у дверей стою, не смея нарушить их беседу... Ну, если кто узнает, что в горнице у дочери находится этот заморский пройдоха Милезимо? Ведь тогда всё, всё погибнет! Чу,

кажется, целуются! Видно, прощаются. Так и есть!

Едва лишь князь успел отскочить от двери и спрятаться, из горницы княжны Екатерины поспешно вышел граф Милезимо в женской шубейке и под густым вуалем. В следующей комнате дворца его встретила доверенная горничная княжны и проводила его до дворцовых ворот. Здесь графа Милезимо дожидались расписные сани, запряжённые тройкой лихих коней, и на них он на следующее утро против своей воли выехал навсегда из Москвы на Родину.

IX

На окраине Москвы, недалеко от Тверской заставы, в глухом переулке одиноко стоял полуразвалившийся домик с двумя небольшими оконцами, в которых вместо стёкол были пузыри. Он принадлежал старухе Марине, с незапамятных времён поселившейся в нём.

Кто была старуха Марина, откуда она появилась – никто из её соседей не знал. По складу своего лица, по чёрным, несмотря на пожилые годы, волосам и по выразительным глазам, не потерявшим своего блеска, она мало походила на русскую. Это скорее была жительница Востока, хотя по-русски она говорила без примеси какого-либо акцента.

Марина одевалась всегда в лохмотья и жила в своей хибарке не одна, а с внучкой – стройной и красивой девушкой лет семнадцати, по имени Маруся.

Какого происхождения была Маруся, чья она дочь, тоже никто не знал. Лет шестнадцать тому назад Марина откуда-то принесла к себе в хибарку годовалую девочку, сама вскормила её и ухаживала за своей "внучкой", как самая нежно любящая мать, и в шестнадцать лет Маруся расцвела, как майская роза. Старая Марина любила свою красавицу, и Маруся платила ей тем же. Сама Марина одевалась чуть ли не в рубище, внучку же одевала, как купеческую девицу или боярышню.

Марина и её внучка ни с кем из соседей не были знакомы, всех они сторонились, а равным образом и все жители околотка чуждались "старой колдуньи" и её внучки.

Колдуньей Марину называли за то, что она хорошо умела ворожить и гадать о будущем, и слава о её гадальном искусстве была большая. Очень часто около её хибарки останавливались богатые кареты и рыдваны с ливрейными лакеями: Мариной не брезговали люди знатные и "великие люди мира сего", которым хотелось узнать про свою судьбу. Ездили к ней и боярыни, ревновавшие своих мужей и желавшие что-нибудь узнать про своих соперниц; бывали у неё и боярышни молоденькие, горевшие желанием скорее поразведать про своего суженого. Но не всех принимала Марина, и многим приходилось ни с чем отъезжать от её ворот.

Однажды утром Марина отправила свою внучку на базар купить что-то из съестного, сама же стала топить печь и готовить кушанье. Прошло довольно времени, а Маруся всё ещё не возвращалась. Старуха стала беспокоиться, и в конце концов решила сама отправиться на поиски внучки. Однако, едва переступив порог своего жилища, она увидела Марусю, с бледным, испуганным лицом бежавшую к хибарке.

– Бабушка, скорее ворота на замок, за мною гонятся, – задыхающимся голосом проговорила красавица.

– Кто гонится? – спросила у внучки старуха Марина, запирая засовом ворота, а также и дверь в свою хибарку.

– Какие-то парни. Домой я возвращалась переулками, где поближе, а тут и напали на меня какие-то трое озорников; я от них бежать; они за мной и прохода не дают; я кричать, звать на помощь, да, на беду, на улице народа-то нет. И плохо мне, бабушка, пришлось бы, если бы, на моё счастье, не вступился за меня какой-то прохожий офицер; озорники немного поотстали, а я с офицером дошла до нашего переулка и пустилась бежать; парни-то хотели за мною, да офицер обнажил свою саблю, грозился, видно, зарубить их... Фу!.. Никак дух не переведу!.. Страсть как измучилась.

– Спасибо офицеру... А кто он, не знаешь?

– Не знаю! Собой нарядный, с лица пригожий, ласковый...

– Ты бы спросила, кто, как звать...

– И, что ты, бабушка! Уж время ли мне было о том спрашивать?

В этот момент в ворота хибарки послышался стук.

– Бабушка, стучат... кто бы это? – меняясь в лице, с испугом проговорила Маруся.

– Чего ты в лице-то изменилась? Чего испугалась? Не бойся, я сумею защитить тебя, в обиду никому не дам! Пойду-ка узнаю, кто стучит в ворота.

– Не отпирай, бабушка, не отпирай!.. Может, это стучат те парни, что гнались за мною.

– Не бойся, Маруся, не бойся! В обиду я тебя не дам.

– Сама я с тобой, бабушка, пойду к воротам.

Обе они вышли во двор.

– Кто стучит? Что надо? – не совсем ласково спросила Марина, не отпирая ворот.

– Не сюда ли укрылась девушка, на которую недавно напали какие-то парни? – послышался голос за воротами.

– Бабушка, отпирай скорее, это – он! – задыхающимся от волнения голосом проговорила молодая девушка, торопя Марину скорее отпереть ворота. – Это – офицер, что защитил меня от озорников; я по голосу его узнала. Да что же, бабушка, не отпираешь?

– Отоприте, не со злом к вам пришёл! – послышался тихий голос за воротами.

Маруся отодвинула засов и отворила ворота. Она не ошиблась: у ворот стоял "ласковый" офицер, вступившийся за неё на улице.

Это был Лёвушка Храпунов. Прогуливаясь по Тверской, он случайно стал свидетелем, как полупьяные парни напали с пошлыми любезностями на проходившую с базара Марусю, вступился за девушку и наказал озорников, ударив их плашмя своею саблею. Необычайная красота Маруси произвела на Храпунова сильное впечатление; ему непременно захотелось узнать, кто эта девушка, и познакомиться с нею; он разглядел, в какие ворота юркнула красавица незнакомка, и, разделавшись с озорниками, поспешил к тем же воротам.

Проходя глухим переулком, Храпунов встретил какого-то горожанина и спросил его:

– Ты, добрый человек, не здешний будешь?

– Здешний, ваша милость, в этом переулке у меня есть домишко, – ответил ему горожанин.

– Так ты, наверное, знаешь, кому принадлежит этот домишко и кто в нём живёт? – и Лёвушка показал на Маринину хибарку.

– Как не знать, господин честной? В этой хибарке живёт колдунья, Мариной её звать, и она, как колдунья и гадалка, и-и как славится!

– Что же, она одна живёт?

– С внучкой.

– Это не та ли, такая красавица девушка, так чисто одетая, что сейчас в ворота вбежала?

– Она и есть, господин честной... Точно, колдуньяина внучка с лица куда красовита. Одно слово, загляденье девка.

– А как её звать?

– Марусей, сиречь Марьей... Но мы все её русалкой называем. Уж очень она на русалку походит, особенно как свои косы распустит, что до самых пят доходят! Наденет на себя белый сарафан, распустит волосы, ну, как есть настоящая русалка.

– Спасибо, добрый человек, за сообщение, я пойду к колдунье, – и Лёвушка направился было к жилищу Марины.

– Ой, не ходи, господин честной, не ходи! Опутает тебя старая колдунья со своей внучкой-русалкой, околдует тебя... Лучше не ходи! – предостерегал Храпунова горожанин.

– Ни колдуний, ни русалок я не боюсь, – с улыбкою ответил Лёвушка и направился к воротам Марины.

– Эх, молодость, молодость! И до чего она доводит: ради красивой девки в колдуньино логовище пошёл, – поглядывая вслед Храпунову, с соболезнаванием проговорил горожанин.

– Бабушка, вот этот господин спас меня на улице от озорников, – поспешно сказала бабке Маруся, показывая на вошедшего к ним во двор

Храпунова.

– Спасибо тебе, господин офицер, большое спасибо, что внучку мою не дал в обиду! – низко кланяясь Лёвушке, проговорила Марина. – Если не побрезгуешь, то зайди в нашу хибарку!

– Очень рад, бабушка! Устал я, так хоть немного отдохну у вас.

Храпунов переступил порог жилища; оно ничем не напоминало, что в нём живёт старая колдунья с молоденькой внучкой-"русалочкой".

Хибарка Марины отличалась большой опрятностью; не было там ни филина, ни чёрного кота – обычных атрибутов колдовства. В красном углу на полке стояли иконы в серебряных окладах; пред ними теплилась лампада; стены были чисто выбелены, пол тщательно вымыт. Посреди горницы стоял резной дубовый стол, а по стенам широкие скамьи, покрытые сукном. Перегородка разделяла горницу на две половины. Во второй горнице было так же чисто, как и в первой; там стояли две кровати с чистыми пологам и со стёгаными одеялами; на одной спала Марина, на другой – Маруся; у неё кровать была покрыта атласным одеялом, а перина и подушки на лебяжьем пуху; тут же стояли и укладка, кованная железом, с нарядами Маруси, и поставец с посудой, в числе которой были серебряные кубки и братины.

– Как у вас хорошо, какой порядок! – осматривая горницу, с удивлением воскликнул молодой офицер.

– Уж какое хорошо!.. В убожестве живём, – скромно заметила Марина, усаживая нежданного гостя в передний угол, на почётное место, и обратилась к внучке: – Ну что же ты, хозяйка молодая, сидишь молча, гостя желанного не угощаешь? Собери-ка закусить гостю дорогому, а я схожу на ледник, бражки да медка принесу. А может, винца желаешь, господин офицер? И винцо у нас найдётся хорошее...

– Не хлопочи, Маринушка, пожалуйста, не хлопочи, – проговорил Храпунов.

– Ты знаешь, как и звать меня? – удивилась старуха.

– Знаю. Знаю также, как и внучку твою звать.

– Ты, ты знаешь, как меня звать? – удивляясь, спросила Маруся у

Лёвушки. – Как ты узнал, господин, как звать меня и бабушку?..

– А я – колдун, всезнайка, – засмеялся Храпунов.

– Тебе, батюшка, наверное, кто-нибудь из наших соседей сказал, ведь так? Чай, меня колдуньей старой называли, а внучку – русалкой?

– Так, так.

– И после таких слов ты в нашу убогую хибарку войти не побоялся? Смел же ты, господин!

– Таким уж уродился.

– Ну, я на время выйду, а ты, Маруся, не заставляй гостя скучать, – и, сказав это, старуха Марина вышла.

– Скажи, Маруся, ты давно живёшь здесь с бабушкой? – спросил у молодой девушки Храпунов.

– Давно, очень давно!.. Мне был только год, когда бабушка взяла меня к себе.

– А отца и мать ты помнишь?

– Нет, не помню.

– Верно, отец и мать твои умерли?

– Не знаю.

– Как, ты даже не знаешь, живы ли они? – с удивлением спросил Храпунов. – Разве Марина не говорила тебе?

– Нет, не говорила.

– И про то не говорила, кто твои родители?

– Не говорила, – отрывисто ответила ему Маруся, которой, очевидно, стали надоедать эти вопросы.

– Странно, странно!

– И странного ничего нет. Ведь я – русалочка; какие же могут у меня быть отец и мать? Ты, господин, не веришь, что я – русалка, не веришь? – задорно спросила Маруся у Храпунова.

– Не верю, не верю, – с улыбкой ответил ей Лёвушка, не спуская влюблённых глаз с красавицы.

Маруся заметила это, и самодовольная улыбка промелькнула на её красивых губках.

– Смотри, господин, бойся меня; я – русалка и могу утащить тебя в своё подводное царство.

– Что же, Маруся, с тобою я с радостью пойду туда, да и всюду, куда ты поведёшь!

– Что? Или я уже прельстить тебя своей красотой успела? – прожигай Лёвушку страстным взглядом, спросила красавица.

– Довольно одного взгляда на твою красу, одной твоей улыбки, чтобы полюбить тебя.

– Вот так девка, сразу покорила парня... да ещё какого, офицера! – громко рассмеявшись, проговорила Маруся и быстро стала собирать угощение.

На столе очутились пироги, жареный гусь, яйца, мясо и другое съестное. Скоро вернулась с ледника и Марина, принёсшая флягу с вином, жбан браги хмельной и ендову с мёдом.

С удивлением смотрел молодой офицер на стол, уставленный разными яствами и питием.

"Такое угощение иметь дай Бог каждому! Ишь понаставили; живут в лачуге, а пьют и едят, как в палатах каменных. Странные, загадочные они люди, непонятные. Но я постараюсь отгадать эту загадку", – подумал Лёвушка.

А в это время Марина обратилась к нему:

– Ну, гость дорогой, прошу покорно хлеба и соли откусать. Маруся, что стоишь? Кланяйся, проси гостя.

– Не угощай, хозяйка ласковая, я и без угощения стану пить и есть, – проговорил Храпунов и принялся за пирог и за жирного гуся, запивая их брагой и вином, а затем вдруг, прекращая есть, воскликнул: – Постой, постой, хозяйка!.. Что-то лицо твоё мне знакомо. Я где-то тебя видал. Да, да... Дай Бог памяти!.. Вспомнил, вспомнил!.. Я видел тебя в палатах Шереметевых во время обручения князя Ивана Долгорукова с Натальей Шереметевой; ты была с цыганами, ещё князю Ивану предсказала казнь... Ведь так?

– Ошибся, господин, сроду я в шереметевских палатах не бывала, – тихо

ответила Марина, заметно растерявшись.

– Нет, нет, ты была там, я узнал тебя. Да ты не бойся: тебя я не выдам. А хорошо, что ты улизнуть тогда успела!.. Иначе плохо пришлось бы тебе.

– Коли ты узнал, таиться не буду; правда, я тогда нечаянно попала в графские хоромы и жениху, князю Ивану, судьбу его нагадала.

– И князь Никита Трубецкой подучил тебя попугать Ивана Долгорукова, про казнь ему сказать. Ведь так?

– Не знаю, с чего ты, господин, князя Никиту припутал. Он ничему меня не подучал, а если я молвила Ивану Долгорукову, что его ждёт казнь лютая, то от этих слов я и теперь не отступаюсь. Недаром меня колдуньей называют. Слова мои вещие: они сбудутся, не минуются.

Пока Храпунов говорил со старухой, Маруся ушла за перегородку и скоро вышла оттуда в совершенно другом наряде: на ней был надет белый глазетовый сарафан, тонкой кисеи рубашка облегла её чудный стан, длинные волосы были распущены и лежали пышными прядями на плечах. Она тихо подошла к Лёвушке и, положив ему руку на плечо, с улыбкою проговорила:

– Русалка пришла за тобою... хочет вести тебя в подводное царство.

Храпунов обернулся, и крик восторга вырвался у него. В этом наряде Маруся была похожа не на русалку, а на чудное, неземное существо.

Х

Храпунов стал бывать в хибарке Марины чуть не каждый день, так как страстно увлёкся её чудной внучкой. В Марусе было много таинственного, непонятного; по красоте и нежности своего лица, по обхождению и разговору она вовсе не походила на простую девушку; по всему видно было, что её отец и мать были не простыми людьми.

Сама Маруся ничего не знала о своём происхождении, и хотя много раз спрашивала об этом у Марины, но последняя отвечала уклончиво и лишь однажды сказала следующее:

– Придёт время, узнаешь, всё узнаешь.

- Да когда же, бабушка, придёт это время?
  - Теперь скоро придёт, внучка милая, потерпи.
  - Об одном хоть скажи, бабушка: живы ли мои отец с матерью?
  - Отец жив, а мать... давно умерла, – отрывисто ответила Марина и стала кутаться в свои лохмотья, готовясь уйти.
  - Но скажи мне по крайней мере, как звали мою мать? Я стану молиться за её душу.
  - Её звали так же, как и тебя, то есть Марьей.
  - А как зовут моего отца? Хотя я и не знаю его, ни разу не видела, а всё же, по Божьему закону, должна о здравии отцовском молиться.
  - Этого я тебе не скажу, Маруся, да и молиться за него нечего: он не стоит твоей молитвы, не стоит, – сурово проговорила старая Марина. – Он – знатный, важный барин, но злой и нехороший. Он бросил, совсем забыл о тебе. У него есть другие дочери, тех он любит. Да, да, он злой; сам знатен и богат; живёт в палатах каменных, что дворец, а свою дочь – тебя, Маруся, – заставил жить в лачуге.
  - Но за что же отец не любит меня? Что я сделала ему? Ведь он меня не знает, как и я – его.
- Крупные слёзы блеснули на красивых глазах Маруси.
- Придёт время, всё, всё узнаешь.
  - Бабушка, теперь мне и горько, и больно ждать!.. Лучше бы ты мне ничего не говорила.
  - И не сказала бы, если бы ты с вопросами не пристала. Ну да полно говорить об этом!.. Лучше скажи мне про офицера, который так часто повадился к нам ходить.
  - Что же про него мне говорить? – вся вспыхнув, ответила Маруся.
  - Зачем он повадился ходить? Уж, конечно, не ради меня ходит он к нам, а ты пришлась ему по нраву; влюбился он в тебя.
  - Что же... пусть его.
  - Сдаётся мне, внучка милая, что и ты его полюбила? – с улыбкой промолвила старая Марина.
  - Не скажу, бабушка, что я Леонтия крепко полюбила, но всё-таки он

нравится мне, – откровенно призналась Маруся. – Он такой добрый, ласковый и собой пригожий. Нетрудно и полюбить такого молодца.

– Смотри, Маруся, берегись! Если офицер станет говорить, что любит тебя, – не верь его ласковым словам, не поддавайся. Лживы все молодцы – только и норовят, как бы честь девичью сгубить. А с этим Левонтием и ещё осторожнее быть надо: недаром он с Долгоруковым Иваном дружит.

– Так что же?

– А то, что Долгоруковых, как огня, тебе бояться надо; они – наши злодеи. И твой Левонтий с ними заодно, их единомышленник. Не любить тебе бы его надо, а бояться. А если до любви у вас дошло, пусть Левонтий женится на тебе.

– Пара ли я ему, бабушка? Он – офицер, дворянин, а я – сиротинка безродная, – с глубоким вздохом промолвила красавица Маруся.

– Ты по своему роду, может, много выше его. Ну так вот, помни мой сказ! Пойду я теперь, а ты, Маруся, смотри: придёт твой офицер, подальше от него держись, много ему не доверяй.

– Эх, бабушка, плохо же ты меня знаешь! Себя я помню, и честь свою я берегу.

Марина вышла из своей хибарки, Маруся проводила её, а затем, заперев ворота, вернулась в горницу.

Начинало темнеть. Молодая девушка зажгла ночник и села, пригорюнившись, к столу.

Невесёлые, нерадостные мысли бродили у неё в голове. Слова "твой отец и знатный, и богатый" запечатлелись у неё на сердце.

"Отец знатный, богатый; а кто же моя мать? Бабушка про то ничего не говорит. Только и сказала, что моя мать умерла и что звали её Марьей. А кто была она – я не знаю... Надо непременно поразведать, поразузнать. Правда, бабушка обещала сказать, но когда скажет? Легко ли ждать? За отца мне молиться не велела. "Он, – говорит, – злой и немало тебе наделал зла". Какой же отец учинит зло родной дочери? Нет, думается мне, что все мои наряды идут от отца, да и едим и пьём мы сладко – тоже на отцовы деньги. Ведь бабушке взять негде; наверное, отец нам

помогает".

Тут размышления молодой девушки были прерваны тихим стуком в ворота.

Маруся вздрогнула, но всё же решила подойти к воротам и спросила:

– Кто стучит?

– Это – я... я, Маруся...

Девушка узнала знакомый голос и отперла ворота.

– Здравствуй, моя голубка! – весело произнёс Храпунов, входя в сопровождении Маруси в горницу.

– Здравствуй, господин!

– Что это значит, Маруся? Ты называешь меня "господин"?

– А как же мне звать тебя?

– Зови просто Лёвой, Леонтием.

– Не подобает мне так звать тебя. Ведь ты мне – не брат, не родич.

– Я – преданный тебе друг... даже больше: я – твой жених. Хоть и не говорил я ещё с тобой об этом, но уже давно порешил в душе стать твоим женихом!

– Жених? Ты – мой жених? – притворно удивляясь, воскликнула молодая девушка. – Смеёшься ты надо мною, смеёшься! – укоризненно добавила она, а сама чуть не задохнулась от радости при неожиданном предложении Лёвушки.

Она чувствовала, что её сердце готово было выпрыгнуть из груди; вся она всеми помыслами тянулась к Лёвушке, так как искренне полюбила его, но в этот момент на неё всё же оказывали влияние предостерегающие слова бабушки Марины, и она решила проверить искренность любви к ней Храпунова.

Между тем он, услышав её замечание, с недоумением, в котором слышалась и укоризна, воскликнул:

– Я?... Я смеюсь? Да что ты, Маруся?

– Разумеется, смеёшься. Да разве женишься ты на убогой сиротинке?

– А ты одно скажи, Маруся: хочешь быть моей женою? По нраву ли тебе я? – и Храпунов страстно взглянул на девушку.

Этот взгляд яснее слов сказал Марусе, что её милый действительно искренне любит её. Её глаза вспыхнули, лицо зарделось нежным румянцем, и она, потупившись, смущённо произнесла:

– Что спрашиваешь?

– Ты меня любишь, любишь, Маруся? Ведь так? – весь горя страстью, спросил Лёвушка.

– Люблю... Разве можно не полюбить тебя?

– А если так, то пусть пред Богом и пред людьми ты будешь моей невестой. Где твоя бабушка? Я и ей сейчас скажу об этом!..

– Она скоро придёт... Милый, милый, вижу, любишь ты меня честною любовью. А всё же скажу, Лёвушка: не спеши на мне жениться. Обдумай, пара ли я тебе. Ведь ты меня совершенно не знаешь... Кто я? Чья дочь?

– Я люблю тебя, Маруся, и этого довольно. Нет, голубка, свадьбу откладывать я не буду. Правда, про наш союз до времени никто не будет знать – на царской службе я, и много ещё мне и на ней, да и в родной семье устроить надо, чтобы нам своим домком открыто да свободно зажить можно было; но мы всё-таки повенчаемся где-нибудь в подмосковной церкви.

– Боюсь я, Лёвушка, этой спешки!

– Чего же медлить? Ты меня любишь, я тебя тоже; нам суждено принадлежать друг другу. Недели через две и будет наша свадьба. Откладывать надолго нельзя, Маруся! Наш государь в Москве пробудет недолго: после венчания с княжной Екатериной он решил со всем двором в Питер ехать, и мне тогда придётся тоже ехать...

– И меня, Лёвушка, с собою возьмёшь?

– Неужели здесь оставлю? Уж и заживём же мы с тобою! Счастье-то, счастье какое у нас будет! – с увлечением проговорил молодой офицер и крепко обнял Марусю.

Однако девушка ловко выскользнула из его объятий и, вся вспыхнув, проговорила:

– Тороплив ты очень, Лёвушка! Ведь я ещё не жена тебе.

– Скоро и женою будешь.

– Тогда и обнимай, а пока... – и Маруся шаловливо сделала "нос" своему Лёвушке.

Он весело засмеялся, любовно смотря на девушку, а затем стал собираться уходить.

– Пора мне, Маруся.

– А ведь ты хотел бабушку дождаться?

– Спешить мне, голубка, надо; завтра приду и с твоей бабушкой переговорю о нашей свадьбе.

– Приходи, голубчик, буду ждать! А сегодня я провожу, Лёвушка, тебя. Уж очень не хочется мне расставаться с тобою!

– Ох, Маруся, лучше не ходи... Как же одна ты будешь возвращаться?

– Ведь не поздно, да и провожу я тебя недалеко; а может, и бабушку мы встретим.

Храпунов и Маруся вышли из хибарки, которую девушка заперла на замок.

На дворе был небольшой мороз. Только что настал вечер, и луна величаво выплыла из-за облаков, отражая бесчисленными бриллиантами свой свет на мёрзлом снегу.

Влюблённые в разговоре и не заметили, как, пройдя глухой переулок, вышли на Большую Тверскую улицу. Вечер был заманчив, погода располагала к прогулке; Марусе не хотелось возвращаться домой, и она решила ещё немного проводить жениха.

Пройдя несколько по Тверской, они услышали сзади себя конский топот, весёлый крик и, быстро обернувшись, увидели бешено скакавшую тройку лихих коней, запряжённых в дорогие сани. В них сидел подгулявший князь Иван Долгоруков; он не то пел песню, не то так кричал, сам не зная зачем.

Эта неожиданная встреча была очень неприятна Храпунову: он знал дикий нрав князя Ивана Алексеевича в те моменты, когда тот предавался разгулу. Тогда князь Иван Алексеевич не знал удержу своему самодурству и, так как очень любил женское общество, не давал проходу ни одной приглянувшейся женщине или девушке, несмотря на то, что они

были совсем незнакомы ему. Немало проделок такого рода числилось за ним, но всё сходило ему с рук ввиду исключительной близости к императору. Лёвушке всё это было известно, а потому он испугался за свою Марусю – за то, что князь Иван может причинить ей обиду, а потому, обращаясь к своей спутнице, быстро проговорил:

– Маруся, укутай своё лицо; нас догоняет Иван Долгоруков, он наверняка узнает меня и, боюсь, привяжется ко мне. Увидит он твою красоту и Бог знает чего натворить может. Лучше, чтобы он не видал тебя!

Лёвушка не ошибся; когда сани поравнялись с Храпуновым и Марусей, князь Иван узнал своего приятеля и крикнул своему вознице, ударяя его в спину:

– Стой, стой, дьявол!

Кони встали, и князь Иван, быстро выскочив из саней, подбежал к Храпунову.

– Лёвушка, ты ли?.. Да и не один? Вот так скромник! Ну, показывай скорее свою кралю! – громко крикнул он и, близко подойдя к Марусе, стал нагло осматривать её. – Как тебя звать, сударушка? Да что ты кутаешь своё личико? Небось не сглажу!

Князь Иван протянул было свою руку, чтобы приподнять с лица Маруси платок, которым она низко покрылась.

– Оставь её, Иван! – громко проговорил Лёвушка, отстраняя руку Долгорукова.

– Оставлю, когда разгляжу, что за кралю подхватил ты...

– На, смотри, если тебе нужно, – приподнимая со своего лица платок, сердито сказала Маруся, возмущённая этим приставаньем и, несмотря на предупреждения жениха, решившаяся дать отпор наглецу.

– Ай, ай, какая красавица!.. Где ты такую подхватил, Лёвушка? – с восхищением проговорил князь Иван. – И не стыдно тебе? Что же ты от меня утаил, что у тебя есть такая краса?.. Боишься, что отобью? Да что же ты молчишь? Скажи, давно ли нашёл такую кралю?

– Князь, садись в сани и поезжай своей дорогой, а нас оставь. Завтра я

тебе обо всём расскажу, а теперь не тревожь нас, – резко промолвил Храпунов.

– Оставить вас? Ни за что на свете! Нет, приятель-скромник, теперь от вас я не отстану; куда вы, туда и я. Ну, чего хмуришься, Лёвушка? Скорее знакомь меня со своей сударушкой, не то отоблю!..

– Ох, князь, не ошибись: едва ли тебе отбить меня у Лёвушки придётся, – проговорила Маруся, и гневом сверкнули её красивые глаза.

– Ой, ой! Да ты, как видно, из бойких! Люблю таких! Брось Лёвушку, садись со мною в сани!

– А про невесту свою, графиню молодую, видно, забыл?

– Невеста невестой, а ты полюби меня, молодца! Право, полюби!.. Внакладе не будешь.

– Опомнись, князь! Видно, ты много выпил вина, не помнишь, что говоришь, – упрекнул Храпунов приятеля.

– Сколько я выпил, до этого тебе дела нет, а вот твою сударку я отоблю у тебя. Эй, девица-красавица, поедem со мною!.. Не поедешь по доброй воле, силою увезу! – и князь Иван хотел было схватить Марусю.

– Прочь! Не тронь! – не своим голосом крикнул Храпунов и с такой силою оттолкнул Долгорукова, что тот не устоял на ногах и полетел в снег.

Пока он вставал и отряхивался от снега, Лёвушка с Марусей быстро повернули назад, к хибарке Марины. Храпунов не мог теперь оставить одну молодую девушку и решил проводить её до дома.

Долгоруков, посылая вслед влюблённым проклятия и площадную брань, вскочил в свои сани и приказал кучеру шагом ехать за ними. Он задумал выследить, где живёт Маруся, в то же время с бешенством думая:

"Ну, погоди, Леонтий, отоблю я у тебя кралю!.. Твоего поступка я не позабуду, и за него ты мне заплатишься... Ты смел поднять на меня руку? Ну, погоди же!.. Теперь ты мне – не друг, а лютей недруг".

– Что нам делать, Маруся? Ведь Долгоруков следит за нами... он хочет узнать, где ты живёшь, – с беспокойством сказал возлюбленной Лёвушка.

– Что же? Пусть! Он мне не страшен, – спокойно ответила молодая

девушка.

– Ну, стало быть, ты не знаешь, что такое Иван Долгоруков! Ведь он – сила, большая сила! Он ни перед чем не остановится, для него не существует никакой преграды.

– За меня, Лёвушка, не бойся. Пойдём в горницу; наверное, бабушка пришла; там мы и подумаем, что и как делать.

– Мне не хотелось бы, Маруся, чтобы Долгоруков знал, где ты живёшь...

– Говорю, за меня, пожалуйста, не бойся! Я сумею постоять за себя, сумею встретить князя с таким почётом, что сразу отобью охоту у него незваным ходить в гости! – громко проговорила Маруся и вошла с Храпуновым на свой двор.

В хибарке был виден свет; Марина вернулась. Она обеспокоилась, узнав об этой неприятной встрече и выходке Долгорукова; однако за воротами было всё спокойно – очевидно, князь Иван удовлетворился тем, что узнал, где живёт "кряля" Лёвушки, и уехал.

Молодые влюблённые тоже скоро позабыли о нём: слишком важный момент произошёл в этот день в их жизни – ведь они решили навеки принадлежать друг другу. Все их помыслы были заняты предстоявшим бракосочетанием. Лёвушка сообщил Марине об этом, и она радостно благословила его и внучку.

XI

Однако с того дня между Иваном Долгоруковым и Лёвушкой Храпуновым разгорелась сильная вражда. Когда Храпунов пришёл к князю Ивану по делам службы, то был принят им довольно сухо, "по-начальнически", причём Долгоруков ни словом не обмолвился о встрече на Тверской. Окончив своё служебное дело, Лёвушка обратился к своему бывшему приятелю с такими словами:

– Князь, мне надо бы поговорить с тобой о вчерашней нашей встрече.

– Ну... ну! Что же ты станешь говорить? Поди, оправдываться начнёшь?

– Оправдываться, князь, мне не в чем.

– Не в чем? Ладно! Стало быть, ты считаешь себя ни в чём не повинным

предо мной. Так? Да? А как же ты смел вчера толкнуть меня?

– Я только вступился за беззащитную девушку, к которой, князь, ты долго приставал.

– Ты вступился за свою любовницу?

– У меня нет любовницы. Напрасно, князь, ты так говоришь!

– Рассказывай... Кто же она тебе? Сестра, что ли, или тётка?

– Моя невеста.

– Что такое?.. Простая девка, живущая в лачуге, – твоя невеста? – с удивлением воскликнул Долгоруков. – Это забавно! Надо хорошенько рассмотреть твою "невесту", эту сказочную принцессу, Несмеяну-царевну. И знай, если она придётся мне по нраву, я отобью её у тебя.

– Ты этого, князь, не сделаешь.

– Не сделаю? А кто же мне смеет запретить? – вызывающим тоном, громко проговорил князь Иван.

– Я, – совершенно спокойно ответил Лёвушка, сдерживавший себя, несмотря на явное оскорбление, которое нанёс словами любимой им девушке самонадеянный и легковёрный князь Иван.

– Ты... ты запретишь мне? – бросив презрительный взгляд на Лёвушку, крикнул тот. – Посмотрим, кто кого осилит: ты меня или я тебя?

– Сила, князь, на твоей стороне, это точно, а правда на моей.

– Ну вот, ты со своей "правдой" и останешься побеждённым.

– Посмотрим, князь!

– Посмотри, а меня теперь оставь; мне недосуг разговаривать с тобою.

Подавив в себе вздох, Храпунов вышел из горницы фаворита, с которым он был принуждён теперь вступить в неравную борьбу. Ему ли, простому, неизвестному офицеру, было вступать в борьбу с любимцем государя? Ведь вся сила и могущество были на стороне Долгорукова. Однако Лёвушка утешал себя:

"Ну да не в силе Бог, а в правде. Силён князь Иван, а правда победит его. Но всё же теперь оставаться Марусе в хибарке у своей бабушки не след; непременно надо перевести её куда-нибудь, не то Долгоруков как раз нагрянет к ней в гости. Он злобится на меня и в своей злобе на всё

пойдёт. Завтра же непременно переведу куда-нибудь Марусю и старуху Марину".

Целый день и вечер Храпунов не мог вырваться к своей возлюбленной – служба останавливала его. Когда же на следующий день к вечеру он пришёл в знакомую ему хибарку, то застал там одну только Марину, убитую страшным горем и с опухшими от слёз глазами.

– Где Маруся? – упавшим голосом спросил Лёвушка, почти догадываясь о причине горя Марины.

– Увезли, увезли мою внучку! – с рыданием ответила старуха. – Нынче утром какие-то неведомые люди ворвались в нашу хибарку, силою схватили Марусю, посадили в сани и увезли неведомо куда. К несчастью, меня дома не было, а то я постояла бы за свою внучку, сумела бы защитить её от злодеев.

– Я знаю, чьё это дело, знаю... Иван Долгоруков похитил Марусю.

– Ты говоришь – Иван Долгоруков? – бледнея, воскликнула старуха. – О Господи, грех-то какой, какой страшный грех! Надо во что бы то ни стало спасти Марусю, вырвать её, сердечную, из рук князя Ивана.

– Да, я вырву Марусю из рук князя Ивана. И что я за несчастный человек! Ведь я подыскал тебе и Марусе на Покровке отдельный домик, снял его и ради безопасности именно сегодня же хотел перевезти вас обеих туда, и вот опоздал... опоздал... Проклятая служба задержала меня! – с отчаянием воскликнул Лёвушка Храпунов.

– Не отчаивайся, барин, не горюй: только бы мне дойти до князя Алексея Григорьевича. Скажу я ему два слова, и он сейчас же прикажет своему сыну Ивану отпустить Марусю. Только верно ли ты знаешь, что увёз её не кто другой, как князь Иван? – спросила Марина.

– Да, да, это Долгоруков увёз Марусю. Он же мне самому похвалялся, что отобьёт у меня невесту. Это – его дело.

Храпунов не ошибся: Маруся действительно попала в руки князя Ивана Долгорукова. Он приказал троим своим верным холопам, назло Храпунову, выкрасть Марусю, предварительно показав холопам, где она живёт, и те в точности выполнили его приказ.

На тройке лихих коней подъехали они к хибарке Марины; старухи не было дома, и Маруся ещё не успела запереть за ней ворота, как во двор ворвались холопы, а оттуда, высадивши дверь, проникли и в хибарку.

Не успела опомниться и вскрикнуть молодая девушка, как холопы схватили её, укутали голову платком, на плечи накинули шубейку и потащили в сани с верхом и полостью; чтобы Маруся не кричала, рот ей завязали платком; двое холопов сели с ней рядом в сани и держали её за руки, а третий холоп поместился рядом с кучером. Тройка бешено понеслась за Тверскую заставу. Кое-кто из соседей Марины видел, как похитили её внучку, а потому, когда Марина, вернувшись домой и не видя своей внучки, удивилась её неожиданной отлучке и пошла поразведать у соседей, не видали ли они, куда пошла Маруся, те рассказали ей о происшествии, случившемся с её внучкой.

Старуха едва устояла на ногах, когда услышала, что Марусю на тройке лихих коней увезли какие-то неведомые люди, однако до прихода Лёвущки Храпунова, жениха её внучки, не решалась предпринимать что-либо к розыску Маруси. Да и что она, беспомощная старуха, могла бы сделать? Она тоже подозревала князя Ивана, так как Лёвущка и Маруся рассказали ей о своей встрече с Долгоруковым, и это подозрение ещё более окрепло, когда Храпунов сообщил о том, как князь Иван грозился отбить у него Марусю.

– Да, да, это его, окаянного, дело. Но я не дам ему властвовать над Марусей, единым словом вырву её у него из рук, – горячо проговорила Марина.

– Ох, боюсь я, Маринушка, что князь Иван не послушает твоего слова, – возразил ей молодой офицер. – Его словом не проймёшь.

– Пройму!.. И князя Ивана пройму, и его отца... Да как ещё пройму-то! Ведь слово моё заветное, и скажу я его только князю Ивану или его отцу, а больше никому не скажу.

– Странное же, таинственное у тебя слово!

– Да, таинственное, и скажу я его другим, лишь когда умирать стану. Вот что, барин: ты вперёд один ступай к Ивану Долгорукову, выручай свою

невесту, а если тебя он не послушает и Маруси не отдаст, тогда уж я сама пойду. Мне-то не посмеет отказать. Ступай, барин ласковый, помогай тебе Бог!

Конечно, Храпунов тотчас же отправился к Долгорукову.

Злоба и ревность закипели в нём, когда он увидел своего врага.

– Князь, отдай мне невесту, – мрачно произнёс он, едва сдерживая себя.

– Ты, видно, рехнулся?.. Какую невесту? – насмешливо поглядывая на него, спросил князь Иван.

– Марусю.

– Я не знаю никакой Маруси!.. Что, видно, твою зазнобу-то у тебя отбили, из-под носа унесли?

– Унёс ты, князь Иван, да и не унёс, а выкрал её, как разбойник дорожный!

– Что? Как ты молвил? – бледнея, как смерть, дико вскрикнул князь Иван.

– Говорю, что ты мою невесту выкрал, – спокойно повторил Лёвушка.

– Да как ты смеешь, наглец, говорить мне это? Да я... я убью тебя, как собаку! – и, трясаясь от бешенства, князь Иван со сжатыми кулаками ринулся было на Храпунова, но тот отстранил его от себя.

– Поостынь, князь... Я ведь сильнее тебя.

– Слушай, слушай, Храпунов! Ты стал теперь моим непримиримым врагом! Ну да, ты отгадал: это я приказал своим холопам выкрасть твою невесту. Она теперь в моих руках, в моей воле, – вызывающим тоном промолвил Долгоруков, – и я отдам её только тогда, когда сам в досталь натешусь...

– Подлец! Я... я убью тебя! – и Храпунов, вне себя от бешенства, выхватил из ножен саблю и ринулся было на Долгорукова.

Князь Иван переменился в лице, отступил к двери и быстро отворяя её, громко крикнул:

– Гей, ко мне!

В горницу вбежало несколько слуг.

– Возьмите его и свяжите: он рехнулся! – повелительно проговорил

Долгоруков.

Лёвушка бросил саблю и не стал сопротивляться. Ему связали руки, отвели его на гауптвахту и заперли там в арестантскую горницу, обвиняя в покушении на жизнь царского любимца.

Храпунову если не угрожала смертная казнь, то все же предстояла вечная ссылка в Сибирь. Но Лёвушка не боялся этого – ему почему-то думалось, что старая Марина выручит из беды; он покорился своей участи и ждал, чем всё это окончится.

Так прошло два дня. Старуха Марина, с большим нетерпением ждавшая Храпунова, догадалась, что с Лёвушкой случилось что-нибудь неприятное, и решила отправиться в Головин дворец. Там имел временное пребывание будущий тесть императора, князь Алексей Григорьевич Долгоруков со своей семьёй.

Больших трудов, усилий, а также и денег стоило Марине добиться свидания с князем Алексеем, но всё же её впустили на его половину.

– Ты кто? Что тебе надо? – грубо спросил он у вошедшей в его приёмную Марины.

– Тебя мне надо, сиятельный князь, – смело ответила та, – мне надо говорить с тобою.

– Говори... только поскорее, мне недосуг.

– Ну нет, князь Алексей Григорьевич, разговор у нас с тобой будет не скорый, и ты выслушаешь меня.

– Я прикажу вашей прогнать тебя! Ты, кажется, старая дура, не знаешь, с кем говоришь?

– Я-то знаю, с кем говорю, а вот ты-то, князь, не знаешь этого. Гнать-то меня нечего. Ты вот лучше прежде взгляни на этот перстенёк, знаком ли он тебе? – и Марина показала князю золотой перстень с изумрудом.

Едва только взглянув на этот перстень, князь Алексей Григорьевич быстро изменился в лице и задыхающимся от волнения голосом спросил:

– Как попал к тебе этот перстень?

– По наследству, князь, от дочери.

– От Марии? Стало быть, ты...

– Я – мать умершей Марии.

– Возможно ли?.. Пойдём скорее в кабинет, там никто нам не помешает.

Князь Алексей Григорьевич провёл старую Марину в свой кабинет, заперся там с нею и долго о чём-то говорил. Когда ж он отпер дверь кабинета и выпустил оттуда старушку, то был страшно бледен и сильно взволнован. Он сам почти до передней проводил Марину и, расставаясь с ней, тихо сказал:

– Успокойся: твоя внучка непременно вернётся к тебе!

Проводив Марину, князь немедленно приказал позвать к себе сына Ивана. Царский фаворит в то время находился дома и пришёл на зов отца.

– Где ты держишь красавицу девушку, которую приказал выкрасть своим холопам? – гневно спросил его Алексей Григорьевич.

– Батюшка... я... я удивляюсь вашему вопросу! – запинаясь, произнёс князь Иван, никак не ожидавший, что отцу известно о его поступке с Марусей.

– Сказывай скорее, где ты держишь Марусю?

– Как, вы знаете и её имя?

– Что же, ты ответишь мне или нет! – грозно крикнул на сына Алексей Григорьевич.

– Пожалуйста, потише, батюшка! Где находится Маруся, я не скажу вам, да и знать вам о том нечего, – очень внушительным тоном возразил отцу князь Иван.

Однако князь Алексей Григорьевич сурово и настойчиво приказал ему:

– Ты должен сейчас же отпустить её... сейчас!

– Зачем так скоро? Я ещё с ней не познакомился как следует. Кто это вам наговорил на меня, интересно узнать? Храпунов не мог пожаловаться, он сидит под арестом, – и князь Иван злорадно улыбнулся.

– Знаешь ли ты, кто эта девушка? – взволнованно спросил у сына князь Алексей Григорьевич.

– Кто она, я, батюшка, не знаю... Одно только знаю, что она очень хорошенькая и пришлось мне по нраву! – по-прежнему с молодечеством

произнёс князь Иван.

– Несчастный, она – твоя сестра! – закрывая лицо руками, тихо произнёс князь Алексей Долгоруков.

Эти слова как громом поразили князя Ивана.

XII

Лет двадцать назад князь Алексей Григорьевич Долгоруков страстно полюбил черноокою красавицу, цыганку Марию. Однажды небольшой цыганский табор, не спрашивая разрешения князя, расположился на поле, недалеко от княжеской усадьбы Горенки. В то время князь Алексей Григорьевич находился в усадьбе и, когда ему доложили о цыганском таборе, отдал было приказ прогнать его, но потом раздумал и поехал сам взглянуть на "жителей полей и лесов дремучих". При первом же посещении его поразила необыкновенная красота молодой цыганки Маши, у которой тут же, в таборе, находилась мать Марина, недавно овдовевшая. Князь, в то время ещё красивый, молодой мужчина, прельстился красотой цыганки, вошёл в шатёр, стал расспрашивать цыган о житье-бытье и попросил погадать. Одна старая цыганка насулила ему счастливую жизнь, большие чины и несметное богатство. Князь Алексей щедро заплатил за гаданье, да и всех цыган и цыганок оделил деньгами.

Подошла к нему с протянутой рукой и красавица Мария, посмотрела на молодого князя и ожгла его своим огненным взором. Князь дал ей червонец и проговорил взволнованным голосом:

– Какие у тебя чудные глаза!..

– Мои глаза, господин, видно, режут сердце без ножа, – со звонким смехом ответила ему Мария.

– Именно, именно! Мне ещё не приходилось видеть такие огневые глаза, как твои.

– Огневая в нас кровь, господин, потому и очи огневые, – проговорил старый цыган, лукаво посматривая на князя.

– Правда твоя!.. Ишь, ведь какие они у этой девчонки!.. Так и жгут, так

и тянут к себе! – произнёс князь Алексей и впился взором в дивно красивое лицо стоявшей пред ним молодой цыганки.

– Гнать, господин, нас со своих полей ты не будешь? – спросила Мария у князя, смотря ему прямо в лицо.

Долгоруков совсем растерялся от её взгляда; он готов был на всё, лишь бы возможно дольше любоваться цыганкой, метнувшей взглядом в него, а потому живо воскликнул:

– Гнать вас? Что ты! Живите, сколько хотите, вас никто не посмеет обидеть. Если вам тут не по нраву или неудобно, выберите другое место. Вот тот лес мой; там есть чудная поляна, раскиньте свой шатёр и живите в лесу, – и он показал рукой на видневшийся невдалеке большой сосновый лес.

Цыгане приняли предложение князя и перекочевали в лес, на поляну, а сам он в тот же день отправил к ним чуть не целый обоз разных съестных припасов и стал ежедневно навещать их, влюбившись в черноокую Марию.

Не только дни, но и поздние вечера стал просиживать князь Долгоруков в цыганском таборе. Он слушал там страстные цыганские песни, а больше всего – речь черноокой Маши. Табор и мать Марии, Марина, догадывались, что богатый, родовитый князь влюбился в Машу, и поощряли это, так как князь не только Марине, но и всему табору жаловал дорогие подарки.

Долго жили цыгане в лесу, и только осень заставила их искать другого пристанища на зиму. Совсем собрались в дорогу, ждали только приезда князя, чтобы проститься с ним и поблагодарить его за ласку.

Вот и князь приехал, но был мрачен и печален. День был ясный, с лёгким морозцем. Князь Алексей и Мария пошли "на последях" пройтись по лесу.

– Маша, милая, я не могу расстаться с тобой, не могу, – чуть не плача, воскликнул князь, идя рядом с черноокой цыганкой по лесу. – Останься, Маша, у меня останься, голубка!..

– Зачем?

– Затем, что я люблю тебя; без тебя мне нет жизни. Будь всегда со мною!

– Женись на мне, вот и буду я твоей.

Князь Алексей Григорьевич скрыл от Марии, что он женат, и выдал себя за холостого; Гаврила Струков, холоп, привозивший цыганам с княжеского двора разные припасы, по приказу князя тоже молчал.

– И женюсь, только останься; непременно женюсь.

– Обманешь, князь!

– Маша, мне ты не веришь? – с упрёком в голосе воскликнул князь, хорошо игравший комедию.

– Верю, милый князь, верю.

– А если веришь, то останься. Я прикажу на той поляне, где ваш табор, построить хороший дом. Ты и будешь пока, до свадьбы, жить в нём с матерью, а чтобы не страшно было, я холопа Гаврилу вам дам.

На другой день цыгане, щедро одаренные князем Алексеем, уехали, а черноокая Маша и её мать остались.

Алексей Григорьевич сдержал своё слово, и на лесной поляне, как по щучьему велению, скоро были построены лесные хоромы в два жилья. В верхнем жилье поместились Мария с матерью, а в нижнем – холоп Гаврила с женою.

В первое время князь Алексей часто приезжал в свои лесные хоромы и подолгу оставался в них. Ни сильный мороз, ни снеговая буря, ничто не останавливало его; он бросал все дела в Москве и спешил к Марии.

Она несколько раз напоминала князю Долгорукову о свадьбе, но Алексей Григорьевич всегда подыскивал веские доводы к оттягиванию её, и свадьба всё откладывалась.

Прошло несколько времени; князь стал всё реже и реже бывать в лесных хоромах, а Мария приготавливалась стать матерью. Марина не поладила с нею и, купив себе в московском захолустье близ Тверской заставы домишко, или, скорее, хибарку, поселилась в ней. Марина догадывалась, что князь обманывает её дочь, несколько раз говорила ей об этом, предостерегала её, но красавица Маша крепко любила князя и

верила ему больше матери.

Как-то Марине пришлось узнать, что князь Алексей Григорьевич давно женат и имеет детей. В тот же день она наняла подводу, отправилась к дочери и обо всём рассказала ей.

Мария, услышав, что её возлюбленный женат, предалась страшному отчаянию и слезам, а следствием этого были её преждевременные роды, окончившиеся смертью молодой матери.

Бедную Машу похоронили тут же, в лесу, а её маленькую дочурку взяла к себе Марина.

Князь Алексей Григорьевич совсем забыл о существовании своей побочной дочери Маруси; впрочем, когда Марина брала к себе внучку, князь приказал выдать ей порядочную сумму денег, чем и закончились его отцовские заботы.

Лес и лесные хоромы князь Алексей Григорьевич подарил своему сыну Ивану, который сделался фаворитом императора-отрока; к нему также перешёл служить и Гаврила Струков в качестве лесничего. Ему и его жене князь Алексей под угрозой смерти запретил говорить кому бы то ни было об умершей Марии и её маленькой дочери Марусе.

И вот через много лет Маруся, по капризу взбалмошного князя Ивана, опять попала в тот дом, который, неведомо для неё, был местом её рождения.

Молодой князь считал опасным держать её в Москве, а потому отправил её в лес, к крепостному полесовщику Гавриле. Последний с двумя работниками и с дочерью Анюткой жил в нижнем этаже лесного дома, а верхний был приспособлен на случай приезда князя Ивана.

"У меня лесник Гаврила – верный слуга, преданный... Он сумеет припрятать красотку; ищи её хоть сто лет – не найдёшь", – думал князь Иван, отправляя Марусю под охраной двух своих холопов в лес.

И действительно, Струков и душою, и телом был предан своему молодому господину; он служил верой и правдой и заботился о княжеском лесе, как о своём добре. Горе бывало мужику, если Гаврила заставал его за порубкою, – он отнимал у мужика-горемыки и топор, и

лошадёнку, а самого виновника избивал до полусмерти.

Суров был Гаврила, неподатлив; ни слёзы, ни мольбы не трогали его загрубевшего сердца. Ростом он был великан, в плечах – косая сажень, борода по пояс, волосы рыжие с проседью; взгляд зоркий, суровый, да и силу имел он большую, богатырскую; на медведя ходил один, взяв только топор да рогатину.

Вид у Гаврилы всегда был суровый, мрачный; редко появлялась улыбка на его лице. Даже со своей дочерью, Анюткой, он был не особенно ласков, не баловал её, держал всегда в страхе и в повиновении и лишь редко-редко становился нежно любящим отцом, сажал Анютку к себе на колена, целовал её, ласкал и даже играл с нею.

Анютка росла, не зная материнской ласки, оставшись двухлетней сироткой после смерти матери, и выросла совершенной дикаркой. Для неё не было другого мира, как вековой густой лес, и другой семьи, как отец, двое работников и старуха стряпуха.

В летнюю пору Анютка от зари до глубокой ночи проводила в лесу; разве прибежит домой за куском хлеба – вот и весь её обед. В лесу ей было хорошо, привольно, ягод много, лесных цветов тоже. Бывало, сплетёт она себе венок из цветов, залезет на дерево, усядется на суку, смотрит, как белки с дерева на дерево, с сука на сук прыгают, а то пугать начнёт. Идёт какой-нибудь прохожий лесом – Анютка выследит, когда он поравняется с тем деревом, на котором она сидит, да как вдруг вскрикнет не своим голосом, или захохочет. Прохожий бросался бежать без оглядки, в уверенности, что это – леший.

Гаврила Струков любил свою дочку до безумия.

Вот к этому-то леснику и привезли Марусю холопы князя Ивана, причём один из них передал такой приказ его:

– Молодой наш князь прислал к тебе под наблюдение эту птаху и приказал беречь её да стеречь пуще своего глаза. Отведи ей горницу в верхнем жилье, почище и получше, но из горницы на единый шаг не выпускай; всего лучше держи её под замком. Корми и пои послаще, не жалея денег: князь Иван Алексеевич за всё тебе сторицею заплатит и

княжескою милостью тебя не оставит. А если выпустишь пташку из клетки, так уже прямо со своей головой протиснись!..

– А что это за птаха? – спросил лесничий.

– А кто её знает!.. Может, посадская, а может, и купеческая дочь; только птица не важного полёта.

– Ладно, так и знать будем.

Княжеские холопы уехали обратно в Москву, а Маруся как-то невольно покорилась своей участи и осталась жить в лесу, в доме лесника.

Согласно княжескому приказу, Гаврила отвёл ей в верхнем этаже чистую и просторную горницу, а для услуг приставил к ней свою четырнадцатилетнюю дочь Анютку. Та с радостью принялась служить "краденой" боярышне. Обе они сошлись с первого же дня, полюбили друг друга и считались подругами. Анютка, с согласия отца, перебралась в горницу Маруси, и лесничий запирали их на ночь на замок.

XIII

Пока происходили все описанные ранее события, император-отрок продолжал жить в Москве, увлекаясь разными развлечениями и, главным образом, охотой. Его воспитатель, вице-канцлер Остерман, не раз спрашивал его, когда же он пожелает вернуться в Петербург; император отвечал: "Скоро, скоро!" – но проходили недели, месяцы, а государь и не думал о переезде в "Петров парадиз".

Петру II не хотелось оставлять Москву, так как он чувствовал себя здесь гораздо свободнее, нежели в северной столице. Находясь под влиянием Долгоруковых, он предавался беспечной жизни и вовсе не занимался делами, а также и своим образованием.

Да и до этого ли было императору-отроку, до наук ли, когда Долгоруковы каждый день выдумывали для него всё новые и новые развлечения? Они приучили императора ездить на охоту под предлогом совершенного удаления от царевны Елизаветы Петровны, в которую он действительно был влюблён, но на самом деле для того, во-первых, чтобы удалить его от всех тех, кто мог говорить ему о возвращении в

Петербург, а во-вторых, для того, чтобы он не занимался государственными делами и чтобы поселить в нём, если возможно, мысль о введении старых обычаев, и, наконец, для того, чтобы заставить его жениться на княжне Долгоруковой. Родственники последней зорко стерегли императора-отрока и не допускали к нему других вельмож, боясь, как бы последние не помешали своими наговорами их плану, но, несмотря на это, заметно было не только охлаждение, а даже нерасположение государя к своей невесте. Князь Алексей Григорьевич рассыпался пред императором в похвалах своей дочери, но государь равнодушно слушал эти похвалы и всё реже и реже изъявлял желание видеть свою обручённую невесту.

Впрочем, княжна Екатерина несколько не сожалела об этом. В откровенной беседе с сестрой и с другими близко стоявшими к ней лицами она говорила:

– Я уверена, что мой августейший жених не любит меня, да и я люблю его, как государя, но не как жениха: ведь он для меня молод, совсем мальчик, с таким мужем ни царская корона, ни почести, ничто не прельщает меня... и я с радостью отказалась бы от всего. Но мой отец честолюбив, он хочет задуманного брака, и я покоряюсь, хотя и скрепя сердце. Одно только и примиряет меня, а именно – что женою государя я не буду, я в этом уверена... я предчувствую...

И это предчувствие не обмануло княжну Екатерину. Как увидим дальше, все честолюбивые помыслы Долгоруковых разрушились, и за своё честолюбие они страшно поплатились.

Однако Остерман не оставлял своей мысли о необходимости возвращения государя в Петербург и однажды опять сказал ему:

- Время, государь, быть вашему величеству в резиденции, время!
- А Москва разве – не резиденция? Ах, Андрей Иванович, я так привык к Москве, сроднился с ней. Я не понимаю, зачем мой дед перенёс свою резиденцию из Москвы в Петербург? Здесь много лучше: и воздух чище, и леса кругом, есть где поохотиться...
- Ваш дед был великим императором. Основывая свою резиденцию в

Петербурге, он тем самым сблизился с европейскими просвещёнными государствами.

– А мне Москва больше нравится. Я желал бы навсегда в Москве остаться, – задумчиво проговорил император-отрок.

– Этого сделать, ваше величество, нельзя. Возвращение в Петербург вам, государь, необходимо. Ведь там сосредоточено всё управление империей.

– Да хорошо, хорошо... если надо, я поеду.

– Когда же, государь, соизволите назначить переезд двора? Может быть, после свадьбы?

– После какой свадьбы? – рассеянно спросил Пётр.

– После вашей, государь.

– Ах да, после моей свадьбы! Так ты всё думаешь, Андрей Иванович, что моя свадьба с княжной Екатериной состоится?

– А то как же? Ведь княжна Екатерина обручена с вашим величеством.

– И дочь Меншикова тоже была со мной обручена. Кстати, где теперь Меншиков?

– В Берёзове, государь, согласно вашему решению.

– Мне хочется, Андрей Иванович, смягчить участь Меншикова. Пусть дадут ему некоторые льготы, в особенности же его семейству. Дочерей и сына даже можно вернуть и возвратить им часть конфискованного имущества. Правда, Меншиков виновен, во многом виновен... Но его дочери, сын? За что они терпят? А бедная княгиня Меншикова не перенесла... Кто виновник её смерти, кто?.. Вы, господа, научили меня жестокости, вы! С Меншиковым я поступил круто и раскаиваюсь в том, – и, с волнением проговорив эти слова, император-отрок стал быстро расхаживать по кабинету.

– Смею заметить, ваше величество, что многие деяния Меншикова служили во вред государству.

– Да, но много сделано им и на пользу государства; это тоже забывать нельзя... Мой великий дед умел ценить услуги Меншикова. Возвращать его из ссылки не надо, но необходимо смягчить участь его лично и его

детей. Они привыкли к довольству, к роскоши – и вдруг дальняя ссылка, лишение даже необходимого. Это ужасно, ужасно!

– Успокойтесь, государь: Меншиковым будут оказаны некоторые льготы и денег на их содержание будут отпускать вдвое более прежнего.

– Да, да, Андрей Иванович! Я не хочу, чтобы они нуждались в чём-либо. А дочерям и сыну Меншикова возвратить их имущество и звание.

– Сделать это, государь, можно, но не теперь, – вкрадчивым голосом заметил тонкий дипломат Остерман.

– А я хочу теперь же, – нахмурив свои брови, резко проговорил Пётр, начинавший сердиться.

– А что скажет, государь, ваша бабка, царица Евдокия Фёдоровна?

– Бабушка может говорить, что хочет; я даже попрошу её не вмешиваться в мои дела. О возвращении Меншиковых из ссылки я сделаю распоряжение в своё время, а теперь хочу, чтобы была смягчена их участь, и приказываю сделать это немедленно.

– Слушаю, государь, – с поклоном промолвил Остерман и пошёл было к двери.

– Вы уходите, Андрей Иванович, рассердились на меня за настойчивость. Не сердитесь... мы скоро поедem в Питер; хоть и не хочется мне туда, но вижу, надо.

– Давным-давно надо, государь!

– И поедem, только, пожалуйста, не ворчите и не сердитесь. До свиданья, Андрей Иванович!.. Уходя, пошлите ко мне дежурного флигель-адъютанта.

Спустя немного в кабинет государя вошёл флигель-адъютант Свечин и, отдав низкий поклон, остановился у двери.

– Что это значит? Сегодня, кажется, не ваше дежурство, а Храпунова? – спросил у вошедшего император-отрок.

– Так точно, ваше величество!

– Где же Храпунов?

– Имею честь доложить вашему величеству, что флигель-адъютант Храпунов арестован.

– Как арестован?.. Кто его арестовал? – с удивлением воскликнул Пётр.

– По приказу его сиятельства, князя Ивана Алексеевича.

– Князь Иван приказал арестовать Храпунова? – удивляясь всё более и более, переспросил государь. – За что?

– Не могу знать, ваше величество!

– Вы путаете, Свечин! Этого быть не может: князь Иван и Храпунов – большие приятели.

– Смею уверить, ваше величество, что флигель-адъютант Храпунов арестован по приказу князя Ивана Алексеевича.

– Странно, довольно странно! Да вот и князь Иван, лёгок на помине. Свечин уверяет меня, что ты приказал арестовать Храпунова, – быстро обратился император-отрок к вошедшему Ивану Долгорукову.

– Он говорит правду, – смело ответил тот.

– Ты приказал арестовать Храпунова? За что?

– Дозволь умолчать об этом, государь!

– Князь Иван, я должен знать причину! – настойчиво произнёс император.

– Я прикажу его выпустить, государь!

– Этого недостаточно. Я хочу знать, за что Храпунов арестован!

Прежде чем ответить, Иван Долгоруков поглядел на императора-отрока и прочитал на его лице досаду и гнев. Таким тоном Пётр никогда не говорил со своим любимцем, а потому последний, опустив голову, тихо ответил:

– Храпунов оскорбил меня, государь!

– За оскорбление полагается суд, Ваня! Что всё это значит? Ведь Храпунов был твоим большим приятелем? – уже мягче спросил Пётр.

– Государь, тут дело моё личное... Храпунова я сейчас же прикажу выпустить из-под ареста, если же я сделал что-либо противозаконное, то прикажите судить меня.

– Полно, полно, Ваня, что ты! Судить тебя? Да разве это можно?.. Мне хотелось только узнать, из-за чего ты повздорил с Храпуновым, ну а если это – секрет, то и не надо, не надо. Только прикажи выпустить

Храпунова... Я хотел дать ему приказ к бабушке, в монастырь.

– Он сейчас же явится пред вашим величеством, государь, – проговорил Иван Долгоруков и, откланявшись, вышел с тем, чтобы отправиться на гауптвахту, где в одиночном заключении томился Лёвушка Храпунов.

Его тюрьма походила на квадратный ящик; встать в ней, вытянувшись во весь рост, было невозможно, лечь же можно было только скорчившись. Свет едва проникал через маленькое оконце, находившееся под самым потолком; кроме деревянной, ничем не покрытой койки да стола, в тюрьме ничего не было; в неё сажали только важных преступников; к ним был причислен и Храпунов.

Прошёл день, настал другой, а дверь в тюрьму не отворялась, в неё никто не входил; только с вечера солдат-сторож поставил на стол кружку с водою и положил ломоть чёрного хлеба.

Томимый мучительными думами об участи красавицы Маруси, Лёвушка приходил чуть ли не в отчаяние.

"Где Маруся? Что с нею? Куда завёз её Иван Долгоруков? Кто защитит её?" – эти мысли не давали покоя молодому офицеру и наводили на него страшную тоску.

Но вот загредел замок его тюрьмы, дверь отворилась, на пороге показался сам фаворит, князь Иван; его лицо было бледно и встревожено.

– Что вам надо, князь? Зачем вы пришли? – гневно крикнул на вошедшего Храпунов.

– Я... я пришёл освободить тебя, – тихо ответил князь Иван.

– Сам сиятельный князь, Иван Алексеевич, царский любимец, пришёл освободить меня! Какая честь для меня! – и Лёвушка желчно засмеялся.

– Прежде чем злбиться на меня и упрекать, ты выслушал бы меня. Я пришёл к тебе с миром, а ты...

– Разве между нами, князь, может быть мир!.. Не мир, а вечная, непримиримая вражда!

– Напрасно ты горячишься, Храпунов! Вражды между нами быть не может, – спокойно проговорил князь Иван.

– Как не может? Ты отнял у меня мою невесту. Лучше бы, князь, ты отнял у меня жизнь.

– Ни слова, Храпунов! Ни слова! С того раза, как твоя невеста была с тобою, я больше не видал её и теперь возвращаю тебе.

– А где она? Куда ты, князь, припрятал Марусю?

– Мои кони свезут тебя к ней. Только прежде чем ехать к Марусе, ступай во дворец к государю.

– К государю, ты говоришь? – удивился Лёвушка Храпунов.

– Да, да, скорее! Но если государь станет спрашивать, за что я приказал посадить тебя на гауптвахту, не говори ему причины... Скажи только, что мы повздорили. Не скажешь, для тебя же будет лучше!

Лёвушка ни слова не возразил на это: он был готов на всё, лишь бы поскорее увидеть свою милую.

Через несколько минут он и князь Иван вместе вышли с гауптвахты. Солдаты выстроились и отдали воинские почести царскому любимцу.

– Ты хочешь жениться на Марусе? – после некоторого молчания спросил Долгоруков у Храпунова.

– Да, князь, я решил.

– Мой отец и я дадим за Марусей хорошее приданое.

– Князь, что это значит? Или ты опять хочешь оскорбить меня? Ни я, ни Маруся не нуждаемся в подачке, – горячо проговорил Лёвушка.

– Это – не подачка, а должное, – тихо промолвил князь Иван.

– Как должное? Я не понимаю.

– Послушай; Храпунов, мы издавна считались приятелями, близкими, любезными, и я по-прежнему хочу остаться таким. Вражды между нами не должно быть; что было, то прошло, и в знак того дозволю мне обнять тебя по-братски! – и, сказав это, князь Иван крепко обнял и поцеловал Храпунова, после чего продолжал: – Лёвушка, когда я про приданое заговорил, ты упрекнул меня, сказав, что подачки не желаешь, а я повторяю, что это – не подачка, а должное... Отец и я, оба мы должны дать приданое за Марусей, понимаешь? Должны!

– А я, князь, опять спрашиваю, почему должны?

- Да потому, что... Маруся нам не чужая.
- Как ты сказал, князь? – с удивлением воскликнул Лёвушка.
- Я говорю, что Маруся нам родная, и потому мы обязаны выдать ей приданое.
- Странные слова ты говоришь, князь, странные! Как может быть цыганкина внучка родственницей вам?
- Ты всё узнаешь, всё, только не теперь... Прошу, Лёвушка, не говори Марусе ни слова об этом.
- Эта таинственность, князь, удивляет меня.
- Потерпи, приятель!.. Говорю, всё узнаешь.
- Хорошо, князь, я верю тебе.

У дворца Храпунова дожидалась лихая тройка, запряжённая в расписные сани.

– Кони свезут тебя, куда надо, – сказал князь Иван, показывая на тройку.

Прежде чем ехать за своей возлюбленной, Лёвушка зашёл во дворец, попросил доложить о себе государю и был тотчас же принят. Пётр засыпал его вопросами, однако Лёвушка скрыл причину своей ссоры с князем Иваном и сказал только, что они лично повздорили, оба не в меру погорячившись, причём князь Иван рассердился и приказал его арестовать.

– Надеюсь, что ничего подобного больше не случится и ты будешь по-прежнему приятелем князю Ивану. Никаких ссор я не терплю! – строгим голосом проговорил император-отрок, отпуская Храпунова.

XIV

Со страстным нетерпением нёсся Храпунов к своей возлюбленной на тройке лихих коней. Ею управлял молодой ямщик, а рядом с ним сидел лакей князя Ивана, Игнат, которому было приказано доставить Храпунова в лесные княжеские хоромы. Не раз спрашивал Лёвушка о том, скоро ли они приедут, и наконец услышал от Игната:

– Скоро, скоро, барин!.. Вот, видите, вдали лес виднеется? В нём-то и

находятся княжеские хоромы.

– Да ведь до этого леса, пожалуй, добрых пять вёрст будет.

– Где, и трёх не будет... Ну, ты, чего спишь? Приударь коней-то! – крикнул Игнат ямщику.

Тот натянул вожжи, гикнул, и кони понеслись так, что у путников даже дух захватывало, в глазах мутилось. Вот они врезались в вековой сосновый лес, и между деревьями показалась крыша лесных хором.

Ямщик с большой проезжей дорога свернул на узкую, ведущую прямо к хоромам, и у ворот круто осадил коней.

– Здесь? – отрывисто спросил у Игната Храпунов, выпрыгивая из саней.

– Здесь, пожалуйста. Вот и сам дядя Гаврила, – проговорил Игнат.

В самом деле, навстречу приехавшим поспешно вышел к воротам лесничий Гаврила Струков.

– Кто это? – спросил Лёвушка, показывая на Струкова.

– А это будет здешний лесничий.

– Так у него Маруся?

– Так точно, господин, пожалуйста в хоромы. Что же ты, дядя Гаврила, стоишь, как пень? Веди в хоромы господина офицера.

Но лесничий Струков не тронулся с места; он был мрачен и чем-то сильно встревожен.

– Гаврила, да что же ты?.. Что с тобою подеялось?.. Наш господин, князь Иван Алексеевич, приказал тебе, не мешкая, с господином офицером отпустить гостью...

– Её нет, – мрачно промолвил Струков.

– Как, Маруси здесь нет, нет? – меняясь в лице, воскликнул Лёвушка.

– Нет... ушла она тайком, и моя Анютка с нею убежала, – понурился, тихо ответил Гаврила.

– Ушла... тайком?.. Быть не может! Куда же уйти, куда? Что же ты молчишь, старик? Говори! – не спросил, а простонал бедняга Лёвушка.

– Куда она ушла – я не знаю, не ведаю.

– Нет, ты врешь, старик!.. Ты знаешь, где моя Маруся... Тут какой-нибудь обман! Верно, ты, выполняя приказ князя Ивана, припрятал куда-нибудь

Марусю?

– Куда мне её припрятать? Да и зачем? Князь Иван Алексеевич мне на то приказа не давал.

– Не поверю тебе, старик!.. Ты и твой князь, вы оба – злодеи! Я силою заставлю тебя сказать правду, заставлю, – с гневом и отчаянием крикнул на лесничего Лёвушка.

– Ты, господин, надо мной не властен: я не боюсь тебя! Провинился я, точно, только не пред тобою... Тебя, господин, я не знаю, а вина моя – пред князем, что плохо стерёг я гостью и дал ей убежать из хором, да ещё девку мою сманить, – хмуро проговорил Гаврила.

– Когда же ушла гостья? – спросил у лесничего княжеский дворовый Игнат.

– Сегодня утром. Встал я рано и пошёл с дозором в лес; ходил я долго, вернулся в хоромы, почитай, к обеду, стал звать Анютку, дочку, – не откликается; я наверх к гостье, думал – там Анютка, подружилась она с гостьей-то, вместе с нею в одной горенке и спала. Вхожу наверх, а там нет ни гостьи, ни Анютки; обеих и след простыл. Я на двор, стряпуху спрашиваю, работника, не видали ли они Анютки с гостьей. "Не видали, – говорят, – двором никто не проходил". А ворота у нас и днём и ночью на запоре.

– Как же они ушли, если ворота были на запоре? – прерывая Гаврилу, спросил Храпунов.

– Через изгородь садовую перелезли. Следы на снегу видны.

– Ты бы по следам и шёл искать беглянок, – промолвил дворовый Игнат.

– Я и пошёл по следам. Они вывели меня на проезжую дорогу, а тут и потерялись. Сам я искал беглянок, только недавно воротился; а работники и по сей час в лесу их ищут.

– Господи!.. Зимой, в лесу... заблудятся, замёрзнут, – чуть не со слезами проговорил молодой офицер.

– Ну, моя Анютка лес знает как свои пять пальцев, не заблудится. Одно только опасно: на зверя не наткнулись бы они. Волков голодных теперь по лесу шляется много. Долго ли до беды?

– Надо искать; я до тех пор не успокоюсь, пока не обследую всего леса. И вы, Гаврила и Игнат, оба со мной поедете, – проговорил Лёвушка, садясь поспешно в сани.

Долго искали они Марусю и Анютку: весь лес осмотрели, где на лошадях было нельзя – пешком ходили, вязли в снегу, но нигде не попали на след беглянок: обе они как в воду канули. Так в лесные хоромы ни с чем и вернулись; а оттуда Лёвушка Храпунов в Москву поехал.

"Если Маруся жива, то, наверное, к своей бабушке придёт; скрываться ей больше негде, – думал он. – Может, она, голубка, уже давно дома. Но что это всё значит? Давеча князь Иван помянул про приданое... Долгоруковы хотят дать Марусе приданое... Почему? Не пойму я, не разгадаю, при чём тут Долгоруковы. Нет ли тут какого-нибудь подвоха? Может, князь Иван приказал припрятать Марусю куда-либо в другое место. Лесник с ним, наверное, заодно. Припрятали Марусю, да и говорят, что она сбежала. Ну да я узнаю, доберусь до правды, чего бы мне это ни стоило!"

Доехав до Тверской заставы и отпустив с Игнатом княжескую тройку, Храпунов пешком пошёл в хибарку Марины, питая надежду встретить там свою возлюбленную. Но ему пришлось скоро разочароваться: девушки там не было.

Тяжёлое, удручающее впечатление произвело на старуху Марину известие, что её внучка Маруся неизвестно куда исчезла из лесных хором. Её горю и слезам не было предела. Когда же она несколько поуспокоилась, то стала обсуждать с Храпуновым, куда могла уйти Маруся и где надо искать её.

Наконец они решили подождать день, и если Маруся домой не вернётся, то поручить полиции и сыщикам искать её...

Между тем Маруся сама порешила бежать из опостылевшего ей лесного дома.

Прошёл только день, как познакомились Маруся и Анютка, а они уже стали близкими подругами. Словоохотливая Анютка рассказала Марусе про свою жизнь в лесу и, захлёбываясь от восторга, поведала, как

молодой царь, будучи на охоте, приезжал в лесные хоромы в гости к их князю Ивану Алексеевичу, как молодой князь встречал государя, угощал его.

– Вот-то весело да радостно было у нас тогда!.. Умру – не забуду того дня. Государь-то молоденький-премолоденький, совсем мальчик, да такой пригожий и ласковый, С отцом моим таково ласково говорил, червонцем его пожаловал. А как уехал царь с нашим князем, опять у нас пошла скучища.

– Стало быть, ты здесь, Аннушка, скучаешь? – спросила Маруся у дочери лесничего.

– Дома скучаю, а в лесу нет.

– Разве в лесу-то лучше, веселее?

– Знамо. В лесу в летнюю пору рай! Вот хорошо было бы, если бы ты, Маруся, пробыла у нас до лета. Стали бы мы в лес ходить, ягоды рвать, грибы собирать, по деревьям лазить. Я, как белка, по деревьям прыгаю. Залезу на самую маковку, высоко-высоко, и сажу там да на небо посматриваю.

– Зачем же ты, Аннушка, на небо смотришь?

– Больно мне хочется увидеть мамкину душу. Ведь мамкина душа-то на небе, вот и хочется мне увидеть её. Да вот только сколько ни смотрела, не видала. Видно, много я нагрешила, потому мамкина душа и не показывается, – печально проговорила Анютка.

– Что ты, Аннушка! Велики ли твои грехи? Чем же ты гречишь? – улыбаясь, спросила Маруся.

– Мало ли чем. Вот тятки иногда не слушаю, сержусь на него.

– А ты отца, Аннушка, боишься?

– Нет. Да и чего бояться его? Он ко мне добрый!

– А если, Аннушка, не боишься отца, так взяла бы да выпустила меня отсюда, – тихо проговорила Маруся, беря за руку Анютку.

– Что ж, пожалуй, – как-то нерешительно промолвила девочка и добавила: – Да разве у нас тебе плохо?

– Слыхала, Аннушка, поговорку: "В гостях хорошо, а дома лучше"? А я у

вас не в гостях. Ну разве гостей держат под замком? А меня твой отец на замок запер.

Разговор Маруси с Анюткой происходил поздним вечером; дверь горницы, где они находились, была заперта на замок Гаврилой, и ключ он взял с собою.

– И то, и то... Ах ты, моя сердечная! Только отца ты, Маруся, не вини; это наш князь приказал ему держать тебя под замком... Пыталась я спрашивать у тятки, зачем князь велел держать тебя взаперти. Куда тебе!.. Закричал он на меня, что это – не моего ума дело, грозился за волосы оттащить.

– Злой человек князь Иван, да и твой отец тоже...

– Говорю, отца не вини: ему что велят, то он и делает. Только я, Маруся, никак не пойму, чем ты провинилась против князя, зачем он велел держать тебя в неволе? – недоумевала Анютка.

Маруся рассказала всё своё приключение и, заливаясь слезами, закончила его словами:

– Ну, вот видишь: был у меня жених, а князь Иван разлучил меня с ним... разбил моё счастье. Суди его Бог!

– Ах, ты, сердечная, сердечная! – сама плача, воскликнула Анютка, а затем, подумав, продолжала: – Но ты, Маруся, не сокрушайся... Я выпущу тебя на волю, выпущу.

– Аннушка, милая. Да разве это можно? Ведь твой отец зорко стережёт меня.

– Пусть стережёт, а я всё же тебя выпущу, да и сама с тобой убегу. Теперь зима студёная, мне скучно здесь. Вот если бы лето было, так я ни за что не убежала бы.

На следующее утро, когда Маруся и Анютка только что встали, к ним в горницу вошёл Гаврила Струков.

– Здорово, сударушка, здорово, гостьюшка, – ласково произнёс он, ставя на стол жестяную кружку горячего сбитня.

– Здравствуй, – ответила Маруся, поднимая свои чудные глаза на лесничего.

Гаврила, смотревший на неё в этот момент, вдруг изменился в лице и испуганным голосом проговорил:

– Что это? С нами крестная сила!..

Видимо, он был поражён особенностью взгляда девушки, напоминавшей ему что-то былое, давно знакомое. Анютка заметила испуг отца и спросила:

– Тятка, чего ты испугался?

– Молчи, молчи... Тебя как зовут? – тихо спросил у Маруси Струков.

– Марусей... Марьей, – ответила девушка, удивляясь испугу лесничего.

– И её, покойницу, так звали... Что же это? Неужели цыганка Марья с того света пришла?..

– Тятка, да что ты ворчишь?

– Молчи, молчи, Анютка!.. Пошла вниз и жди! – крикнул Гаврила дочери и, когда та покорно ушла, обратился к Марусе: – Чья ты будешь, сударушка?

– Не знаю, – коротко ответила ему девушка.

– Как не знаешь?.. Чья же ты дочь?

– Говорю, ни отца, ни матери я не знаю.

– И того не знаешь, живы ли они?

– Отец жив, а мать умерла.

– А как твою мать звали? Знаешь?

– Знаю, Марьей. Да зачем ты про всё это расспрашиваешь?

– Нужно, сударушка: может, для твоей же пользы... А рода ты не цыганского ли?

– Цыганского.

– Ас кем ты до сих пор жила?

– С бабушкой.

– А её не Мариной ли звать?

– Так, так. Разве ты знаешь мою бабушку?

– Знаю. То есть нет, нет... я так, сударушка-боярышня, наугад молвил, так!.. – видимо смутившись, произнёс Гаврила и засобирился уходить. – Ну, счастливо оставаться... Я сейчас Анютку к тебе пришлю... Может, тебе

что-нибудь нужно... так прикажи!

– Спасибо, пока мне ничего не надо. Впрочем, вот что: не держи ты меня под замком, пожалуйста, не держи!.. Я и так не убегу.

– Нет, нет. Как можно теперь тебя под замком держать? Как можно! Я сейчас к тебе Анютку пошлю, сударушка-боярышня, – и лесничий, низко поклонившись Марусе, вышел. Идя вниз, он бормотал: – Грех-то какой, отцы мои, грех-то какой! Брат на сестру посягает, в тяжёлой неволе, по неведению, сестру держит! А как похожа цыганочка на свою мать-покойницу... Вылитая мать, такая же красавица! Ишь ты, дела-то какие!.. Ту князь Алексей Григорьевич сгубил, а эту его сын задумал погубить... Брат – сестру!.. Что мне делать, как быть? Как от беды цыганочку спасти? Ехать в Москву и предупредить князя Ивана Алексеевича, сказать ему, кого он в неволе держит? Пожалуй, ещё не поверит, меня же обвинит... Ах, вот, придумал, придумал!.. – В этот момент он очутился уже в своей комнате и, позвав дочь, тихо сказал ей, оглядываясь по сторонам: – Слушай, Анютка! Я сейчас пойду в лес и работников возьму с собою... Не скоро я вернусь домой. Ты без меня выпусти невольную гостью... Пусть она, куда хочет, туда и идёт, и сама с ней ступай...

– Тятка, да ты шутишь, что ли? – тараша глаза от удивления, проговорила девочка.

– Не до шуток мне, не до шуток... Скорее бегите! Тем нашу гостьюшку спасёшь от большой беды. Дней через пяток ты приходи домой. За тебя я не робею, ты не пропадёшь.

– Не пропаду, тятка. А теперь я повинюсь тебе: ведь я сама хотела выпустить на волю Марусю – уж очень её я полюбила, да и сама с ней бежать хотела.

– И ладно бы, Анютка, сделала.

– Как же это, тятка, ты Марусю выпускаешь? Разве ты не боишься молодого князя? – удивлённо спросила Анютка.

– Не я её выпускаю, а ты... Поняла, что ли?

– Поняла... И хитрец же ты, тятка, вот хитрец!

– Ну, мне пора в лес. Прощай, дочка, храни тебя Бог! Бегите в Москву;

наша гостья-боярышня там проживала; как доведёшь её до города, так она небось легко дом свой найдёт. А сама ты дней через пять домой вернись; ждать буду... Только гостье ни слова не говори про то, что я тебе велел её на свободу выпустить. Ну, прощай, ухожу.

Гаврила Струков, прихватив с собой работников, вышел "обозревать" лес, а Анютка, счастливая, довольная, побежала наверх к Марусе и, задыхаясь от волнения, проговорила:

– Собирайся скорее, Маруся!..

– Куда? Зачем? – с удивлением спросила молодая девушка.

– Собирайся, говорю!.. Ведь сама ты просила, чтобы я тебя на волю отпустила.

– Как, Аннушка? Ты освобождаешь меня? – радостно воскликнула Маруся. – Но куда мы пойдём?

– Там видно будет... пока лишь вон из дома, благо он не заперт. И сама я с тобой уйду.

– А твой отец ушёл?

– Знамо, при отце я тебя не выпустила бы. В хоромах только и осталась одна стряпуха; она около печи ворочается.

Маруся и Анютка поспешно оделись и вышли из ворот лесных хором. Остановливать их было некому; старуха возилась в кухне и не видала, и не слыхала, как молодые девушки ушли.

Было утро морозное, но ясное. Маруся и Анютка поспешно шли по лесной дороге к Москве. Пройдя некоторое расстояние от лесных хором, Маруся спросила у сопровождавшей её девочки:

– Куда мы идём?

– Дорога эта ведёт к Москве, – ответила ей Анютка.

– Боюсь я в Москву-то идти, Аннушка, боюсь. Неровен час, князя Ивана в Москве повстречаем. Ведь он только и знает, что по ней гоняет... любит он по увеселеньям разъезжать. Увидит, ну и пропала я.

– И что ты, Маруся! Москва не клином сошлась, авось найдём, где укрыться... Только вот одно плохо: Москва, говорят, деньгу любит, а у меня и гроша нет.

– Зато у меня есть, – с улыбкой ответила ей Маруся.

– Вот и ладно. В Москве с деньгами жить можно. Вот пройдем немного, лес кончится, и придем в деревушку Климово; там подрядим мужика, он нас духом до Москвы довезет, благо у тебя есть деньги.

– Ох, Аннушка, милая, а вдруг мы попадемся навстречу твоему отцу?

– Не бойся, не попадемся: тятка пошел совсем в другую сторону, я видела, – успокаивая Марусю, проговорила Анютка.

Молодые девушки дошли до деревушки Климово и там подрядили мужика Вавилу довезти их до Москвы.

Маруся закутала голову в большой платок, чтобы её не узнал кто-либо, и благополучно доехала с Анюткой до Москвы. Однако к своей бабке она не решилась ехать, а остановилась недалеко от хибарки Марины, на постоялом дворе, которых на Тверской-Ямской было много, в отдельной каморке.

В первый и второй дни ни Маруся, ни Анютка никуда не выходили из своей каморки, боясь выйти на улицу, чтобы не встретить князя Ивана Долгорукова. Наконец, на третий день Маруся решилась послать Анютку к бабушке, рассказав ей, как найти её хибарку.

Нечего и говорить о радости Марины, когда она услышала, что её внучка живёхонька, и узнала, где та остановилась. Тотчас же в сопровождении Анютки она отправилась на постоянный двор.

Радостна была её встреча с внучкой; последняя рассказала всё происшедшее с ней и закончила словами:

– А всё же, бабушка, домой мне возвращаться нельзя.

– Почему же?

– А князь Иван Долгоруков?

– Его теперь бояться нечего. Князь Иван Алексеевич никакого зла тебе не сделает.

– Как, бабушка? Ведь он в неволе меня, ровно свою холопку, держал.

– Теперь этого, Маруся, не будет. Князь Иван много сокрушался, когда услышал, что ты тайком ушла из его лесных хором.

– А ты как про то узнала? – с удивлением спросила Маруся.

– А ты погоди, я тебе всё расскажу, вот как домой придём. Говорю, ничего не бойся.

Маруся согласилась переселиться к бабушке и вскоре была уже в хибарке старухи.

Действительно, Долгоруков навестил Марину. Дело в том, что Гаврила Струков, рассказав Храпунову об исчезновении своей дочери и Маруси, счёл необходимым очиститься от всяких подозрений и известил о своём "горе" князя Ивана Долгорукова. Тот был поражён этим обстоятельством, предвидя, какой тяжкий удар нанесёт оно Храпунову, и приказал произвести розыски по всем окрестностям Горенок, а сам поспешил посетить Марину, надеясь, что Маруся вернулась к ней. Увы! Её там не было; к тому же старуха накинулась на него с горькими жалобами и причитаниями, обвиняя его в гибели её любимицы. Долгоруков искренне огорчился этим исчезновением своей названной сестры, пообещал старухе найти её внучку, а вместе с тем не преминул сказать, что ему известно о любви Маруси и Храпунова и что он наградит красавицу девушку приданым.

Марина, зная тайну рождения внучки, приняла это обещание как должное, но, конечно, решила скрыть от Маруси его истинное значение.

Теперь Марина сообщила об этом Марусе, по возвращении её в родной дом.

– Сам князь Иван был у меня – вчера был и нонче утром заезжал. Добро он задумал для тебя, Маруся, сделать.

– Какое добро?

– Хочет под венец тебя с Лёвушкой Храпуновым снарядить и приданое большое дать.

– Что он за родич мне? Ни в приданом, ни в его заботах я не нуждаюсь и видеть его не хочу, – сердито проговорила Маруся. – И не пойму я тебя, бабушка! Давно ли ты мне говорила, чтобы я боялась Долгоруковых, что они – мои враги, а теперь говоришь...

– А теперь я говорю, Маруся, что не след тебе бояться Долгоруковых, а также не след отказываться от приданого; от добра не отказываются.

- Бабушка, милая, я не понимаю, ничего не понимаю!
- Придёт время, Маруся, поймёшь, всё поймёшь!
- Когда же придёт это время?
- Придёт скоро... Верь моим словам, внучка милая; не обману я тебя!..
Ведь тебе ведомо, как я люблю и жалею тебя...

На другой день после своего возвращения Маруся была удивлена и испугана неожиданным приездом князя Ивана. Марины в то время не было дома, в хибарке оставались только Маруся и Анютка; последняя от страха спряталась на печку. Неласковым взглядом встретила красавица царского фаворита и резко спросила его:

- Что тебе, князь, надо? Зачем пожаловал?
- Не сердись на меня, Маруся! Видит Бог, не с лихом я прибыл к тебе. И за прошлое прости меня! – и при этом гордый, спесивый князь низко поклонился красавице.

– Никак я, князь, не пойму, что нужно тебе? – холодно проговорила Маруся.

– Дозволь мне загладить свой проступок, дозвожь сделать для тебя, Маруся, доброе дело! – искренним голосом произнёс Долгоруков и быстро вышел из хибарки; однако он тотчас же вернулся в неё, держа в руках красивый ларец, кованный серебром, поставил его на пол и, показывая Марусе на него, промолвил: – Тут золото и камни самоцветные. Возьми их, Маруся! Они должны по праву принадлежать тебе.

– Должны принадлежать мне? – переспросила девушка. – Почему именно?

– Как тебе сказать? Как пояснить?.. Я, право, не знаю, – с замешательством промолвил Долгоруков.

– Если, князь, не скажешь, я не приму ларца.

Долгоруков немного подумал, а затем произнёс:

– Вот видишь ли, Маруся, твоей матери был должен один человек много-много денег. Он не мог заплатить долг при её жизни, а теперь разбогател и поручил мне доставить тебе этот ларец, так как он по праву

представляет твою собственность. Ты понимаешь меня?

– Ровно ничего, князь, не понимаю.

– Какая ты непонятливая!.. Этот ларец и всё, что в нём, должны были принадлежать твоей матери; но она умерла, и вместо неё ты, как дочь, получаешь долг. Надеюсь, теперь ты видишь, что не вправе отказываться от ларца. Я оставлю его, а сам уеду. Теперь я долго не увижусь с тобой. Прости меня и прощай, Маруся, будь счастлива! – ласково проговорил князь Иван, подходя близко к Марусе. – Дозволь мне поцеловать тебя чистым, братским поцелуем.

– Князь... – возразила было Маруся, всё ещё боясь его и не веря его искренности.

– Братским, прощальным поцелуем, Маруся! – и князь Иван, поцеловав Марусю, направился было к двери.

– Одно слово, князь! – остановила его Маруся. – Моего отца ты не знаешь?

– Нет, не знаю, – смущённо произнёс Долгоруков, не ожидавший такого вопроса.

– Нет, князь, ты говоришь неправду. Тебе известен мой отец, – значительно проговорила молодая девушка и пристально посмотрела в глаза князю Ивану.

Но он уклонился от ответа, сказав: "Прощай, Маруся! О своём отце меня не спрашивай!" – и поспешил уйти из хибарки старой цыганки.

Он не мог и не должен был открыть Марусе тайну; сказав, кто её отец, он должен был бы назвать Марусю своей сестрой. Но этому противились его гордость, спесь и тщеславие. Как? Он, любимец государя, родовитый князь, назовёт дочь простой цыганки своей сестрой?! Сделать это было выше его сил.

Между тем Маруся не могла прийти в себя от изумления:

– Господи, что же всё это значит? Со мной такие чудеса происходят, ровно в сказке! Князь Иван из врага чуть ли не благодетелем моим становится! Ларец мне оставил, говорит, что кто-то должен был моей матери и уплывает мне. Ничего не пойму!.. Посмотреть разве, что в

ларце?

Молодая девушка открыла ларец, и крик удивления вырвался из её груди при взгляде на золотые червонцы и на дорогие вещи, сверкавшие драгоценными камнями.

– Что ты кричишь, Маруся? Или с радости, что князя скоро спровадила? – спросила Анютка, слезая с печи.

– Аннушка, взгляни-ка, взгляни, что в ларце-то лежит... видишь?

– Батюшки светы, какое богатство! Деньги, да всё золотые! А камни-то... камни блестят, ровно солнышко красное... перстни, серьги, жемчуг!.. Маруся, неужели всё это тебе князь Иван Алексеевич подарил? – воскликнула удивлённая Анютка.

– Он сказал, что это богатство по праву должно было принадлежать моей покойной матери и по наследству перешло ко мне. Чудно всё это для меня!.. Ровно как в сказке какой, право.

– Ну и приплыло же к тебе богатство, Маруся!

– Нежданно, негаданно. Аннушка, выбери себе перстенёк и серьги, какие хочешь, – предложила Маруся своей маленькой подруге.

– Спасибо, Маруся, спасибо, голубонька! Но ни перстня, ни серёг я не возьму. Зачем мне? Ведь я в лесу живу; ну для кого мне рядиться?..

– Возьми, Аннушка! Не возьмёшь – меня обидишь.

– Ну так выбери сама, Маруся! Уж так и быть, из твоих рук я возьму.

Маруся выбрала для Анютки жемчужное ожерелье, серьги с крупным яхонтом, такой же перстенёк и сама надела всё это на девочку. Той захотелось посмотреть на себя в этом драгоценном уборе, и она обратилась к цыганке-"русалочке":

– Маруся, голубка, нет ли у тебя зеркальца? А если есть, то дай взглянуть в него, хороша ли я в этом дорогом наряде?

– На, глядись, – с улыбкой проговорила Маруся, давая Анютке зеркальце, подаренное ей женихом.

– Маруся, голубка, взгляни, как серьги-то, серьги в моих ушах сверкают, и перстенёк, и жемчуг! Маруся, за что же ты меня таким подарком наградила? – задыхаясь от радости, воскликнула Анютка и принялась

крепко обнимать и целовать свою подругу.

Та тоже заразилась её радостью, и они, весело щебеча, даже не заметили, как в хибарке появился желанный гость, Лёвушка Храпунов.

Трудно описать, как был обрадован и удивлён Лёвушка, увидев свою сердечную любушку, свою красавицу русалочку. Он страстно обнимал её и без счёта целовал её дорогое личико.

Когда первый порыв радости миновал, Лёвушка засыпал Марусю вопросами, так что молодая девушка едва успевала отвечать на них. Немало удивился Храпунов, когда увидел ларец, наполненный золотом и драгоценными вещами.

– Маруся, милая, зачем ты взяла это? – с лёгким упрёком проговорил он.

– Я и не брала, да князь сам оставил, сказав, что будто это золото и драгоценности должны были принадлежать моей матери.

– И князь молвил правду-истину. Всё это богатство твоё, Маруся, – значительно посматривая и на внучку, и на её жениха, проговорила вошедшая в хибарку Марина.

– Маруся, ты сама, твоё происхождение и твоё богатство – какая-то загадка, – задумчиво проговорил Лёвушка.

– А ты отгадай эту загадку, добрый молодец, – с улыбкой ответила ему Марина.

– Эх, что мне отгадывать это, если у меня есть разгадка попрятнее! – воскликнул Лёвушка и обратился к своей возлюбленной: – Я отгадал, Маруся, твою любовь, и больше мне нечего отгадывать.

Маруся и Лёвушка решили справить свою свадьбу после Рождественского поста, который был уже на исходе. Но вот наступили Рождество и святки. Маруся и её суженый съездили к леснику Гавриле Струкову за его дочкой Анюткой и на святки привезли её гостить к себе, то есть в хибарку старой Марины. Маруся никак не хотела до своего замужества покинуть свою бабушку и жила с нею, хотя Лёвушка и приготовил было для неё и для Марины хороший и удобный домик; но старая Марина не хотела расстаться со своей хибаркой, а с ней осталась и Маруся.

День свадьбы Лёвушки с Марусей уже приближался, как вдруг выяснилось, что их свадьба, а также свадьба князя Ивана Долгорукова с графиней Натальей Шереметевой должны быть отложены по той причине, что опасно заболел государь.

XV

Причину болезни императора-отрока иностранцы, находившиеся в то время в Москве, приписывали сильному морозу, который был в крещенский парад, 6 января 1730 года.

"Никогда в жизни, – писала жена английского консула, леди Рондо, – я не помню дня более холодного. Я боялась ехать на обед во дворец, куда все были приглашены и собрались, чтобы встретить молодого государя и будущую государыню при их возвращении с крещенского парада, который происходил на Москве-реке. Они оставались четыре часа на льду, посреди войск. В тот час, когда они вошли в зал, император стал жаловаться на головную боль. Сначала думали, что это – следствие холода, но так как он продолжал жаловаться, то послали за доктором, который посоветовал ему лечь в постель, найдя его очень нехорошим. Это обстоятельство расстроило всё собрание. На другой день у императора появилась оспа".

Болезнь государя становилась всё опаснее и опаснее. В первое время Долгоруковы скрывали истину и распространяли ложные слухи о болезни царя. Так, даже 12 января, когда окружающие уже знали, что у царя оспа и что его положение крайне серьезно, в народе говорили, что он простудился и что у него сделался насморк. Когда 15 января царю стало лучше, Долгоруковы сочли возможным объявить о настоящем характере болезни, но вместе с тем уверяли всех, что положение больного не внушает никаких опасений. Долгоруковы уверяли, что оспа у царя так хорошо высыпала, что, благодаря Бога, можно вполне надеяться на скорое его выздоровление.

Долгоруковы страшились за свою участь, так как хорошо знали, что в случае смерти государя им не миновать ссылки, а может быть, с ними

произойдёт тогда что-либо худшее. Они задумали упрочить своё шаткое положение и уговорить больного императора Петра обвенчаться со своей наречённой невестой, княжной Екатериной. Воспользовавшись днём 15 января, когда государю заметно стало лучше, Долгоруковы подослали к императору-отроку его любимца, князя Ивана, и вменили ему в обязанность упросить государя обвенчаться с княжной Екатериной. Всё уже было приготовлено к этому. Однако против этого плана выступил Остерман, а к нему присоединился и фельдмаршал Василий Владимирович Долгоруков.

Однако, несмотря на это, Долгоруковы не оставили своего плана и прилагали все меры к тому, чтобы побудить больного императора к осуществлению этой затеи. Пользуясь исключительной близостью к императору князя Ивана Алексеевича Долгорукова, они всё время внушали ему воздействовать на больного государя в желательном для них смысле. Князь Иван лично не одобрял этого плана и подчинялся велению своих родичей лишь скрепя сердце.

Чтобы устранить всякие препятствия своим целям, Долгоруковы старались устроить так, чтобы император был окружён исключительно их попечениями, и не подпускали к нему никого из близких ему по родству лиц. Однако всё же царевне Елизавете Петровне удалось навестить своего державного племянника в тот момент, когда, по случайному стечению обстоятельств, никого из Долгоруковых возле него не было.

Едва сдерживая слёзы, смотрела царевна на угасающую жизнь императора-отрока, стоя в нескольких шагах от его кровати, чтобы не заразиться.

– Лиза, отойди ещё дальше, дальше отойди от меня, заразишься! – слабым голосом произнёс Пётр II.

– Я не боюсь, государь! Чему быть, тому не миновать!

– Нет, Лиза, тебе надо беречься. Ведь ты молода, хороша! Помнишь, Лиза, я хотел на тебе жениться?

– Помню, государь!

– И женился бы, да ты, Лиза, не хотела. И как хорошо было бы нам

обоим, да и всем!.. Случилась бы вот такая болезнь, как теперь, и я был бы спокоен. Ты походила бы за мною, Бог дал бы, и я поправился бы, а нет – так меня на троне заменила бы!.. Да вот не захотела ты тогда! А только думаю, что и не будучи венчана со мной, ты всё же после меня престол получить могла бы. Ведь ты – самая близкая мне по бабушке. Вот возьму да и назначу тебя моей наследницей.

– Нет, Петруша, не надо, зачем! Выздоровеешь ты, и у тебя будет свой наследник.

– Лиза, зачем ты смеёшься надо мною?

– Бог с тобой, Петруша, я и не думаю смеяться. Да и смею ли я?

– Нет, Лиза, мне не поправиться, я скоро умру! А знаешь ли, что выдумали Долгоруковы? Ведь они захотели обвенчать меня с княжной Екатериной. Я едва могу говорить, едва могу приподнять голову, а они меня венчать затеяли! И обвенчали бы, да, спасибо, Андрей Иванович вступился. И знаешь, для чего они думали сделать это? Для того, чтобы княжну Екатерину объявить после меня царицей. Ну да я хоть и больной, а замысел их понял. Ах, как мне надоели Долгоруковы, а в особенности князь Алексей Григорьевич и его дочь! – со вздохом вырвалось у государя. – Впрочем, княжна Екатерина боится ходить ко мне. И хорошо это, я очень рад – по крайней мере хоть последние часы своей жизни я проведу в покое. Одно мне тяжело, Лиза: что я с тобою больше уже едва ли увижусь на этом свете!

– Петруша, государь, зачем так говоришь, зачем? – не сдерживая более своих слёз, промолвила Елизавета Петровна.

– Слёзы, Лиза? Зачем? Тяжело мне от твоих слёз становится, ещё тяжелее!.. Не надо слёз, Лиза, не надо!

– Я не буду плакать, Петруша, не буду... Я уйду, а ты усни; сон подкрепит тебя.

– Нет, нет, не уходи, Лиза, побудь ещё со мною!.. С тобой мне так хорошо!.. Только, милая, не плачь... После моей смерти ты... ты будешь...

– хотел что-то сказать умирающий император-отрок, но не договорил, так как опять впал в забытье.

Цесаревна Елизавета Петровна, сдерживая рыдание, опустилась на колена пред образом и стала горячо молиться.

В то время, когда происходила эта беседа больного императора с тёткой, князь Иван Алексеевич Долгоруков находился в доме Шереметевых. По своему легкомыслию он почти совсем забыл, что у него есть обручённая невеста, и по целым неделям не заглядывал к ней. Но теперь тоска потянула его к любящему сердцу. Он услышал от придворного медика о безнадежном состоянии государя, своего друга и благодетеля; это страшно потрясло его, и, чтобы хоть немного порассеяться, он отправился к своей невесте.

Глубоко огорчало графиню Наталью Борисовну это безразличное отношение к ней жениха, однако она искренне, горячо любила его, и стоило ему посетить её, как она забывала всё своё горе и, наслаждаясь его присутствием, старалась возможно ласковее относиться к нему. Так и теперь она встретила князя приветливо и с видимой радостью и только позволила себе высказать ему лёгкий упрёк:

– Что это, мой свет, тебя давно не видно было?.. Уж ты меня, кажется, совсем забывать изволишь!

– Прости, Наташа! Всё недосуг.

– Так ли, князь? Ведь мне про тебя иное сказали.

– Что же именно?

– Что будто ты какую-то цыганку-красавицу увёз и насильно её держишь в своих лесных хоромах.

– Как! И про то тебе сказали? – с удивлением воскликнул Долгоруков. – И ты, слыша про меня такие слова, всё-таки не гонишь меня от себя?

– Зачем гнать? Разве женихов гонят? Их ласково принимают, сладко угощают и в передний угол сажают, – с милой улыбкой проговорила графиня.

– Покаюсь, Наташа, во многом я грешен, но про цыганку мои враги наврали тебе.

– Ну так я и знала! – радостно воскликнула графиня. – Ну, станешь ли ты, красавец, любимец государя, возиться с какой-то цыганкой!

– Не скрою от тебя, правда, я день или два продержал цыганку в своих лесных хоробах, но она тайком ушла оттуда. Хочешь – верь, хочешь – не верь.

– Верю, мой сердечный Иванушка, верю. Да и как же мне не верить тебе, моему будущему мужу?

– Ну, Бог знает, буду ли я ещё твоим мужем?! Моя судьба может сразу измениться! Знаешь ли, милая, я только что пред отправлением к тебе говорил с придворным лекарем, и он сказал мне, что болезнь государя смертельна, и не нынче-завтра он должен умереть.

– Бедный, бедный император! Он ещё так молод и уже должен умереть!.. – с неприятной горестью промолвила Наталья Борисовна. – Как мне жаль его!..

– А я так прямо места не нахожу себе из-за этого!.. Ведь не станет государя, не станет и меня; всё моё счастье было и есть в государе. Я держусь лишь близостью к нему и его благоволением. Врагов у меня без конца и счёта, но все молчат теперь, а умри государь – так меня со всега сживут. И вот, Наташа, обдумав всё это, я решил сказать тебе, предупредить...

– Что сказать? О чём предупредить?

– А вот что: откажи мне, Наташа, выбери себе в мужа другого... Ведь умрёт государь – меня ждёт опала, а может быть, и ссылка.

– Да ты шутишь, Иванушка?

– Уж до шуток ли?

– А если не шутишь, то зачем говоришь мне такие слова обидные? Я люблю тебя, люблю всем сердцем, а ты говоришь, чтобы я отказала тебе. Разве можно?

– Ох, Наташа, родная! Не стою я твоей любви, не стою. Гони меня, выбери другого.

– Предоставь мне, князь, судить об этом!

– Пойми, Наташа: пока жив государь, до тех пор и я жив; не станет его – и меня тоже.

– Ты, наверно, про то говоришь, что если умрёт государь, то тебе не

будет такой чести, как теперь? Ведь так?..

– Тогда меня живым съедят.

– И полно, Ваня!.. Авось не съедят! А если есть начнут, то подавятся, – с улыбкой проговорила графиня Шереметева.

– Так ты, Наташа, не прочь выйти за меня, даже если на меня обрушится тяжёлая опала?

– Об этом и слов не может быть. Я – твоя обручённая невеста и должна быть твоей женой.

– Голубушка, сердечная! – и князь Иван бросился целовать руки своей невесты, а она ласково коснулась своими устами его волос.

Если не счастливым, то успокоенным вернулся Иван Алексеевич во дворец и хотел пройти в спальню больного государя, чтобы вступить там на своё обычное дежурство, однако ему сказали, что у государя находится царица Елизавета Петровна. Князь тихо подошёл к двери и услышал за нею глухие отзвуки двух голосов. Он не посмел помешать этой беседе и остался в соседней комнате, решив выждать, пока царица удалится.

Несколько времени он остался один, но затем к нему подошёл возвратившийся во дворец отец и сурово обратился к нему:

– Ты что же здесь торчишь и не идёшь к государю?

– Там царица Елизавета Петровна, – отвечал князь Иван.

– Как? Царица Елизавета у государя, а ты торчишь здесь! Да разве не говорил я тебе, что твоё место при государе, что ты обязан неотступно находиться при нём?! И дурак же ты! Недогадливый дурак!

– Полно, батюшка, ворчать и ругаться.

– Да как же не ворчать и не ругаться? Зачем ты допустил царицу к государю?

– Меня не было. Я навестил свою невесту.

– Нашёл время ехать! Ох, Иван, сам ты погибнешь и нас на погибель тянешь.

– Не я вас, а вы меня к гибели тянете, – резко и сердито проговорил молодой князь. – Уйду я от вас... Делайте, что хотите, без меня, а меня

оставьте, не впутывайте!

– Ну, ну, полно, полно. Сам пойми: теперь дорога всякая минута, а ты уходишь, оставляешь государя одного, – уже совсем мягким голосом проговорил князь Алексей, сразу вспомнив, какое значение имел у государя его сын.

– А вы где же были? – спросил у него князь Иван.

– У Катерины. Вот тоже девка! Сладу с нею нет... Говорю ей: "Поди хоть на одну минутку к государю, навести его!" – а она идти и не думает! Заразиться, вишь, боится. А вот цесаревна не боязлива, приехала... Ничего бы, кажись, не пожалел, лишь бы узнать, о чём она с государем говорила!

– А вы бы у стен спросили, – хмуро заметил князь Иван, – если вам так интересна эта беседа.

– Ох, Иван, Иван!.. Ты да дочь Катерина – Божеское наказание для меня!

– Погодите, Божеское наказание ещё впереди! – как-то загадочно промолвил молодой князь Долгоруков.

– Ну, ну, ладно, не каркай! – уже более примирительно сказал ему отец. – К государю-то пойдём скорее. Смотри, Иван, теперь в оба... каждая минута дорога.

Долгоруковы вошли к умирающему императору-отроку.

Цесаревна Елизавета Петровна окончила молитву, подошла к своему державному племяннику, который всё ещё находился в забытьи, перекрестила его и, бросив гордый, презрительный взгляд на Алексея и Ивана Долгоруковых, направилась к двери.

– Ваше высочество, напрасно вы так близко подходите к государю. Оспа – болезнь заразная, – предупредительно произнёс князь Алексей Григорьевич.

– А вы опоздали, князь, – вместо ответа насмешливо промолвила ему Елизавета Петровна.

– Как опоздал? – меняясь в лице, чуть не воскликнул князь Алексей Григорьевич. – Я что-то плохо разумею, ваше высочество.

– Я долго пробыла у государя-племянника и о многом успела переговорить с ним. Вас тут не было, и мешать нам было некому, – с насмешливой улыбкой произнесла Елизавета Петровна и вышла своей величавой походкой.

– Ты слышал?.. Слышал?.. Она ещё глумится. А всё ты, простофиля, разиня, – злобно воскликнул Алексей Григорьевич, обращаясь к сыну.

– Чем же я-то виновен? Ведь над вами цесаревна глумилась, а не я.

– А ты зачем допустил её к государю, зачем их вдвоём оставлял, ротозей!

Но князю Алексею Григорьевичу пришлось скоро прервать своё ворчанье на сына, потому что больной государь забредил и заметался от страшного жара.

– Лиза, ты здесь? – пролепетал он. – Не отходи, пожалуйста, от меня! Как я рад тебе! Что это? Я... я лечу... Господи, как высоко... высоко!.. Пить, пить, жжёт... скорее пить!

Князь Иван дрожащими руками подал державному страдальцу прохладительное питьё. Утолив жажду, император-отрок опять впал в забытьё.

– А дело-то плохо: государю не встать, – с глубоким вздохом проговорил Алексей Григорьевич.

– Уж куда тут встать! Едва ли день проживёт.

– Так надо скорее делать наше дело.

– Ах, батюшка, страшно!.. – тихо ответил князь Иван, опуская голову.

– Чего страшиться? Чего?

– Да как же! Ведь это – большой проступок.

– Не того страшись, что ты подделаешь подпись умирающего государя, а бойся того, что мы не успеем совершить задуманное нами. Ведь тогда наша гибель неизбежна, – тихо, но внушительно промолвил князь Алексей.

– Что делать? Что делать? – простонал князь Иван, ломая свои руки.

– Слушать отца и быть покорным ему.

– Да ведь я и то слушаю и делаю всё, что вы хотите... я беру тяжкое

преступление на себя ради вас.

– Ты не так говоришь, Иван: не ради меня ты делаешь, а ради всего нашего рода. Да и что теперь раздумывать, раз дело решено? Ты обязан исполнить то, что мы постановили.

Князь Иван, понурив голову, стоял пред отцом, и ему вспомнилось в мельчайших подробностях всё то, что решили его родичи. Когда выяснилось, что на выздоровление императора-отрока нет никакой надежды, Долгоруковы, мучимые предчувствием за будущее, составили семейный совет. Они, так искусно забравшие в свои руки державного отрока, ни на минуту не отходившие от него, словом и делом поощрявшие его к разным забавам, сознательно толкавшие его на разврат, лишь бы отвлечь его внимание от всего окружающего, и, наконец, сумевшие заставить его обручиться с нелюбимой невестой Екатериной Долгоруковой, казалось, были совсем уже на пороге к высшей власти, и вдруг теперь смертельная болезнь императора грозила им лишением всего достигнутого положения и даже, может быть, полной гибелью. Само собой понятно, что они ревностно заботились о том, чтобы избежать всего этого.

Тускло горели свечи в высоких подсвечниках в Головином дворце, в спальне князя Алексея Григорьевича. Бледный, взволнованный, полулежал он на кушетке, а около него собрались все родичи, близкие ему люди; на всех лицах было выражение непритворной тоски и горя; тяжёлой скукой веяло в этом роскошном покое временщика. Наконец князь Алексей заговорил:

– Всем вам известно, что государь болен, а, по словам врачей, надежда на его выздоровление совсем слаба. Надо будет выбирать наследника.

– Кого же вы в наследники выбирать думаете? – спросил князь Василий Лукич Долгоруков.

При этом вопросе все присутствующие затаили дыхание и выжидательно глядели на князя Алексея. Он, как бы обдумывая ответ, несколько помолчал, а затем, торжественно показывая рукой вверх, тихо промолвил:

– Да вот она!..

Над покоем Алексея Долгорукова жила его дочь Екатерина, наречённая невеста государя.

Ещё тише стало в покое, все молчали; на дерзкое предложение честолюбца никто не отвечал.

– Что же молчите-то? Говорите! – гневно поглядывая на родичей, крикнул князь Алексей. – Ведь мы не в молчанку собрались играть; надо решать!..

– Хорошо бы написать духовную, будто его императорское величество лично назначил её своей наследницей, – чуть слышно проговорил родной брат князя Алексея, Сергей Григорьевич.

Молчавший дотоле фельдмаршал Василий Владимирович Долгоруков встал со своего места и резко проговорил:

– Неслыханное вы дело затеваете! Разве обручённая царская невеста может быть наследницей русского престола?

Фельдмаршал был прямым и честным человеком и сразу увидел весь вред для России от такого выбора.

– А почему же нет? – не скрывая досады, спросил князь Алексей.

– Да очень просто!.. Ну кто захочет быть её подданным? Не только посторонние, но даже никто из нашей фамилии не пожелает этого! Ведь Екатерина с государем не венчана!

– Не венчана, но обручена.

– Венчание – иное дело, а обручение – иное... Да если бы даже Екатерина была в супружестве с государем, то и тогда сомнительно, чтобы она имела право стать наследницей русского престола, – горячился старый князь.

Алексей и Сергей Долгоруковы стали доказывать ему всю необходимость и выгоду для их рода от этого выбора; они говорили, что стоит только приняться за это дело, и оно непременно увенчается успехом.

– Мы уговорим графа Головкина и князя Голицына, а если они заспорят, то и пригрозить можно. Ты подполковником состоишь в Преображенском полку, а князь Иван – там же майором; да и в Семёновском спорить не

будут; слово скажешь – и по-твоему сделается. Вспомни, как Екатерину Алексеевну императрицей сделали!

– Сравнил тоже!.. Наша Екатерина и та!.. Ведь Екатерина-то Алексеевна чья супруга была? Петра Великого! А заикнись лишь о нашей Екатерине, так за это не только бранить начнут, но и убьют, пожалуй! – сердито проговорил фельдмаршал и, не желая более спорить, уехал из дворца.

Едва он вышел, князь Василий Лукич вынул лист бумаги и стал писать подложную духовную.

– Эх, моей руки письмо-то худо! Не напишет ли кто-нибудь из вас получше? – переставая писать, обратился он к окружающим.

Вызвался писать князь Сергей и скоро составил со слов брата и Василия Лукича два экземпляра подложной духовной; из неё явствовало, что император Пётр II после себя назначает на всероссийский престол свою обручённую невесту Екатерину Долгорукову.

Текст завещания был одобрен всеми, а затем был возбуждён вопрос о том, как поступить, в случае если умирающий государь не в силах будет подписать этот документ. В конце концов было решено, что придётся подделать его подпись, и это было поручено князю Ивану Алексеевичу, почерк которого был очень сходен с почерком императора. Князь Иван Алексеевич долго отказывался от этого, но его заставили несколько раз написать имя "Пётр" согласно с одним из документов, подписанных лично государем. Подпись вышла очень схожей, и под давлением родственников князь Иван согласился на подлог.

Всё это вспомнил князь Иван теперь, стоя в спальне умирающего отрока-императора. Его отец хотел ещё что-то сказать ему, но в этот момент государь очнулся и открыл глаза; жар у него немного уменьшился, и он почувствовал некоторое облегчение.

– Кто здесь? – раздался его слабый голос.

– Мы, государь, мы, – подходя к постели умирающего, промолвил князь Алексей.

– Ах, ты, князь, опять здесь? – с неудовольствием сказал государь и спросил: – А где же царевна? Где Лиза?

– Цесаревна Елизавета Петровна изволила уехать, – ответил ему князь Алексей.

– Уехала... уехала... и опять я один остался!

– Как, государь? Разве ты один? А нас, своих верных слуг, забывать изволишь? – с упрёком воскликнул князь Алексей.

Император-отрок бросил свой взгляд на князя Ивана, который молчаливо стоял у дверей, печально понутив голову.

– Ваня, что же ты там стоишь? Подойди! Или и ты боишься меня? Боишься заразиться?..

– Чего мне бояться?.. Я рад бы теперь умереть, – с глубоким вздохом ответил государю и своему другу князь Иван.

– Тебе надо, Ваня, жить. Вот я уже – не жилец на белом свете...

– Дозволь, государь, напомнить тебе, – вкрадчивым голосом промолвил Алексей Григорьевич.

– Про что... Да говори, князь, скорее.

– Кому соизволит твоё величество престол оставить? По праву его занять должна...

– Твоя дочь, а моя наречённая невеста, ведь так? – перебивая Долгорукова, возбуждённым голосом проговорил умирающий император-отрок, причём его большие, красивые, но потухающие глаза горели гневом и насмешкой.

– Государь...

– Довольно!.. Довольно!.. Ты, кажется, князь Алексей Григорьевич, умереть мне не дашь спокойно!.. Господи, какая мука! Как вы все мне надоели!.. Оставьте меня, уйдите, уйдите! Я не могу видеть вас!.. Где Андрей Иванович? Пошлите его ко мне!

– Я здесь, государь, лёгок на помине, – быстро входя в опочивальню императора-отрока, громко проговорил вице-канцлер Остерман.

– Голубчик, Андрей Иванович, как я рад, что ты пришёл... Пожалуйста, не оставляй меня, будь со мною!.. А ты, князь, можешь уходить, – недружелюбно посматривая на Алексея Григорьевича, сказал умирающий император.

– Гнать изволишь, государь? – злобно промолвил Долгоруков. – Видно, теперь мы не нужны стали. Пойдём, Иван! – обратился он к сыну.

– Нет, нет, ты, Ваня, останься.

– Зачем ему оставаться? Пойдём, Иван.

– Я говорю... я приказываю, чтобы князь Иван остался. Впрочем, не надо... уходите! – с раздражением воскликнул государь, но вдруг закашлялся и застонал.

– Государь, вам вредно сердиться и волноваться, – с сожалением и участием посматривая на умирающего императора, произнёс Остерман.

– Не мне, а им скажи, Андрей Иванович, зачем они меня сердят, – показывая на Долгоруковых, слабым голосом проговорил государь.

От гнева и волнения у него усилился жар; он стал метаться и бредить.

Пользуясь этим, Долгоруковы остались в спальне, и князь Алексей, придав своему лицу озабоченность и волнение, произнёс:

– Андрей Иванович, а ведь государь-то совсем плох, ему не встать!

– Безнадёжен... надо быть готовым ко всему, – тихо ответил Остерман.

– Кто же займёт престол, когда не станет государя? – таинственно спросил князь Алексей, пристально посматривая на Остермана.

– Кого укажет Бог, того и выберет Верховный тайный совет, – уклончиво ответил хитрый дипломат.

– А ты о ком думаешь, Андрей Иванович?

– Все мои думы, князь, в Боге.

– Однако, всё же, кого хотелось бы тебе выбрать на престол всероссийский?

– Того хочу я, кого выберут члены Верховного совета. Об этом я, кажется, уже сказал вам, князь!

– А мою дочь Екатерину...

– Батюшка, оставь, пожалуйста! – прерывая отца, с беспокойством проговорил князь Иван.

– Молчи, молчи, Иван, тебя не спрашивают, ты и не суйся! Так что же ты скажешь, Андрей Иванович, насчёт княжны Екатерины? Ведь она – обручённая невеста государя.

– То же, князь Алексей Григорьевич, скажу, что и другие вам о том сказали: если бы княжна Екатерина была венчана с государем, тогда, пожалуй, она могла бы занять престол всероссийский.

– Но ведь она обручена... её по церквам поминают "великой княжной"? Послушай, Андрей Иванович, тебе неплохо будет, когда Екатерину, мою дочь, выберут на царство; ведь ты чуть ли не первым министром будешь в государстве.

– Спасибо, князь, я доволен и тем постом, который занимаю по милости императора Петра, моего благодетеля.

– А тогда, говорю, ты будешь первым министром в государстве.

– Об этом, князь Алексей Григорьевич, преждевременно говорить... Государь ещё жив.

– А если государь подписал духовную? – дрожащим голосом проговорил князь Алексей, беря Остермана за руку.

– Отец... я... я уйду, – бледнея, промолвил князь Иван и направился к двери.

– Ступай, ступай! Ты только мешаешь.

– Отец, попридержись немного, не то будет плохо, – уже в дверях тихо произнёс молодой Долгоруков и вышел.

– Про какую духовную, подписанную государем, вы говорите, князь? – значительно посматривая на Алексея Долгорукова, спросил Остерман.

– А про ту духовную, в которой император Пётр Алексеевич после себя соизволил престол оставить своей обручённой невесте Екатерине.

– Про это, князь, я ничего не знаю.

– Ещё вчера его величество соизволил приложить к духовной свою руку, – несколько не смущаясь, солгал князь Алексей.

– Как? Государь даже подписал? – притворно удивляясь, воскликнул Остерман.

Ему нетрудно было догадаться, что Алексей Григорьевич говорит про подложную духовную; он знал, что государь никакой духовной не подписывал.

– Как же, как же!.. Государь соизволил свою руку под духовной

приложить.

– Я ничего не знаю... мне государь ничего не говорил про духовную. А она у вас, князь?

– У меня...

– Вы мне покажете? Мне хотелось бы взглянуть.

– Время придёт – увидишь, Андрей Иванович.

– Знаете ли, князь?.. Я вам дам добрый совет, – несколько подумав, проговорил Остерман. – Разорвите духовную...

– Что такое? – меняясь в лице, воскликнул князь Алексей. – Разорвать духовную государя? Зачем?

– А затем, князь, что эта духовная подложна, – спокойно ответил хитрый царедворец.

– Как... как ты смеешь! – багровея от злости, крикнул Алексей Григорьевич.

– Тише, князь! Вы, кажется, забыли, что находитесь у ложа умирающего государя. Вы вольны принять мой совет или нет, это – ваше дело. Я только говорю, князь, из жалости к вам; разорвите, сожгите подложную духовную, иначе она погубит вас! – и, не сказав более ни слова, Остерман не спеша вышел из спальни умирающего императора-отрока.

– А, хитрая лисица, пронюхал, про всё пронюхал! Ишь, каналья!.. Теперь наше дело пропало... духовную придётся уничтожить. И хитёр же Остерман, хитрее дьявола, его не скоро проведёшь, – вслух проговорил князь Алексей.

Наступила роковая ночь с восемнадцатого на девятнадцатое января 1730 года. В Лефортовском дворце, в царской опочивальне три архиерея совершили обряд соборования над императором-отроком, который уже находился в предсмертной агонии. Высшее духовенство, члены Верховного совета, а также сенаторы и генералитет собрались в соседней с опочивальней комнате и в грустном безмолвии ожидали роковой минуты.

Вице-канцлер Остерман, князя Алексей и Иван Долгоруковы находились около ложа умирающего государя. Умирающий державный

отрок в беспмятстве стонал и бредил: он звал свою умершую сестру, царевну Наталью, говорил с нею. Вельможи, окружавшие умирающего царя, делали вид, что едва сдерживают рыдания, но главным образом следили за Долгоруковым.

Вот медленно отворились двери царского спального покоя, и в них вошла старица-инокиня, царица Евдокия Фёдоровна; опираясь на посох, ни на кого не смотря, она подошла к своему умирающему внуку-государю, дрожащей рукой перекрестила его и тихо промолвила:

– И ты, государь-внучек, в дальнюю дорогу собрался? Прощай, прости!.. Не чаяла я, не гадала, что переживу тебя. Думала – ты меня, старуху, похоронишь. Да, видно, не судил Бог. Голубчик, сердечный мой Петрушенька, милый внучек мой, на кого ты Русь святую оставляешь? – и царица-инокиня залилась слезами.

Но державный страдалец не узнал своей бабки; он метался в предсмертной агонии и со словами, обращёнными к князю Ивану Долгорукову: "Скорее запрягите сани, хочу к сестре ехать!" – скончался.

Остерман непритворными слезами оплакал юную пресёкшуюся жизнь своего державного питомца. Громко рыдал князь Алексей Григорьевич Долгоруков, но его слёзы были совсем другие: он плакал о потере своей власти, своего могущества. Несчастливого князя Ивана без памяти вынесли из опочивальни умершего государя.

Спустя несколько времени, среди глубокой ночи, на колокольне Ивана Великого гулко прозвучал удар в большой колокол. То был вестник печали. Императора-отрока Петра II не стало: он скончался на пятнадцатом году своей жизни.

Царство русское осиротело.